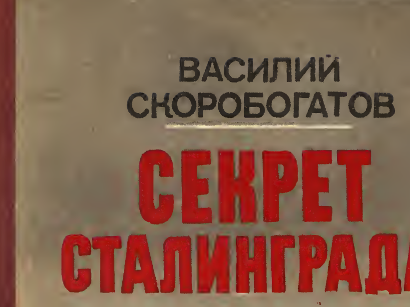

ВАСИЛИЙ СКОРОБОГАТОВ

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

ВАСИЛИЙ
СКОРОБОГАТОВ

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

ВАСИЛИЙ
СКОРОБОГАТОВ

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата — 1982

С 46
Р 2

Скоробогатов Василий.
С 46 Секрет Сталинграда: Роман.— Алма-Ата: Жазушы, 1982. 296 с.

Действие романа Василия Скоробогатова относится к 1942 году (Сталинградская битва). Сюжет книги строится вокруг плана Генерального штаба сухопутных сил гитлеровской Германии закончить Восточную кампанию у излучин Дона, на средней и нижней Волге.

Роман «Секрет Сталинграда» — военно-патриотическое произведение, в котором раскрываются высокие морально-политические качества советского воина, его стойкость и храбрость, превосходство советской военной доктрины перед порочной аахватнической «доктриной» гитлеровского командования.

Рецензенты: доктор военных наук, генерал-майор *С. П. Соловьев*, кандидат исторических наук *Ф. И. Самарин*.

Р2

С $\frac{70302-169}{402(05)\ 82}$ 161—81 4702010200

Глава первая

О ВОЛГЕ

Река народных судеб

«Волга (древнее — Ра, в средние века — Итиль) — река в Европейской части СССР, крупнейшая в Европе, 3530 км, площадь бассейна 1360 тыс. кв. км. Начало на Валдайской возвышенности, впадает в Каспийское море...

На Волге крупные города — Калинин, Ярославль, Горький, Казань, Ульяновск, Куйбышев, Саратов, Волгоград, Астрахань». (Энциклопедический словарь. М., 1980).

Отчизну милую любя...

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке.

(Из стихотворения К. Симонова «Родина»).

«За Волгой для нас земли нет...»

«Двадцать пять лет тому назад народы Советского Союза под руководством великой большевистской партии

свергли власть помещиков и капиталистов и создали свое социалистическое государство рабочих и крестьян.

С тех пор не раз нашему народу приходилось с оружием в руках отстаивать свободу и независимость Советского государства. Славную годовщину 25-летия Советской власти мы снова встречаем с оружием в руках, в борьбе против немецких захватчиков, пробравшихся на нашу землю.

Мы пишем Вам в разгар великого сражения, под гром несмолкаемой канонады, вой самолетов, в зареве пожарищ на крутом берегу великой русской реки Волги, пишем, чтобы сказать Вам и через Вас всему советскому народу, что дух наш бодр, как никогда, воля тверда, руки наши не устали разить врага. Решение наше — стоять насмерть у стен Сталинграда!

Более двух месяцев минуло, как проклятый изверг Гитлер со всей Европы стянул сюда, в приволжские степи, десятки своих лучших дивизий, тысячи танков и самолетов, чтобы захватить Сталинград и присосаться к Волге.

Мы хорошо понимаем замысел врага. Захватом Сталинграда Гитлер пытается перерезать наш волжский путь, а затем, продвигаясь по Волге на юг, выйти к Каспийскому морю, тем самым отрезать нашу страну от главных источников нефти и захватить экономически и стратегически важные районы Советского государства. Таковы его коварные планы.

Мы понимаем, что, если врагу удастся осуществить эти планы, тогда он немедленно бросит освободившиеся силы на Кавказ, против Ленинграда и предпримет широкое наступление против Москвы — сердца нашей Родины.

Сражаясь сегодня под Сталинградом, мы понимаем, что деремся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем все то, что нам дорого, без чего мы не можем жить.

Вот почему мы напрягаем все силы, вот почему мы сражаемся до последнего, ибо каждый из нас понимает, что дальше отступать нельзя.

Проходя по фронтовым селам и деревням, мы видели, с какой любовью и надеждой смотрели на нас колхозники. Они верят в то, что мы не пустим немца дальше, что им не придется уходить дальше из своих хат, в которых они провели всю свою жизнь. Они верят в то, что немецкий грязный сапог не будет топтать поля, обработанные их руками...

Остановить врага под Сталинградом во что бы то ни стало — таков сейчас наш главный лозунг. Для этого требуется только одно — стойкость и дисциплина. Мы на своем опыте убеждаемся ежедневно, что враг не так силен, как его изображают трусы и паникеры, не так страшен черт, как его малюют.

Мы пришли сюда, в приволжские степи, со всех концов великой Родины нашей: с неоглядных русских равнин, с украинских степей, из лесов Белоруссии, с гор Кавказа, из далекой Сибири.

Сыны всех народов нашего многонационального государства в тесной военной семье с одинаковой храбростью, с величайшей ненавистью защищают Сталинград от врага, город, которым гордится весь советский народ. Мы защищаем его потому, что знаем, какое огромное значение имеет этот город для нашей Родины, для нашей Красной Армии.

Посылая это письмо из окопов, мы клянемся, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге.

Перед лицом наших отцов, поседевших героев царицынской обороны, перед полками товарищей других фронтов, перед нашими боевыми знаменами, перед всей Советской страной клянемся, что не посрамим славы русского оружия, будем биться до последней возможности». (Из письма бойцов, командиров и политработников Сталинградского фронта в Ставку Верховного главнокомандования. 7 ноября 1942 года).

И многие это понимали...

«В результате выполнения пятилетних планов в СССР имеется много фабрик, заводов, много оружия, провизии, нефти.

В этой стране руководители правительства и партии все время занимались воспитанием народа, и сейчас советское общество состоит из людей, которые в течение 24 лет получили замечательное воспитание. Все они считают Россию единой родиной великой семьи трудящихся. Русский народ имеет твердые убеждения, и поэтому он не боится ни снега, ни горячей пыли. Русские, не боясь смерти, идут вперед, лишь бы дойти до вражеских окопов. Вот

эта-то моральная сила и не была принята в расчет немецким командованием». (Из статьи «Скрытая сила СССР». Газета «Иран». 11 февраля 1942 года).

Каждому по куску

«В западных областях Советской Украины немцы восстановили 570 крупных имений. Бо́льшая часть владений передана немецким помещикам». (Из шведской газеты «Кракауэр цейтунг». 12 февраля 1942 года).

Земля Джамбула дает наказ

«Сталинград — это ключ к Востоку. Воин-казах под Сталинградом — равно, как воин русский, украинец, белорус, узбек, таджик, туркмен, азербайджанец, грузин — обороняет свой очаг, свою семью, свою родную советскую землю... Деритесь так, как дрались под Москвой ваши земляки, бойцы восьмой гвардейской дивизии. Деритесь так, как дрались 28 гвардейцев-панфиловцев». (Из обращения ЦК Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета Казахской ССР, Совнаркома Казахской ССР к воинам-казахстанцам. 9 октября 1942 года).

Вспоминая цветение эдельвейсов

«Нам дорога Волга, как родные горы Алатау, нам дороги степи Дона и Украины, как и степи Казахстана. Наш путь один — вперед на врага!» (Из ответа фронтовиков-казахстанцев своим землякам, труженикам тыла. Октябрь 1942 года).

Движение на край ночи

«На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить движение по реке транспортных средств.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейтер». Степень секретности: Совершенно секретно. Только для командования». (Директива ОКВ № 45. 23.7.1942).

Медленно — в пропасть

«6-ая армия. В Сталинграде, восточнее вокзала, в тяжелых уличных боях, наступая тремя ударными группами, каждая на узком фронте, 51-й армейский корпус вышел к Волге, отразив при этом многочисленные атаки противника в северной части города...» (Дневное донесение штаба немецкой группы армий «А». 22.9.1942).

Размышления берлинского стратега

«До каких пор можно придерживаться в век операций с участием моторизованных войск идей «управления посредством директив» в том смысле, в каком его понимал Мольтке?». (Из «Военного дневника» начальника Генерального штаба германских сухопутных сил Ф. Гальдера).

Несомненно, правильная оценка

«Голые равнины в России превращены в громадные промышленные районы, заводы располагают первоклассным оборудованием». (Из книги американского посла в Москве Джозефа Дэвиса «Моя миссия в Москве»).

Необходимое добавление к мысли американца

«Мы видели в России командиров высокого ранга и младших командиров, видели солдат и руководителей народа, и повсюду мы встречали одинаковую уверенность и решимость. Можно найти мало примеров в анналах истории, чтобы армия, которая провела такое долгое тяжелое отступление, как Красная Армия в течение лета, все же сохраняла боевой дух и смогла обрушиться на врага с триумфальным успехом на широком фронте». (Из выступления Антони Идена в английском парламенте. Агентство Рейтер, 9 января 1942 года).

Тыла нет — повсюду фронт

«Дорогие товарищи!

Родные сталинградцы!

Остервенелые банды врага подкатились к стенам нашего родного города.

Снова, как и 24 года тому назад, наш город переживает тяжелые дни.

Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке — Волге.

Воины Красной Армии самоотверженно защищают Сталинград. Все подступы к городу усеяны трупами немецко-фашистских захватчиков.

Обер-бандит Гитлер бросает в бой все новые и новые банды своих головорезов, стремясь любой ценой захватить Сталинград.

Защитники Сталинграда! В грозный 1918 год наши отцы отстояли Красный Царицын от банд немецких наемников. Отстоим и мы в 1942 году Краснознаменный Сталинград. Отстоим, чтобы отбросить, а затем разгромить кровавую банду немецких захватчиков.

Все на строительство баррикад!

Все, кто способен носить оружие — на баррикады, на защиту родного города, родного дома!» (Из обращения Сталинградского городского комитета обороны к жителям Сталинграда. 26 августа 1942 года).

У волка одна песнь

«Я не оставлю Волгу! Я не уйду с Волги!» (Из речи Гитлера на совещании генералов вермахта в ноябре 1942 года).

Наша кровь, наша жизнь

«Мы сами во всем — в роще, в речке,
Ударит мороз — стоим камня крепче.
Мы те берега, что крепки в мысли
Не о малом — большом, лишь в жизни.
Нас надежда свела, в ней пребудем,
Мы были вчера и завтра будем.
...А Волга течет — стрежень обнажила,
Как кровь бежит, как жизнь в жилах!»

(Янис Петерс. Воспоминания о Волге. «Литературная газета», 16 июля 1980 года).

Так было — так будет всегда

«Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности, проявив при этом боевую доблесть и героизм. Нет границ величию его подвига во имя Родины.

...Наука побеждать — не простая наука. Но тот, кто учится, кто стремится к победе, кто борется за дело, в правоту которого верит, всегда победит».

(Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления).

Глава вторая

ЧТО ПОДУМАЛ БЫ МОЛЬТКЕ!

I

Сколько Паулюс себя помнит — помнит и этот портрет очень старого человека. Лицо у него гладко выбритое, морщинистое, взгляд — суровый, твердый. Поредевшие волосы над выпуклым лбом прикрывают глубокие залысины. На его военном мундире с двумя рядами пуговиц лежат витые погоны, а невысокий стоячий воротник скрепляет имперская награда — крест с широкими белыми полями. Таким позировал перед живописцем фельдмаршал Хельмут-Карл-Бернгард Мольтке, и таким его образ лег на полотно.

Этот портрет на холсте в раме темного колера, портрет германского полководца, очень простой, украшал сначала стену в кабинете отца — почтенного советника в правительстве земли Гессен, а затем сопровождал в годы учения и службы в императорской армии и позже в рейхсвере его самого — Фридриха Паулюса. Портретом он дорожил, это оставалась чуть ли не единственная реликвия, напоминающая о милом сердцу городке Кассель, где он родился и провел детство. Вещь, которую теперь, при отъезде на восточный фронт, оставил он дома. В багаже генерала для портрета, пожалуй, нашлось бы место. Однако везти его с собой на поля битв, в Россию он счел не-

нужной сентиментальностью. Неподходящая там обстановка. Потом, после победы над русскими, наступит время для всех видов искусств и главным образом монументов — чугунных, бронзовых и мраморных; на отвоеванных землях графу Мольтке тоже будут воздвигнуты статуи, может быть, даже на самом высоком холме в Сталинграде или на берегу Оки — в Рязани. А сейчас не до этого.

Паулюс чувствует себя скверно. Перед его глазами порой возникают и исчезают световые круги, какие-то тени, и даже смутные черты фельдмаршала Мольтке. Это от непривычного климата. И от настроения. Усилием воли Паулюс вернул себе внешнее спокойствие. Никто рядом не должен замечать настроения; при подчиненных ничего не менялось на сухом лице командующего полевой армией, немолодого генерала с надменным и спокойным взглядом.

Генерал ушел в себя. Война в России полыхает уже около года, вот уже прошел и мартовский праздник Heldengedentag — день поминовения героев, скоро земля начнет зеленеть, покрываясь новой травой, но желаемого окончания кампании не предвидится. И кончится ли она в этом году вообще? Неблагоприятный исход зимних операций, особенно Московской битвы, безусловно, тревожит всех на Бендлерштрассе[1]. Должен тревожить и обитателей рейхсканцелярии. Паулюс еще не пережил своего боя в России. Где-то его ждет первый бой. И он не в силах отогнать слова генерал-фельдмаршала графа Мольтке относительно подобной ситуации, слова полководца и ученого, последователя гениального Клаузевица.

«Первый бой — есть экзамен всех соображений и расчетов,— учил Мольтке.— Не выдержать этот экзамен — значит провалить все прежние соображения относительно кампании».

Провалов на экзамене Паулюс никогда не знал. И в университете, и в военном училище, и в академии генштаба.

Что думал бы Мольтке сейчас? Что бы он сказал? Престарелый фельдмаршал лишних слов не любил; современники при жизни называли его «великим молчальником», ему претили разглагольствования, дискуссии, беседы. Пустоты у него не сыщешь. Его высказывания — а они закреплялись обязательно на бумаге — взвешены, проду-

[1] Улица в Берлине, где располагался Генеральный штаб вермахта.

маны. Все тщательно учтено и оценено. Паулюс стал вспоминать детали непревзойденных по своей глубине и ясности планов Мольтке. Какое изобилие вариантов! Мольтке разработал планы нападения на Францию, Австрию и Россию, затем на Францию и Россию вместе — одной Германией и — в союзе с Австрией и Италией. Эти планы, логичные и ясные, рожденные в ходе обстоятельных размышлений в кабинетной тиши, в своей основе оказались пригодными и для первой половины двадцатого века. Без трудов Мольтке «Стратегия», «Письма с Востока», «Письма о России» убогой в Германии была бы военная наука. Из этого «бесценного» наследия, из этой «сокровищницы» мудрости немецким генералам и политикам есть что черпать и черпать! Теории, научные труды «великого молчальника» не могут не окрылять каждого немца.

Человек, нареченный Фридрихом, родился в дни больших торжеств — отмечалось девяностолетие со дня рождения Мольтке. Юбиляр мог бы порадоваться — такие дети, как Фридрих, чуть ли не прямо с пеленок, подобно губке, впитывали в себя то, что породил ум Мольтке, наделенный способностью оригинально разрешать всевозможные стратегические и организационные проблемы.

После первой мировой войны, когда репутация славной фамилии была подмочена бездарностью Мольтке-младшего, теоретическое наследие Мольтке-старшего кое-кто пытался ревизовать. Был поставлен вопрос: так ли уж фатально необходима для немцев война с Россией?

Мольтке-старший утверждал: да! Но во Всеобщем военном бюро (такую вывеску носило учреждение, заменившее в рейхсвере[1] генштаб) появились инакомыслящие. Среди них оказался сам начальник бюро — Ганс фон Сект. Он был в числе первых, кто выразил несогласие с этим тезисом Мольтке.

Сект сконструировал собственную модель. В книгах «Германский рейхсвер», «Мысли солдата» он изложил свои взгляды на Европу. Ее он охарактеризовал так: «Это — будущее грандиозное поле боя». По Секту каждому европейскому государству отведена своя роль; Франция представляет собой левый фланг, Россия — правый фланг, Запад — фронт, Восток — стратегический тыл. Размышляя над созданной своим воображением диспозицией,

[1] Так называлась армия, которую разрешено было иметь Германии по Версальскому договору.

фон Сект пришел к выводу, что весьма опасно одновременно воевать на правом и левом флангах. Нужен спокойный тыл. Таким тылом для Германии должна быть Россия. С нею воевать нежелательно, с ее существованием немцам лучше всего примириться.

Утвердившись в этом мнении, Сект, как и в свое время Бисмарк, выступал за добрососедские отношения с Россией, за возрождение «Договора перестраховки».

Но группа единомышленников фон Секта была немногочисленной. У него нашлось немало противников. Прежде всего зарычали промышленные магнаты. Как это так: «Не трогать Россию!», «Воевать только в Западной Европе!» Из Западной Европы шубу не сошьешь. Россия с ее ресурсами — это другое дело. Верх взяли сторонники войны против России и всех соседних государств. Притом — войны одновременной, молниеносной и сокрушительной. В первую очередь против России, где наблюдается изобилие пшеницы, руд, угля, необходимых Германии. Для запугивания обывателя и привлечения на свою сторону простаков выдумано было пугало «красной угрозы». Идейку эту подхватили Рем и Гитлер и их друзья-приятели. Они-то постарались для своих хозяев-толстосумов.

Паулюс был воспитанником суровой школы фон Секта, он находил в его идеях разумное начало и, будучи преподавателем в академии, развивал их в своих лекциях по военной истории и стратегии. Но Сект, громогласно называвший Гитлера проходимцем и шарлатаном, умер. Рейхсвер, его офицеры и генералы остались, они пошли за Гитлером. Долг человека, обутого в рейхсверовские сапоги, долг солдата, как Паулюс его понимал, обязывал его, Фридриха Паулюса, верой и правдой служить тому, кто оказался во главе государства, служить безоглядно, подчиняться беспрекословно. Он без особых колебаний принял новую присягу.

Рейхсканцлером стал тот, кто взялся стереть кое-какие государства с географической карты! Он не только произносил слова. Он стал делать войну. Он нашел солдат — кругом было столько безработных и нищих. Но нацистская Германия, начавшая войну, нуждалась в полководцах, стратегах, хотя бы отдаленно напоминающих Мольтке и способных с его прозорливостью планировать войну. А их единицы — кругом оказывались люди ординарные, без блеска. А война разгорелась во всю мощь. Армия несла потери, и многие планы операций провалились. Паулюсу

это портило настроение. Не будет ли еще хуже? Что предпринимают те, кто верховодит в тылу?

Задав себе эти вопросы, Паулюс вспомнил почему-то не Гальдера или Кейтеля. Не имена этих или других видных особ из генералитета пришли на ум Паулюсу. Даже не имя Гитлера. Он вспомнил генерала Карла Генриха фон Штюльпнагеля. Судьба иногда сводила их вместе, последний раз свела летом сорок первого в Карпатах. Первое впечатление от Штюльпнагеля — вульгарный рядовой бюргер. Потом обнаружилось еще кое-что. Как он разговаривает? Откуда-то приобрел акцент — не то английский, не то французский. Плохо запоминалось лицо генерала — разве только что в нем проскальзывало нечто монашеское. Окружающих шокировало иногда то, что генерал проходит мимо них с отрешенным взглядом, при этом молча шевелит губами, словно разговаривая сам с собою.

И кто бы знал, что все началось с Ницше, с того дня, когда розовощеким гимназистом он зазубрил ницшеанскую «Волю к власти»! И получалось странно: воля у него при этом расслаблялась, а меланхолия усиливалась. Чем бы это кончилось — неизвестно, если бы для таких вот умников, как Карл Генрих, не нашлось средства притормозить развитие пагубного комплекса. В юнкерской школе, куда его пристроили, рассеянность и меланхолия решительно пресекались. За малейшую оплошность фельдфебель гонял чистить уборную или, поставив перед собою, заставлял по двадцать пять раз приседать с винтовкой на вытянутых руках. Штюльпнагель при таких обстоятельствах забыл и про «Волю к власти».

Однако, произведенный в лейтенанты, Штюльпнагель аккуратно продвигался от чина к чину. Ницшеанские теории снова его захватили уже при свете генеральских звезд — он к тому времени стал в вермахте командующим семнадцатой армией. Для него возникла возможность совмещать обязанности по управлению армией с философскими раздумьями.

Штюльпнагель понимал, что его философия не для каждой пары ушей. Желательны те, которым можно довериться. Он встречает немногословного, замкнутого генерала, первого генерал-квартирмейстера Фридриха Паулюса, приглашает его к себе в резиденцию, в охотничий замок, и там, в обширном кабинете, за двойной обитой дверью, необычно торжественный, знакомит гостя со своими идеями.

Начал деликатно:

— Извините, генерал, хочу позволить себе большую вольность. Но начну с вопроса: вы читали когда-нибудь Фридриха Ницше?

Паулюс ответил, что он, конечно, ценит господ стихотворцев. Он бы слушал их с удовольствием. Но нет времени для этого.

Паулюс не сознался, что к стихам он чувствует отвращение. Это возникло давно, в Касселе, где он учился в первом классе гимназии. На пути в гимназию и обратно, в переулке шириною в десяток саженей, он частенько сталкивался с отставным тюремным надзирателем, прогуливающим собаку. Остановив однажды Фридриха, этот старичок вынул из кармана бумажный сверток. «Это я сам сочинил»,— сквозь свист астматического дыхания похвастался бывший тюремщик. Фридрих развернул свиток и с трудом прочел строчки, состоящие из каракулей. В корявых ямбах описывалась экзекуция, наказание заключенного палками: «Раз, два, три, четыре». Фридрих поспешил вернуть старику листы, не дочитав до конца, и убежал — его испугали стихи и бой часов на ратуше. Он опоздал на урок. И с того дня стал обходить стороной квартал, облюбованный тюремщиком, избегал новой с ним встречи.

История повторяется. Паулюс видел генерала Штюльпнагеля, но перед его глазами всплывал кассельский старичок в очках, в потертой форменной фуражке тюремного надзирателя, со своим манускриптом. Не наваждение ли?

— Ницше не читал,— сказал Паулюс.— Слышал его рассуждения о сверхчеловеке, о добре и зле... Но вряд ли они полезны солдату.

— Нет, нет, дорогой генерал,— возразил Штюльпнагель.— Я не могу с вами согласиться. Это идеи долговечные и возвышенные. Здесь, на Украине, как раз можно жить по ту сторону добра и зла. Когда читаешь в донесениях о работе стражей правопорядка — СС и гестапо, о работе комендатур и полицаев, создается впечатление, что живешь не на земле....

— В аду?

— Что-то в этом роде. Но это как раз и рождает глобальные идеи! Я время от времени отвлекаюсь от рутины. Пишу трактат... Хотел бы услышать мнение. Здесь...

Штюльпнагель извлек из походного сейфа папку, положил на стол.

Генерал Паулюс, увидев титул сочинения, поднял бро-

ви, выразив удивление, озадаченность. Свой труд Штюльпнагель назвал так: «Какое может иметь для нас значение временное поражение?» Странная тема! Всюду бесспорные и молниеносные победы вермахта, а этот, оторвавшийся от настоящего боевого дела генерал, сочиняет мистический прогноз о возможном поражении. Мозговая эрозия? В вермахте развелось так много людей со странностями! Может быть, и на генерала пагубно подействовал этот поход? Запамятовал, что такое вермахт.

Говорят же, что «нигде иностранец так легко не забывает свою родину, как в Карпатских горах».

Почему этот генерал, искушенный знаток Ницше, пригласил именно его, Паулюса? Не было никаких поводов для коротких, доверительных отношений между ними,— тем не менее вот такая встреча и беседа! Паулюс, чтобы справиться с растерянностью, стал медленно читать рукопись. Не очень объемную — на два часа чтения. Она была именно рукописью, генерал-философ не счел возможным доверить ее пишущей машинке. Паулюс обратил внимание на то, что автор, подобно Ницше и фюреру нации, с большой смелостью и размахом употребляет в своем трактате географические, геополитические и сверхчеловеческие понятия. С печальной легкостью, по собственному разумению, решает проблемы устройства мира.

Во вводной части трактата провозглашалось:

«На наше поколение германской нации выпала историческая миссия — в известной мере возродить великие идеалы священной Римской империи, продолжать дело Германской империи, начатое в 1871 году. Мы развернули тотальную битву за жизненное пространство, за возрождение немецкого народа. В этой битве мы не одиноки, с нами находятся в коалиции и древнейшие народы — итальянцы и испанцы.

Поэтому для каждого истинного германца чрезвычайно необходим на современном этапе союз этих народов. Союз народов Западной Европы, а также тесный союз с Японией и Китаем и с другими признающими главенство Германии народами с целью овладения продовольственными территориями и минеральными ресурсами Восточной Европы, Сибири, включая Центральную Азию, Персидское государство и Кавказ. Могу прямо сказать, что от Финского залива и Днестра до Тянь-Шаня и Камчатки простираются обширные районы, крайне необходимые Германии. Без преувеличения можно назвать земли Вол-

ги, Урала, Енисея, Амура землями хлеба и ископаемых, где место, занимаемое ныне Россией, принадлежит третьему рейху, Великой Германии».

Что же, изложено все с размахом! Но идеи не совсем самостоятельные, об этом убедительно написано уже многими другими выдающимися теоретиками. Что же далее хочет провозгласить Штюльпнагель?

Далее трактат, содержавший крутые зигзаги, показался Паулюсу довольно любопытным. Вместе с тем и насторожил его. В умопомрачительных этих зигзагах обнаруживалась явно пораженческая окраска. Как понимать, к примеру, такие перлы:

«Наши сражения на востоке,— подчеркивал автор,— против большевистской России, против славянства, и наши битвы на западе, против англо-американских плутократов, разгром Польши и Франции, являясь поистине историческими, относятся к первой стадии борьбы.

Кампания охватит другие государства и продлится несколько лет....

На заключительной стадии борьбы в общий альянс будут включены англо-американцы, японцы и китайцы,— миллионы войск, осененных свастикой, подобно гуннам, пойдут в поход против славян, монголов и татар, против России и опрокинут все на своем пути. Мир окажется завоеванным, великогерманцы будут осенены наконец лаврами победителей».

Многие страницы занимали формулы и диаграммы, уточняющие изложенное.

Штюльпнагель выжидательно молчал. Паулюс с комплиментами не спешил. Его стало это немного забавлять.

— Это трудно воспринимается, господин генерал. Великогерманцы победят. Куда же потом девать японцев и китайцев?— спросил Паулюс.— Их так много.

— Как только мы победим, в них, присоединившихся к нашей стратегии, полностью отпадает надобность. От них придется как-то избавляться. Будут построены гигантские гетто с крематориями, газовыми камерами. Переработку китайского человеческого материала можно вначале поручить японцам. На японцев тоже найдутся добровольцы. Может быть, малайцы или индонезийцы.

Паулюс был наслышан ранее о странностях Штюльпнагеля. И вот сейчас убедился, что этот генерал, видимо от умственного перенапряжения, перехватил. То, что он провозглашает, отдает экстравагантностью, хотя, конечно, свя-

зано с нынешней нацистской идеологией. Но только косвенно. В его изысканиях виден налет чего-то растрепанного, неупорядоченного.

Паулюс остро заметил:

— Ваши воззрения, господин генерал, как мне кажется, несколько отличаются от идей, бытующих в нашем государстве. Я уже не говорю о том, что они им противоречат.

— Безусловно! Я же не попугай, чтобы вещать с чужого голоса. Штюльпнагель задумался, а затем с презрением отозвался о Геббельсе.

— Да, мой друг, берлинские пропагандисты измельчали, в том числе и доктор Геббельс. Все они недалекие люди, если не сказать глупцы. Раскройте страницы газет «Дас рейх», «Фелькишер беобахтер»! Геббельсовское ведомство, создавая свою картину мира, мыслит скудно, убого. Вы со мной согласны? Нет! Поймите, они не видят дальше своего носа. Возьмите Розенберга с его мифами. Вы только прочтите его убаюкивающий «Миф XX века». Впрочем, читать не стоит. Бред. Твердит о расах. Расы — не главное. Мы — солдаты. У нас свое понимание вещей. От прочих смертных, подданных Германии, нас отличает пристрастие к оружию — и мы обязаны в необходимых случаях контактироваться с любой расой, с каждым, кто привык к винтовке, пистолету, ножу. Розенберг боится поражений, а их бояться не следует. Даже гибели. Солдат хорош тогда, когда над ним нависла смерть. У него не должно быть надежд. Солдат пойдет в огонь во имя торжества грядущих стадий завоевания мирового господства.

«Можно принять его за оракула,— думал Паулюс.— Нет, он маньяк, больной человек, определенно больной. Что его заставляет копаться в философии Геббельса и Розенберга, в разного рода теоретических отбросах? Ведь у него на плечах генеральские погоны?»

Паулюс пытался представить себе реакцию нацистских верхов в тот момент, когда до них дойдут теории Штюльпнагеля. «Его попросту обвинят в пораженческой пропаганде,— после некоторого раздумья сделал вывод Паулюс.— Ему несдобровать. Он созрел и перезрел для концлагеря».

Смеркалось. Кабинет Штюльпнагеля выглядел мрачно, словно склеп.

Паулюс спросил:

— Какой же смысл в войне, которую мы ведем сейчас?

По-вашему выходит, что мы придем к нулевому результату. Что явится причиной?

Штюльпнагель поднялся. Раздался скрип отодвигаемого кресла.

Ответил вопросом на вопрос:

— Вы хотите спросить о причине будущего поражения? Ее искать бесполезно, так же, как выявлять причину рака. Болезнь эта уже сейчас простирается тончайшими нитями в организме вермахта. Эти разветвления дальше будут разбухать и разрастаться, особенно, если начнутся операции в глубине российских просторов.

Штюльпнагель заключил:

— Мой трактат отнюдь не закончен. Думаю, вы не откажете в любезности ознакомиться с ним полностью.

— Благодарю.

— Мы встретимся?

— Пожалуй, если позволит рок.

II

Паулюс чувствует себя бодрее. Но его все еще знобит. А ведь уже календарное лето. И снова давят воспоминания. Всплывают в сознании встречи в рейхсканцелярии, обрывки докладов, директив, частных разговоров.

«Говорите, что хотите, но во Франции все же было поиному. Как-то спокойнее. Скажу больше: приятное было времечко во всех отношениях! Не правда ли?»

Где это он слышал? Сразу-то и не вспомнишь. Генерал Паулюс, напрягая память, па минуту теряет нить мысли. Ах, да! Слышал он этот разговор где-то на Осколе, в казино. Верно: это было 14 марта — на панихиде по умершим героям. Собралось тогда человек тридцать штабных офицеров.

В тот день чествовали героев, павших па полях славы, пытаясь внушить себе и другим, что герои погибли не напрасно. Старый знакомый генерала, начальник офицерского казино капитан Дормейер, расстегнув мундир и пересыпая речь словечками вроде французского междометия «О-ля-ля» и «Пардон, месье», произнес поистине великолепную речь. Его речь перекрывалась шумными голосами, слышались названия памятных мест — один что-то рассказывал о казармах принца Евгения, другой о госпитале св. Анны, третий хвалил Гранд Опера, плас Пигаль.

Те, кто повоинственней, кричали:

— Сотрем в порошок!

Залы, занятые под казино, сверкали. На столах, покрытых белыми скатертями, обширная география блюд: норвежские консервы, голландский сыр, греческие и хорватские сигареты, французские вина, польские салфетки. Посуда немецкая, лучше ее не бывает. Разве что чехословацкая. Но в казино предпочитали посуду немецкую.

Паулюс отметил про себя естественность и прямоту Дормейера еще в Мурмелоне. Безусловно, нельзя было не посочувствовать этому человеку — гессенцу, который с таким жаром говорил о покинутых местах, собственно, это была тоска по родному небу, по родному воздуху.

Стоило заикнуться о Гессене, Саксонии, Померании или Богемии — все заглушал истошный вопль:

— Зиг, хайль!

— Зиг, хайль!

Появились устрицы и лангусты, петух в вине, утка с апельсинами.

Дормейер старается. Хочет повернуть мысли на Францию. Там последний рядовой шестой армии мог есть не только устриц и лангустов, но и улиток, и лягушек.

Чего теперь не было на столах? Не было икры и осетрины. Заливная осетрина — ее ели в Киеве, она очень вкусна. Во Франции и Германии перевелась эта рыба, она есть только в России и Иране. В России она имеется, есть и икра —сколько угодно.

В офицерском казино послышались жаркие речи о волжских осетрах. Кровь героев пролита недаром. Скоро у каждого немца будут на столе и волжские осетры.

— Во Франции осетрины не было, но были...— вздохнул толстый интендант с узкими губами и квадратной челюстью.— Помнишь, Ганс, того француза, которого ты подстрелил на Монмартре из-за красотки?

— Были... были красотки!— прорычал Дормейер. Выше красоток фантазия Дормейера не поднималась, да это и не нужно. Главное — боевое настроение.

А настроение — в хоре голосов: «Сотрем в порошок!» Кого? Ясно кого — русских! В самый короткий срок.

Выпит кофе. Гвалт заглушило дружное пение. Положив друг другу руки на плечи, Дормейер и его друзья запели:

«Пусть белеют вражьи кости
По полям у всех дорог!
В воду хищным рыбам бросьте
Все, чем ворон пренебрег!»

И припев:

«Первого августа будем на Волге,
Первого августа будем на Волге!»

Рискованно устанавливать даты. Нетрудно ошибиться. Ведь ошибся же в прошлом году сам радиопророк — начальник прессы генерал Дитрих. Он заявил тогда: «Даю слово немца, что Москва будет взята первого ноября».

Москва так и осталась в руках Сталина.

После смерти фельдмаршала Рейхенау, этого честолюбивого гусака, генералу Паулюсу предстояло ехать на театр военных действий, чтобы его заменить. Наиболее выдающиеся генералы, генералы «вперед» были давно уже на фронте. Например, Гудериан, Клейст, Гот, Клюге и Эрвин Роммель. Он представил себе Роммеля в палатке, под африканскими пальмами. Впрочем, там пальмы растут только в оазисах, а боевые операции ведутся в песках. Роммеля уже именуют «Лисицей пустыни». Экзотическая слава! А кем станет он, Паулюс? «Лисицей степи», что ли?

Паулюс с сердечной теплотой подумал о Роммеле. Он приезжал осенью сорокового в Мурмело́н. Они там встретились, много часов провели в дружеских беседах. Роммель это не Штюльпнагель. Настоящий боевой генерал.

Мурмелон....

Мурмелон для военного — это все равно что Мекка для мусульманина или Бенарес — для буддиста.

Мурмелон — это первоклассный французский военный лагерь, хозяевами которого стали немцы. Спустя пару суток, прибыв туда, Паулюс прежде всего, вместе с командующим, осмотрел обширную территорию военного лагеря. Казармы, цейхгаузы, ангары, аэродром. Вышки, наблюдательные пункты, отдельные строения — посты. Рядом — обширные поля, продуманно оборудованные, по ним — вдоль и поперек — колеи; в узорах на земле угадываются следы колес артиллерийских установок и тягачей, бронетранспортеров, танковых гусениц...

Паулюс неустанно работал, добиваясь, чтобы душа и плоть солдата пропитались всей программой воинского обучения. Проводил суровые проверки, смотры.

Обучение завершилось крупными маневрами войск, входящих в состав шестой армии. В маневрах участвовал весь Мурмелон. Среди наблюдавших за учениями был Роммель. Целую неделю гремела канонада, оповещая фран-

цузов о репетициях вермахта. Снарядов и бомб не жалели. Бомбардировщики и штурмовики молотили по наземным целям, с самолётов «Ю-52» сбрасывались десанты. Они взаимодействовали со штурмовыми группами, бравшими с ходу стратегические объекты. Все это называлось получением боевых навыков в условиях местности и климата, максимально приближенных к условиям центра России.

Роммель сказал Паулюсу:

— Поздравляю, генерал. Шестая армия стала сколоченной, мобильной. Словом, такой, какой мог бы гордиться любой полководец, даже сам Мольтке.

Паулюс тогда вскоре покинул свою шестую. Уехал, чтобы работать в Генеральном штабе. Работал довольно долго, почти два года. Рейхенау умер в разгар боев на Украине. Паулюс снова увидел свою родную, шестую полевую...

О покойниках плохо не говорят, но ничем хорошим не вспомнишь Рейхенау. Он прискорбно мало сделал для укрепления боеспособности шестой армии на полях России. Теперь все это сделает Фридрих Паулюс. Он приехал туда, где сражаются солдаты («Ты опять попадешь на периферию вермахта»,— заметила в слезах жена). Никто не понял, по-видимому, что назначение его в шестую армию явилось чудесной волей провидения, которым наградила его судьба. Война призывала именно его.

После Харькова снова вспомнился Штюльпнагель и его chef d'oeuvre[1]. Вспомнился после встреч Паулюса с офицерами из комендатур, людьми с ожесточенными лицами. Они с остервенением умножают число тюрем и виселиц, раздувают охранные команды. Но идут туда в основном уголовники, готовые за убогую подачку зарезать своих родителей. Паулюсу казалось, что ради улучшения репутации немцев можно обойтись без них. Но как?

Адъютант штаба армии полковник Адам как-то положил Паулюсу комплект фотографий — были сняты казни. Пожилой немецкий ефрейтор и офицер в чине обер-лейтенанта с выражением отваги на лице держали на подмостках под петлей русскую девушку с ушедшими под веки зрачками, возможно комсомолку или партизанку. Площадь у эшафота была оцеплена вооруженными до зубов отрядами солдат и полицаев.

Паулюс с сожалением подумал о будущем обер-лейтенанта и солдата. Что с ними произойдет, если при отступ-

[1] Образцовое произведение *(франц.)*.

лении они попадут в руки красноармейцев? Ведь у русских есть инструкция, первый параграф которой содержит призыв: «Смерть немецким комендантам и подкомендантам!..»

В этой инструкции, гневно осуждавшей фашистских извергов, сказано было: «Отомстим врагу!» Почему «месть» — непонятно. Офицеры и солдаты выполняют приказ о наказании подрывных элементов. Освободи эту арестованную комсомолку в нелепой кургузой куртке, она снова возьмется за старое, подожжет казарму или пустит эшелон под откос. Погибнут солдаты. Значит, без строгостей обойтись нельзя.

«Может быть, это наш просчет?— подумал Паулюс.— Мы не учитывали сопротивления населения на захваченных землях».

Спору нет, Россию нужно завоевать. Но надо также сделать немецкую власть над ней прочной.

А к чему привела вся эта анархия? У русских появился лозунг: «Смерть немецким оккупантам». Сочинена и исполняется песня «Священная война». Как-то Паулюс, оставшись наедине с Вильгельмом Адамом, зная о его склонности к радикальным суждениям, попросил его поделиться известными ему сведениями о морали, этике, нравственности русских, пояснить, почему они называют войну с их стороны священной. У Паулюса прежде не находилось времени, чтобы ознакомиться с бытом русских, их религией.

Адам, обладая живым даром речи, был рад поговорить с генералом. На гладко выбритой физиономии полковника поблескивали умные глаза.

— Нам, господин генерал, надо знать— начал он издалека,— что у советских правителей много общего с воззрениями наших тельмановцев. Они атеисты, они не верят в бога. Библия и Евангелие для них обычные книги античных авторов, они не верят в загробную жизнь. Поэтому советское понятие «священная война» отличается от арабского понятия «газават» или «джихат». «Газават»— священная истребительная война против неверных. Понятие это сугубо восточное, пришло еще из раннего средневековья от основателей ислама. Большевики учили советских людей придерживаться научных истин. Вот в чем дело! Но религиозные традиции у них исчезли не совсем. Сам Сталин, грузин по национальности,— христианин. Он даже учился в духовной семинарии. Есть у них народы,

придерживающиеся мусульманской или даже буддистской традиции. «Священная война» идет от традиции, но смысл совсем не религиозный. Большевики хотят внушить своему населению, что чужестранцы оскверняют землю. От этой скверны здесь начали очищаться еще в 1918 году. Тогда был расстрелян, кажется, где-то за Уральскими горами, последний царь России. Вместе с супругой. Она немка, приходилась внучкой английскому королю, в девичестве принцесса Гессен-Дормштадская. При крещении ей дали имена: Алиса, Виктория, Елена, Луиза, Беатриса.

— В истории такие случаи бывали. А скажите, наш поход можно объявить священным?— спросил Паулюс.

— Почему же? Можно. По-моему, этим занимаются рейхсминистр пропаганды и подчиненные ему старшие и младшие фюреры. Они на всех перекрестках вопят о крестовом походе против большевизма. Крестовый поход — значит священный. Газеты часто пользуются словами о крестовом походе, и радиокоментатор Отто Дитрих—тоже. Вермахт снабжен ремнями, на пряжках которых красуются слова: «С нами бог!» Но священной войны не получается.

Паулюс поморщился. Адам чувствовал, что Паулюса мучают сомнения, и продолжал:

— Слова: «С нами бог!»— никто из наших солдат не читает. А советские солдаты свою «священную войну» поют в строю, поют в окопах. Вся песня пропитана ненавистью к немцам. Песня у них звучит как клятва, как молитва. Там, в рейхсканцелярии, не знают, конечно, об этом. Хотя и надеются натравить здешних мусульман на христиан, буддистов на христиан. Но выйдет ли? Чужая страна, непонятный народ.

Паулюс молчал. Он размышлял о России. Да, она отличается от тех стран, где теперь воцарился «новый порядок». Адам тысячу раз прав, тут уж каждый офицер и рядовой подтвердит, что Елисейские поля, Булонский лес, песни французских шансонье в корне отличаются от здешних полей, лесов и песен. В России повсюду — в недрах лесов, в каждой промоине, в каждом овраге таится для немцев смерть. Ледяным холодом смерти даже веет от этой песни.

Нить размышлений прервал начальник тыла. Доложил о прибывших новых грузовиках. Начальник тыла, уже побывавший в боях на Изюминском выступе, настроен бодро.

Он думает, что на Волге все и кончится. Что ж, пусть

к этому и стремится. Он, Паулюс, тоже так думает. Но что будет, если на Волге ничего не кончится? Нет, нет. Именно там все и должно завершиться. Во всяком случае, надо постараться, чтобы к такому исходу пришла кампания.

Строгое лицо Паулюса, как и лица всех профессиональных военных, не было приспособлено к улыбкам. Улыбался только Рейхенау. Но он был связан с дипломатией.

III

Потом он как-то увидел — уже не на фотоснимке, а наяву — в убогом русском селении следы неутомимой деятельности комендатуры. Увидел небольшую сельскую пришкольную площадь, и на этой площади возвышались столбы с перекладиной, с нее свисали веревки... Трупы с веревок уже были сняты.

Такова была реальность. О ней говорил генерал Карл Генрих фон Штюльпнагель, называвший немецкие комендатуры образцовыми центрами цивилизации, учебно-воспитательными заведениями, считая их существование необходимостью для жизни будущих поколений.

Генерал отвел взгляд от неприглядного зрелища, сдерживая легкое подергивание лица, и тут увидел другое... Увидел, как немецкие военнослужащие легко и просто могут попирать смысл и букву Германского воинского устава. В этом уставе содержатся параграфы 129 и 135, касающиеся преступных деяний под названием «мародерство» и «грабеж». Но о каком уважении к Германскому воинскому уставу и о его соблюдении можно нынче рассуждать, если с тридцать третьего года бездействует рейхстаг и забыта даже конституция государства! Забыта и пылится в архивах сама достославная Веймарская конституция!

По сельской улице шагал немецкий унтер-офицер, неся под мышкой обезглавленного петуха. Генерал дал шоферу знак, и тот сбросил газ. Смутившийся унтер встал навытяжку перед генеральской машиной, уронив в пыль мертвую птицу. На голове унтера была нахлобучена стальная каска. Каска, показывающая, что он понимает дисциплину.

Унтер застыл в оцепенении. К лицу его прихлынула жаркая волна.

Полковник Адам, ехавший на заднем сиденье рядом с Паулюсом, подозвал унтера. Спросил имя. Тот ответил хрипло, растягивая слова:

— Унтер-офицер Нивег, командир расчета зенитно-артиллерийского полка.

От него несло тяжелым запахом глины. Он, видимо, долгое время просидел в блиндаже. На руках цвета глины проступали следы крови.

Полковник Адам пояснил генералу, что это уголовно наказуемое воинское преступление в соответствующих параграфах Германского воинского устава квалифицируется так: «Самовольные реквизиции и поборы, совершенные в корыстных целях». А обозначено оно словом «грабеж». Деяние это в первую мировую войну строго наказывалось — виновный подвергался лишению всех прав и состояний. И все же... На территории России с уставом можно не считаться. Унтер-офицер, очевидно, его и не знает. Действует приказ, по которому немецким частям повелевается «добывать пропитание на месте». Приказ появился еще в начале января и предписывал нижним чинам сочетать обеды из полковой кухни с блюдами собственного приготовления из добытой провизии.

Приказ издал фельдмаршал Рейхенау, генерал Паулюс никогда не подписал бы такой документ. Видно, Рейхенау изменило чувство меры. Нельзя положиться на солдат, промышляющих по свинарникам и курятникам. Батальоны и полки, батареи и дивизионы, вымуштрованные и марширующие,— вот опора и надежда. А этих, обыскивающих кладовые и скотные дворы, занимающихся мародерством, нельзя считать надежными, они даже опасны и портят облик настоящего немецкого солдата.

Мольтке перевернулся бы в гробу, если бы ему почудилась армия, не исполняющая Германский воинский устав, добывающая у жителей на пропитание кур и поросят. Раньше, на территории Франции, в шестой армии командующий такого не наблюдал.

Лоб полковника прорезали крупные складки. Наказание должно быть назначено строго по уставу, действовавшему во время первой мировой войны. Параграфы 129 и 135. Прозвучало несколько резких слов.

— Генерал лишает вас чина,— услышал унтер-офицер.

О лишении состояния, то бишь имущества, Нивег ничего не услышал. Каким состоянием владеет унтер? Нельзя же отобрать у него каску или сапоги. Он не владеет недвижимостью.

Генеральская машина двинулась дальше, а облегченно вздохнувший унтер со своим трофеем, высоко подбрасы-

вая ноги, зашагал в свой дивизион, несколько подавленный, но гордый тем, что повстречал и разговаривал с самим командующим армией. Пережив испуг, он вместе с тем был доволен, что все обошлось,— унтер-офицерский чин — это не «999»[1]. И не только это радовало. Генерал, как показалось Нивегу, и не подумал о возвращении населению награбленного. Значит, тот, кто ведет их в поход, ничего не имеет против такой системы солдатского поведения.

Через четверть часа, когда Нивег уже приближался к своей батарее, настроение у него ухудшилось, он несколько приуныл. Его испугали шныряющие под ногами мыши. Множество мышей. Половина солдат на батарее болеют — туляремия, почечная болезнь, ее распространяют вот такие полевые мыши. Вот почему солдатам не рекомендуется без нужды выходить из блиндажей, их пропитал запах земли.

О наказании, которое определил ему генерал, унтер решил помолчать.

Кому польза от того, что с его мундира сдерут унтер-офицерские погоны? К тому же генерал был далеко. Генералу было не до какого-то унтера, ему надо управлять войсками.

Путешествие к Волге не приносит никому радости, даже генералам. Когда пришла армия в эти степи, вдруг стала вянуть трава. Стали прятаться птицы и насекомые. Живут только больные мыши. Со стороны меловых холмов Обдонья ветер несет запах разложения — пули и осколки убивают все, что можно убить. Все окрест источает запах тления. Этот запах действует удручающе.

На картах, как важный рубеж, обозначен Чир, приток Дона. Мелководная речонка с озерами, болотами и зарослями камыша. Она обозначена на карте Паулюса, с его карандашными пометками, а значит входит в анналы войны.

Летней ночью, 17 июля, авангарды шестой армии достигли чирского рубежа. Чернота ночи на реке Чир наполнилась непрерывным рокотом моторов, трескотней пулеметов, автоматов и винтовок. Криками и проклятиями раненых.

Сначала командующий шестой армией подумал, что это

---

[1] Номером «999» обозначались штрафные роты.

совершенно случайная стычка с красноармейцами, понукаемыми фанатиками-комиссарами. Но стычки переросли в кровопролитные схватки, вплоть до рукопашных. Советские части сопротивлялись ожесточенно, потом под прикрытием своего огня отошли. Километров на пятнадцать-двадцать. Значит, там и есть основной рубеж. Ясно стало, что на Чире только часть русской стратегической обороны. Паулюс бросил вперед разведку.

Тупорылый бронетранспортер с коричневыми пятнами на броне вышел на косогор. Сизый дымок окутал траву. Вроде бы нет нигде ни одной живой души. И вдруг снизу, из-за ручья, со свистом и цоканьем метнулись пули. Значит, там, в одиночных окопах под бугорками,— русские, пехота.

Туда — огонь артиллерии и тяжелых минометов! Мощь броневых сил, танков!

Русские, израсходовав патроны, перебегают по каменистому полю, покрытому редким кустарником, отходят к следующей линии обороны. Еще одна линия, еще одна...

Степь на огромном пространстве покрывается черными султанами дыма. Отчаянная и бесполезная перестрелка. По вине этих... большевиков-комиссаров. Что они могут изменить?

Разъяренные немецкие артиллеристы и минометчики, не жалея снарядов и мин, бьют и бьют по далеким движущимся целям. Те исчезают. Но через короткое время появляются снова и снова.

Трое суток идут непрерывные бои, пока четко не обозначается прорыв. Кипение боя на какое-то время стихает. Русские оттеснены еще на двадцать-тридцать километров. На столько же выдвигаются вперед наблюдательные пункты Паулюса.

Сразу же после прорыва 20 июля танкисты панцирного полка доставили к Паулюсу двух русских, взятых в плен. Офицера и рядового. Рядовой, ярко выраженной монгольской наружности, был ранен в живот, вскоре умер, не дав никаких показаний.

Кирпично-красное лицо пленного русоголового офицера искажала страдальческая гримаса — он был контужен. Форма — в окровавленных клочьях, но держался на допросе гордо. В бою командовал ротой. Родился в Рязани. Рязань... Рязань... Слово знакомое. В памяти генерала всплыло: «Мольтке в 1872 году был шефом 69-го пехотного Рязанского полка». Русский царь Александр II в знак

признания заслуг Мольтке прислал ему в подарок мундир русского полковника. Наградил каким-то орденом. Вот где истоки храбрости и стойкости!

Паулюс обратился к офицеру через переводчика:

— Рязань? Это крепость?

— Обыкновенный город. Расположен на Оке.

— Ваша шестьдесят вторая армия формировалась в Рязани?

— История шестьдесят второй мне не известна.

— Где Рязанский 69-й пехотный полк?

— Какой?

— Шестьдесят девятый. Нам все известно! Говорите, говорите!

Офицер никогда раньше не слышал о Рязанском 69-м полке, он прибыл с маршевой ротой из запасного стрелкового полка, скрытого в бывших пионерских лагерях на Хопре. Но он решил не разубеждать гитлеровцев. Ответил утвердительно:

— Полк этот самый, Рязанский полк, был в резерве главного командования, недавно он занял позиции на Волге. Это самый лучший советский полк. Гвардейский. Люди дали клятву или победить или погибнуть в бою, но за Волгу не отступать. Каждый завещал: «Не хороните меня в Рязани». Это слова нашего Есенина.

— Что он говорит?— спросил Паулюс.— Есенин — командир полка? Где полк? Пусть покажет на карте.

— Вот здесь его батальоны, занимают этот район,— стал объяснять офицер.— Первая позиция, вторая позиция. Противотанковые рвы, роты и дзоты.

В штабе Паулюса знали о существовании оборонительных сооружений в Междуречье. Знали это и без «показаний» пленного. Снимки, сделанные самолетами-разведчиками, отчетливо показывали инженерные линии. Но уточнение, полученное в ходе допроса, поразило. Полк, над которым шефствовал еще Мольтке! Паулюс с горечью подумал, что со времени Петра Великого цари приглашали в страну иностранцев, немцы всему учили русских и тем самым нанесли вред самим себе. Теперь против немцев воюет полк, душой которого стали заветы немецкого полководца.

Об этом должны знать в Берлине.

Паулюс приказал отправить пленного советского офицера в ставку фельдмаршала фон Бока, а сам, вызвав машину, отправился в войска первого эшелона.

Река Чир была уже преодолена и осталась позади. Но быстрому движению войск мешало бездорожье, овраги, косогоры. Кое-где овраги похожи на пропасти. То там, то здесь возникают танко-обозные пробки. Тогда солдаты сбрасывают свои автоматы и каски прямо на траву. Засучив рукава, помогают саперам. И вот в этой дикой степи возникает свеженький и прочный немецкий мост. И теперь по нему на пригорок по сухой каменистой грунтовой дороге вытягиваются колонны танков, грузовиков, мотоциклистов. Моторный транспорт с солдатами обгоняет пехоту.

Паулюс на своем «штайере» теснит колонну. Не останавливая машину, генерал успевает ответить на приветствие капитана Дормейера и солдат с длинных фургонов. В фургонах походного казино — паровые кастрюли, электрические печи, кипятильники, посуда. Капитан с удовольствием возил кухонную утварь с собой. Теперь он уже, пожалуй, не вспоминает о парижских красотках, лангустах и устрицах.

Дормейер, увидев генерала, вспомнил приказ Шмидта: как зеницу ока беречь коньяк и французские духи! Дормейер знает натуру Шмидта. Ждет победы, когда понадобятся и духи и кое-что другое. Шмидт, по натуре нервный и чувствительный, твердо верит, что скоро над азиатами будут одержаны решающие победы, перед немецким оружием им не устоять.

Для Шмидта, признанного любителя и знатока книг, живописи, парфюмерии, кухни, для Дормейера и других все просто и ясно. Все будет так, как говорят геббельсовские проповедники.

Но Паулюс считал себя всего лишь стратегом, «чистым» военным теоретиком — для него война была работой, трудом, и тут нельзя предаваться прожектерству, надо о многом хорошо поразмыслить. Насчет тысячелетия рейха ему думать не хотелось, и были бы смешными фантазии в голове командующего армией.

Паулюс считал себя величайшим знатоком и ценителем штабного и любого государственного документа и иногда, знакомясь с какой-либо новой директивой, развлекался, думая: а кто в ОКВ[1], кроме него самого, с должным вниманием читал эту бумагу и столь же досконально разобрался в формулировках и расчетах? Это несколько отличало Паулюса от других генералов вер-

[1] Oberkommanda der Wehrmacht — главное командование германской армии.

махта. Многие проекты, умиравшие в день их появления, меморандумы и приказы, посвященные планам на текущий день и на тысячу лет вперед, в его стальном сейфе соседствовали с официальной текущей статистикой, а подарок отца — книга Мольтке «Veber Strategie» не терялась среди серых, зеленых и синих папок-скоросшивателей с предостерегающими штемпелями: «Секретно». «Совершенно секретно. Только для командования». «Конфиденциально».

Прибыв на фронт, Паулюс скрупулезно изучал обстановку в районах действия войск. Рассматривал все в мельчайших подробностях. Он требовал от штабов представления особых таблиц и схем, из которых отчетливо бы проступало противоборство живой силы и техники. Тому, кто общался с Паулюсом, было ясно, что он все заблаговременно проанализировал и учел глубоко и тщательно, вплоть до дивизий и полков. Так одаренный архитектор, создавая дворец или другое сооружение, стремится заранее увидеть материал, и все-все, необходимое для завершения строительства. А начальник оперативного отдела Эльхлепп в оценке действий командующего шёл дальше. «Нет, он не архитектор, а художник, истинный Рембрандт — король светотехники. Сочиненные им бумажки вполне готовы для включения во все учебники».

Такая систематичность и целеустремленность в действиях Паулюса не оставалась незамеченной. Кое-кто из подчиненных ему подражал.

В шестой армии подвизался другой видный военачальник — генерал фон Зейдлиц. Это была прямая противоположность Паулюсу. Фон Зейдлиц-Курцбах командовал армейским корпусом. В подготовленных им операциях совсем не чувствовалось предварительной работы и продуманных деталей. В свои действия он вносил изрядную долю стихийности и неравномерности. Это — человек порыва. Отдавшись какой-то внезапно возникшей мысли или идее, он не особенно изучал подробности, а иногда вовсе не интересовался ими. Тот или иной маневр по большей части возникал неожиданно и для самого Зейдлица. Он был похож на композитора, который импровизирует, интуитивно передавая свое настроение.

Зейдлиц в докладах командующему нередко путал батальоны и полки, не знал позиций и рельефа. Эта распущенность раздражала Паулюса, но он вынужден был тер-

петь Зейдлица из уважения к старинной фамилии, известной в немецкой кавалерии с XVII века.

Потом, после двух месяцев боев в окружении, оба генерала, опозоренные и постаревшие, горестно искали ошибки в своих действиях и не находили их.

Но это было после...

А пока Паулюс размышлял о берлинских директивах. О тех, в чьем подчинении он оказался.

Много путей вели в рейхсканцелярию. Многими путями добирались до генеральских погон вчерашние лейтенанты, капитаны и майоры. Не храбростью и прилежанием, а подхалимством и бессовестным угодничеством. Жадные до почестей, власти и денег, они стремились половчее обойти во всем других, любой ценой достигнуть высших ступенек служебной лестницы, добраться туда хотя бы на животе и оставаться там; они все устремились к фюреру нации—вчера еще малозаметному провинциальному политикану, о котором сами же недавно рассказывали грязные анекдоты.

Они ненавидели ротфронтовцев, назойливо призывавших к благоразумию, утверждавших, что будущая война, захваты приведут Германию к поражению. С коммунистами, да и не только с ними, наци расправлялись безжалостно. Особенно после геринговской акции с поджогом рейхстага.

Кощунство! Разве можно что-либо жечь в Берлине? Такие красоты: Рейхспортфельд, Темпельгофский аэропорт, Фридрихштрассе...

Паулюсу хочется думать, что с Герингом и другими типами из нацистского свинарника у него нет ничего общего. Они ему чужды, хорошо бы от них держаться дальше, это возможно — он человек военный.

Генерал останавливает взгляд на стриженом затылке фельдфебеля, сидящего за рулем машины. Он прямо по пашне искусно ведет «штайнер», положив на руль крепкие с узловатыми пальцами руки, его большое в морщинах лицо чисто выскоблено бритвой, от напряжения белесые брови сдвинуты, плотно прилегла натянутая до ушей пилотка. Типичный солдат. Мысли его сосредоточены только на деле. Вот он, образец! Парень приходился ему племянником, в детстве осиротевший, слова из него и щипцами не вытянешь, будто немой. Камень! Чаще, чем к словам, прибегает к мимике, жестам. Надежный парень.

Штаб Паулюса разместился на окраине города Сера-

фимовича, а сам он занял маленький русский домик. Саперы починили разбитые ступеньки избы, засыпали щебнем ямы и выбоины перед нею. Соорудили нечто вроде тротуара.

Паулюс принялся за работу. Перед ним изрядная гора документов. Донесения. Бумаги на подпись.

Очень уж скверно выглядит оперативная карта! Черт побери! Тут, за Доном, от Серафимовича по Чиру, среди разноцветных стрел есть места, обведенные дугами и какими-то нелепыми закруглениями, где происходят неприятные, отвратительные вещи. Порядочная территория, больше иного французского департамента, все еще не очищенная от войск противника, осталась в тылу. Обозначена площадь номерами бывших советских армий, остатков армейских групп и соединений. Номера «6», «57», «9» — это остатки фронта Тимошенко, а вот соединения, связанные с русской фамилией «Бобкин». Вначале Шмидт при докладе произнес «Габке». Что за чушь! Старик Габке был бы смущен, услышав, что у него, генерал-лейтенанта, командира дивизии, есть среди русских однофамилец.

Шмидт доложил:

— Бобкин? Поясняю. Это — генерал, командовавший советской армейской группировкой. Его части оказались в котле и каким-то чудом держатся. Без продовольствия и огнеприпасов. А тут еще появился советский генерал Чуйков. Какие соединения ему подчинены, пока не установлено.

— Чуйков и Жуков — это разные фамилии?

— Да, разные. Но оба они опытные и обстрелянные генералы. Чуйков, как мне помнится, командовал каким-то флангом в Финляндии, против маршала Маннергейма, а Жуков занимался с японцами на монгольском фронте, на реке Халхин-гол, возглавлял контрнаступление советских войск под Москвой. Попросту говоря — опасны. Эти фамилии надо как следует запомнить и различать.

После атаки с севера Паулюс утвердился во мнении, что советский фронт рассыпался. И все же Бобкин не сдается, на что-то надеется.

Паулюс никогда не видел и не разговаривал с советскими генералами, да и желания у него не было. Вон тянется колонна военнопленных, может, в колонне есть красные генералы? Если сейчас нет, то будут. Паулюс решил, что надо побеседовать с каким-нибудь советским

военачальником. Хотелось выяснить, какой смысл они видят в безнадежном сопротивлении.

В первый раз Паулюса заинтересовало имя одного русского офицера, не так уж и давно, осенью сорокового года. Паулюс тогда редко бывал в Берлине, он работал в штабе сухопутных сил, в Цоссене. Там ему попалась газета, в которой сообщалось о визите в Берлин советского премьер-министра с делегацией. Паулюс обратил внимание на то, что в числе сопровождающих Молотова был один русский из военного ведомства.

Русский военный, видимо, был при главе правительства экспертом или советником. Фамилия его — Василевский.

Советскую делегацию никто из генерального штаба не встречал, вермахт представлял один только начальник штаба верховного командования Кейтель.

Пухлая «Дас Рейх» напечатала фотоснимки. На одном были видны русские: премьер Молотов и тот самый военный — лица их выражали вдумчивость. По справке— Василевскому 46 лет, но выглядел он старше. В будущем, подумал тогда Паулюс, на театре военных действий, придется иметь дело вот с такими. Простоватый, типичный славянин. Впрочем, может быть, этот русский не так уж прост? Так ли уж оправданно скептическое отношение к советским офицерам? Есть совершенно точные, проверенные данные, что у большевиков служит много офицеров старой русской армии, а они умели воевать. Был генерал Брусилов, наступление его войск в 1916 году на Юго-Западном фронте было смелым и энергичным.

Потом он прочитал донесение из Москвы германского военного атташе полковника Кребса. Полковник писал: «Русский офицерский корпус исключительно плох... России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня». Кребс все тогда постиг. Но не ошибся ли Кребс?

Паулюс трудился в штабе сухопутных войск, в Цоссене, а тем временем разгоралась дипломатическая борьба. Политики искали союзников. Дошло даже до поездки германской делегации в Чунцин, к Чанкайши. Так называемая поездка фельдмаршала Рейхенау с особой миссией. Китайцы воспрянули духом. Военный министр Китайской республики Хо Ин-цин обрадованно заявил немцам: «В следующий раз наша встреча состоится уже в Алма-Ате».

Китайцам тоже нужны территории. Но сами-то они будут ли проливать кровь? Китайская армия в середине тридцатых годов оснащалась немецким оружием. Это так. Когда немцы переправятся через Волгу, займут Закавказье, смогут ли китайцы разбить остальных противостоящих им русских? Вряд ли.

Фюрер с подозрительностью отнесся тогда к китайцам... И был прав, не доверяя Чанкайши.

Шестая армия продвигалась. Паулюс был в авангардных частях.

Паулюс дал шоферу знак остановить машину на холмике, в сотне метров от проселка, у триготометрического пункта. К нему устремились машины с офицерами оперативного управления. Он выслушал донесения, полученные от штабов авангардных соединений. Донесения обнадеживающие. Преодолевая сопротивление, войска продвигаются к Дону.

«Бобкин! Гордов, Москаленко!» Пусть эти имена превратятся в пустые звуки, заглушенные, как сейчас, четко различимыми залпами батарей зенитных орудий калибра 88.

Надо нацеливать удары, как обычно, на стыки советских войсковых соединений — такие места в оперативном отношении являются наиболее уязвимыми. А дальше? Дальше действовать, как и прежде: в прорывы перебрасывать танки, прикрытые люфтваффе. Воздушные силы обеспечат энергичные действия мотопехоте. Паулюс требовал, чтобы все соединения имели тщательные расчеты по ходу операций, полевые штабы должны уточнять их и в деталях знать все, что делается в полках, и даже в батальонах.

Командный пункт к ночи обосновался в хуторке, и ночью управление наступающими частями оставалось устойчивым. Но Паулюсу не спалось. Он ходил по двору, не замечая черных теней часовых. Справа и слева неверным зеленоватым светом вспыхивали ракеты, они вырывали из темноты грузовики с зенитными установками, покрытыми брезентом, бронированные коробки «фольксвагенов».

Отсюда рукой подать до междуречья Дон — Волга. Генералу кажется, что повсюду уже распространился запах ила, запах старой и неочищенной реки. Но потом он понял, что этот смрад источала горелая земля, а может быть, это был запах тротила.

Если русские с такой ожесточенностью обороняли Чир, то ясно, что на Дону они будут драться с не меньшим упорством. Значит, тех четырнадцати дивизий, которые находились в шестой полевой армии, недостаточно для генерального наступления. Паулюс решается запросить подкреплений и усиления.

Верховное командование вермахта, внимая его просьбе, сняло с других участков фронта, главным образом из-под Воронежа, четыре дивизии. Кроме пехотных частей Паулюсу передавались легкопехотные, танковые, моторизованные, охранные соединения. Общая численность немецкой группировки достигла четверти миллиона, наступление прикрывалось 1200 самолетами.

20 июля шестая армия, имея четвертую танковую армию справа, переправилась через реку Чир возле Боковской. Станица располагалась при впадении в Чир речки Кривая. В тесной балке, окруженной холмами, среди развалин Паулюс провел ночь в машине. Здесь был подготовлен приказ о перегруппировке сил — для дальнейшего продвижения в излучину Дона создавались две ударные группы: северная и южная.

Ударным авангардом стал четырнадцатый танковый корпус. Его части действовали с отменной храбростью в районе Чира, сражаясь с разведывательными отрядами советских войск. Были тяжелые потери. В людях и боевой технике. Жалкая речонка. А в итоге?

Какие все же есть резервы у противника? Чем он располагает?

Паулюса обрадовало, даже несколько изумило, когда он узнал, что советское командование, как видно, дополнительно ничем существенным не располагает. Значит, он был прав в Цоссене, считая, что на Волге у русских резервов не будет. Рассказывают, что где-то близ фронта сколачиваются из потерпевших поражение на полях Восточной Украины и Придонья остатков войск 38-й и 28-й общевойсковых армий, потерявших материальную часть, новые армейские формирования.

Самым странным и удивительным ему и всем штабным офицерам показалось, что на базе этих обескровленных и истрепанных армий в рамках нового Сталинградского фронта создаются армии под номерами «1-я» и «4-я», названные танковыми. Ирония, что ли? Ведь им противостоит вдесятеро более мощная 4-я немецкая танковая армия, в ней 740 танков с экипажами, накопивши-

ми богатый опыт. Чем они, большевики, будут укомплектовывать свои армии — неизвестно! Раньше такое уже наблюдалось. Появляется номер армии, потом этот номер испаряется. Фокус какой-то[1]. Бред. Но теперь Паулюса уже ничего не удивляет. Здесь, в степи, все возможно.

Отдается приказ: возобновить наступление.

Прорыв состоялся на фланге 62-й армии. Подвижные части немцев вышли к Дону у хутора Каменского. Левый фланг русских, в его северной части, оказался в катастрофическом положении.

Против второй немецкой пехотной дивизии оказались дамба и взорванный мост. Паулюс ожидал там сопротивления, предположил также, что участок советских позиций, ближайший к железной дороге близ Обливской, неминуемо должен быть укреплен. Для атаки он назначил вторую и первую пехотные дивизии, поместив за ними 44-ю дивизию. Остальные части должны были атаковать русских севернее, их более слабые, по мнению Паулюса, оборонительные участки, хотя из-за быстрого продвижения никаких сведений о позициях советских войск он не имел, как не имел их в тот день вообще. Как бы то ни было, операция удалась. Паулюс окружил в районе Евстратовского, Майоровского, Калмыкова 192, 184 стрелковые дивизии, сороковую танковую бригаду и захватил Верхне-Бузиновку, Осиновку, Сухановский. Повсюду обозначился успех.

Дон!

«Штайнер» Паулюса стоит на берегу. Паулюс вглядывается вдаль. Паром, подвалив к причалу, застыл... Сравнительно мелководный в эту пору, изрезанный косами Дон пустынен.

Паулюс вспомнил, что Мольтке-старший собирался в 1887—1888 годах совершить на русских превентивное нападение зимой, поскольку, по его мнению, на мерзлой земле их было бы легче окружить. Но Паулюс вышел летом на донские степные просторы. Естественно, у немцев стала техника совершеннее. Мольтке не проиграл ни одной войны, но ему мешали сомнения. В его формуле: «Войны всегда опасны»— сквозил страх перед поражением.

Интересно, что подумал бы Мольтке, когда б увидел карты нынешних операций...

---

[1] Когда армия терпит поражения, отступает, часто остаются от соединений и частей лишь одни номера. Этой участи не избежали и войска Паулюса. (Прим. автора.)

Глава третья

«А ЗАДЕРЖАТЬ ШЕСТУЮ ПОЛЕВУЮ МОЖНО...»

I

Революционные генералы отличаются от всех других генералов, между прочим, тем, что они, будучи военными специалистами, являются также и политиками. Война отечественная, война против иноземных захватчиков была продолжением нашей революции, начатой в октябре семнадцатого года, этапом в жестокой классовой битве, и она требовала от советских военачальников отточенного военного мастерства, острого политического чутья. В ряду таких генералов был Александр Михайлович Василевский, впоследствии маршал. Генералы того ряда, к которому он принадлежал, способны были предвидеть ход событий, принимать решения, обеспечивающие победоносные действия войск.

В этой главе будет рассказано об одном таком решении генерал-полковника Василевского, одного из творцов победы на Волге. Будет рассказано о том, что происходило в малой излучине Дона, когда в ставке Верховного командования советских войск созрел и был принят его летний план контрудара по наступающим шестой и четвертой армиям вермахта.

Какой же тогда силой воли должен был обладать полководец, чтобы предложить в то время идею контрудара.

Что там предложить! Надо было доказать его необходимость вескими аргументами, логикой. Да, мужество воину необходимо не только в атаке. На войне не обойтись и без мужества решений.

Основное в работе генштабиста — планирование стратегических операций. Военные действия, контрнаступления, сражения могут быть, как ничто другое,— результатом замысла, плана. Это действительно так. А что спланируешь без досконального знания истинного положения дел, без точной и всесторонней информации? Знать, знать! Знать все — силы, ресурсы, возможности, замыслы сторон, соотношение сил. На этом всестороннем знании базируются успехи в военной работе, принципы этого искусства. Непредвиденное в бою — значит неучтенное командиром до боя. Знать! Не только знать, но и многое предугадывать, предвидеть, спрогнозировать.

Александру Михайловичу накануне в течение суток уснуть не удалось. Шли переговоры с фронтами, одновременно готовились справки верховному. Накапливались сведения. Надо подчинить разработке плана все другое. Когда план принят — он становится законом, в ходе операции его лишь могут уточнять. Другое дело — до операции, в предвидении боя. Тут стихия иная — стихия вариантов, расчетов, проработок, проб, черновых набросков.

Вот сейчас, через какое-то время, от Василевского потребуют предложений. От него и от других. Много предложений для одного единственно верного решения. Для этого он должен знать, где противник находится сегодня, его силы, средства, на какие резервы рассчитывает, какие его возможности, ближайшие и дальнейшие замыслы и планы. Вопросов сотни и на каждый нужно убедительно ответить. Ответить так, чтобы убедить других.

Да, теперь не лето сорок первого, многое пережито, многое изменилось. Он никогда не забудет прошлогодний август и сентябрь, тогдашнюю обстановку на Юго-Западном фронте. Крупным силам фельдмаршала Рундштадта удалось выйти на левый берег Днепра и вместе с армиями фон Бока с севера взять в кольцо Киев. Но в ставке надеялись, что 6-я и 12-я советские армии сумеют сдержать натиск немецких танковых армий на юге. Учитывая угрозу окружения, нависшую над советскими войсками в районе Умани, возможность выхода противника на левый берег Днепра, Шапошников и Василевский предлагали отвести их на новую оборонительную линию. Сталина

это предложение не устраивало, он требовал наступательных действий.

Почему-то не принималось в расчет отчаянное положение войск, которые могли бы сохранить силы и боеспособность, отойдя за Днепр. Только когда уже прекратилась связь с обороняющимися, нашим войскам было разрешено оставить позиции, организовать новый рубеж обороны.

Успех на юге позволил фашистам усилить нажим на Москву.

Над столицей вновь нависла серьезная опасность.

В направлении Сталинграда обстановка складывается по иному. Теперь нет необходимости отводить войска за Дон, в Междуречье. Он поделился своими соображениями с Шапошниковым. Тот одобрил стратегический и оперативный замысел Василевского, назвав его «оригинальным и заманчивым». «Вы верите?» — спросил Василевский. «Почему же! Верю, что вы докажете на аудиенции в ставке, что он... реален».

Уверенность в своей правоте не покидала Василевского. Он верил, что по-другому сейчас нельзя, никакого другого варианта более или менее подходящего в своей папке он не имел. Да они и не нужны были. Он верил в свою правоту. Но в предложении были уязвимые места. Его расчет строился на том, что 62-я армия удержит позиции. Она измотана и вот-вот будет полностью окружена. Вправе ли он рассчитывать на то, что она устоит?

Василевский еще раз убедился в сложности задачи, анализируя данные о противнике. Что происходит с немецкой 4-й танковой армией? Где она будет действовать? Они ее повернут в излучину Дона, как только обозначится контрудар. Мысль эта не давала ему покоя.

Генерал не раз смело и спокойно глядел в глаза смерти. Смело и спокойно вел он себя в моменты выполнения им наиболее ответственных военных директив.

Мужество Александр Михайлович должен был проявить и теперь. Взять на себя ответственность за одну из труднейших операций, поставить на карту тысячи солдатских жизней, дать приказ выступить против вражеских танково-механизированных лавин — это и есть то особое мужество, которое присуще наиболее выдающимся военачальникам.

Донесения с фронтов придали Василевскому силу и твердость. Генерал рассуждал: «Сюжет контрудара

можно выстраивать, зная только полную картину о состоянии своих и чужих сил. Все это у нас есть».

Генштабу было известно, что у врага на флангах нет достаточных резервов. После Московской битвы было разгромлено еще по меньшей мере сорок вражеских дивизий из так называемого «весеннего резерва» вермахта. Да и в 6-й армии, по-видимому, не все части укомплектованы как следует. Но тем не менее враг рвался вперед.

Василевский, готовя предложение: нанести контрудар, предвидел серьезные возражения. Это означало бросить войска в наступление, в то время как идут кровопролитные оборонительные бои. Переход от обороны к наступлению — одно из самых затруднительных действий на войне.

И вот — разговор в Ставке. Верховный слушал Василевского не один. С ним были и другие члены ГКО. Василевский подошел к карте.

И все стали внимательно слушать.

В степи против Сталинграда Дон делает извилину, образуя так называемую большую излучину. Приток Дона — степная речка Чир, встает на пути при движении в излучину. На злополучной реке Чир двадцатого июля фашисты смяли оборонявшихся, взяли рубеж.

Немецкие войска прорвались в излучину Дона. На карте — это пружинящаяся дуга — лук, тетивою служит Чир, а Дон, не делая петли, нес воду прямо на юг. Чир древняя старица Дона.

Василевский указал места, где идут бои.

— Противнику удалось здесь прорвать фронт и развить наступление. Наши войска удерживают рубеж от Богучара да Калача. Из шести дивизий 62-й армии пять обескровлены, бои ведет фактически только одна, далее обороняются две стрелковых дивизии и одна танковая бригада.

На этом фронте у врага 14 дивизий. Своими подвижными войсками фашисты вышли к Дону у Каменского, глубоко охватив с севера левый фланг нашей обороны. Возле Майоровского фашисты окружили около трех советских дивизий и танковую бригаду. Враг вышел к Верхне-Бузиновке и Сухановскому. Создалась непосредственная угроза переправам через Дон.

Василевский на минуту умолк.

— Только контрударом можно задержать 6-ю полевую армию,— подвел итог сказанному Василевский.

— Поясните.

Василевский на три-четыре секунды умолк, выдерживая паузу и собираясь с мыслями.

Верховный вытащил курительную трубку, и она как-то образом выскользнула из руки и упала на паркет. Но он даже не взглянул вниз, оперся на ручку кресла и застыл. В этот момент он казался монументом.

Тишина длилась еще несколько секунд.

Личность Верховного, даже для его ближайших соратников, оставалась большой загадкой. В нем как бы уживались два человека: один человек внимательный, всегда готовый прислушаться к мнению других. Другой—импульсивный, подверженный быстрой смене настроения, нередко принимавший желаемое за действительное.

Как и другие профессиональные революционеры-подпольщики, он прожил молодость трудную, полную риска и смертельных опасностей. Физические и нравственные муки, перенесенные им в казематах царских тюрем и в ссылках, отчаянные попытки спастись и продолжать борьбу вынуждали его на неоднократные, часто довольно удачные, побеги из-под неусыпной жандармской стражи. Французскому писателю Анри Барбюсу он сам поведал об одном таком случае из своей биографии. Находясь в ссылке, он заболел и оказался в палате чахоточных больных— оттуда он бежал, затем сотни километров бродил по сибирской тайге.

Ему доводилось месяцами и годами скрываться в среде, где его на каждом шагу подстерегали предательство и вероломство. Все это не могло не оставить отпечатка на его характере и поступках.

И тем не менее постепенно, день за днем он упорно выковывал в себе качества, необходимые революционеру: железную стойкость, несгибаемую волю в движении к намеченной цели, колоссальную работоспособность. И еще обладал он весьма редким качеством: помнил в лицо тысячи людей, имел о каждом собственное мнение. Бывало, что после одной-единственной встречи сразу узнавал человека через много лет.

Он проявил себя в борьбе с оппозиционерами всех мастей. С такой репутацией он встретил испытания войны. Командиров, владевших современным военным искусством, тогда недоставало. Но первый учитель на войне — сама война. Она явилась суровым учителем, не прощавшим ошибок!

Верховный гордился участием в боях за Царицын (он бережно хранил у себя красноармейский суконный шлем, подаренный ему бойцами Первой Конной), в первые же месяцы гитлеровского нашествия освоил все, что требовалось в его положении руководителя вооруженных сил государства. Он отдал себя отечественной освободительной войне безбоязненно и безраздельно. И потому с ним могли работать, понимая друг друга, Шапошников, Жуков, Василевский. При нем раскрыла свои таланты плеяда советских полководцев, командовавших фронтами, армиями, корпусами.

— В основу операции должна быть положена какая-то новая идея,— заметил Верховный. Все видели, что сегодня он выглядел человеком черствым, не расположенным к разговору.

— Безусловно.

Василевский повторил, что целесообразно предпринять следующее: нанести контрудар.

Главным мероприятием в подготовке к контрудару являлась ускоренная переброска войск, стрелковых дивизий для смешанных 1-й и 4-й танковых армий. Требовалось срочно доукомплектовать танками соединения.

Прищуренные глаза Верховного явно сомневались. Собравшиеся в зале тоже молчали. Он проговорил:

— Успеем ли?

— Почему? Очень успеем!— таким же тоном ответил Василевский.

— Так что вы предлагаете?

План Василевского был прост: концентрическими ударами с севера на юг и с юга на северо-запад силами 1-й и 4-й танковых армий и частью сил 21-й и 62-й армий отрезать прорвавшегося противника, уничтожить его и восстановить положение.

Василевский вытер влажные ладони носовым платком, хотя в помещении, оборудованном в подземном зале метро не было жарко — плюс 18.

Сталин стал внимательнее, выпрямился в кресле, положил на стол руки. Он неплохо знал характер Василевского. Если тот настаивает — видно: убежден, изучил обстановку. Кроме того, в высказанной Василевским мысли чувствовалось что-то новое.

Все внимательно слушали А. М. Василевского. Он рассказал об отходе потерпевших поражение разрозненных войск 38-й и 28-й армий. Уже выполняется директива

о создании на базе этих армий в рамках Сталинградского фронта 1-й и 4-й танковых армий смешанного состава.

— Так какие же у нас резервы?

— Резервы скромные. 1-я и 4-я танковые армии к боевым действиям сегодня не готовы. 1-я армия имеет 160 танков, 4-я—80 танков.

— Это сегодня. А завтра?

— Завтра — положение будет иным.

— Лучше или хуже?

— С одной стороны лучше, а с другой — хуже...

— Это уже диалектика!— улыбнулся Сталин.

Василевский высказал несколько своих соображений в пользу задуманной операции и осмотрелся. Он, по-видимому, увлекся, сочтя свои доводы неотразимыми; ему казалось странным, что его мысли доходят не до всех присутствующих.

И тем не менее он продолжил глубоким и спокойным голосом:

— Да все мы знаем, что в данный момент резервов у нас для данной операции, за исключением первой и четвертой армий, нет, но и эти армии далеко не готовы к действиям. Генерал Москаленко, назначенный командующим первой танковой армией, получил лишь управления двух танковых корпусов и с ними матчасть и одну стрелковую дивизию. Ну, а четвертая — совсем слабая — она имеет один танковый корпус и одну стрелковую дивизию. Единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключается в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая может сделать это только через двое суток, но ждать нет возможности, иначе мы потеряем переправы и фашистские войска выйдут в тыл 62-й и 64-й армиям. Придется пойти на немедленный удар первой танковой армии, а затем уже и четвертой.

— О пятьдесят седьмой армии...

— Она с низкой боеспособностью и находится во фронтовом резерве, ей направляются пополнения.

— Дислокация?

— В районе Дубовки.

Накануне, 22 июля, командующим войсками Сталинградского фронта был назначен генерал В. Н. Гордов, а начальником штаба — генерал Д. Н. Никишев. Гордов до

этого командовал 64-й армией. Фронт был образован 12 июля. Сталин его не знал, но надо было заменить командующего Тимошенко,— с его именем связывались неудачные бои под Харьковом. Ставка учитывала, что на решающих рубежах войны нужны новые имена, вселяющие уверенность в солдат, придающие им моральную силу.

Правда, Сталин, наводя справки о Гордове, спрашивал о нем у Жукова. Тот ответил, что генерал Гордов в оперативном отношении подготовленный генерал, но как-то не может поладить со штабом и командным составом. «Значит, с характером»,— оценил Сталин. Он нередко поддерживал людей с характером, надеясь, что самостоятельные решения, часто вопреки мнению многих способны быть полезными.

— Где Гордов?

— В Калаче.

Сталин был хмур. Однако то, что он интересуется деталями, показывало, что сомнения его кончаются. Надо еще выдержать несколько вопросов, и решение будет принято.

У Василевского возникло ощущение, что он что-то упустил. И он попытался восполнить пробел, начав говорить о танках... Потом добавил:

— При этом плане много места должно быть отведено инициативе. Без нее в этой операции не обойтись.

И у всех повеселели лица. Только Ворошилов оставался грустно-сосредоточенным. Он с волнением слушал доводы генерала Василевского, понимал ту ответственность, которую тот берет на себя, настаивая на своем. Теперь он был спокоен. Он знал, что у Василевского было непреложным правилом: до того, как говорить, особенно докладывать, все тщательно обдумать и рассчитать. Все продумать, взвесить.

— Сколько потребуется времени для подготовки контрудара?

— Двое суток.

Сталин спросил:

— Значит, нет другого варианта?

— Нет. При любом другом варианте положение ухудшится,— ответил Василевский.— Мы, безусловно, потеряем переправы на Дону, противник прорвется в Междуречье. Тогда отражать удары немецких танков будет еще труднее.

После высказывания «за» и «против», учитывая серьезность ситуации, в которой оказалась Волга, решили рискнуть и дать согласие на предложение Василевского. Имелось в виду, что авангарды 6-й армии противника, находясь в соприкосновении с разведотрядами войск Сталинградского фронта, будут разбиты. А контрудар будет нанесен по главным силам Паулюса — в основание клина.

— Кто такой Паулюс?

— Известен как стратег агрессии. Заместитель начальника генерального штаба сухопутных сил. В январе сменил Рейхенау, который не то разбился на самолете, не то покончил с собой.

— Повторите, что известно о противнике?

— Шестая армия опытна, подготовлена для выполнения боевых задач в разнообразных условиях обстановки на советско-германском фронте. Важным итогом совершенствования армии у них считается повышение ее приспособленности к более глубокому маневру в стратегическом и оперативно-тактическом масштабах, к быстрой доставке на штатном транспорте к району боевых действий и непосредственно на поле боя.

6-я армия находилась со штатным вооружением и боевой техникой на Западном фронте. После переброски ее из Парижа, она наступала на главном направлении на Киев в 1941 году и участвовала в операциях на наиболее угрожаемых участках.

Верховный поднялся.

— Царицын,— тихо произнес он.— Кого можно туда послать?

— Наиболее подходит Василевский,— сказал Молотов.

Лицо Верховного было сосредоточенным. Но тут что-то в нем изменилось. Он сказал спокойно:

— Правильно! Товарищ Василевский, вам надо выехать на фронт, выбрать место для координации и руководства операциями и оставаться там до конца контрнаступления.

II

Василевский собирался уходить, но в коридоре его остановил сотрудник секретариата. Он был несколько по-канцелярски озабочен, торопливо спросил:

— Так что, Александр Михайлович, перевели на русский это немецкое письмо или нет? Почти месяц валандаются. Когда доложат? Так нельзя, поймите!

Собрав всю свою выдержку, попытался объясниться. Причем здесь он, Василевский? Ну неразборчив почерк, никто не может расшифровать это проклятое письмо. Так что же теперь, плакать и рвать на голове волосы? Откуда взяли, что «кедр Левантский» — это Роммель?

Василевский ответил:

— Валентин Михайлович ломал голову. Женя просто с ума сходит. Наши лучшие, самые изощренные дешифровальщики и переводчики. Почерк безумный, бьются, а понять ничего не в состоянии. Но убеждены, что это не шифровка. Рейхель и Гроскурт заговорщики? Не верится.

— Смотрите, сами,— услышал он неопределенное.— В случае чего, доложите сами.

Вот так. Большой успех наших армейских разведчиков, безусловно, должен был радовать всех. Но тут же подвернулась пакость. И настроение отравлено.

Это большая удача, что незадолго перед этим удалось захватить портфель с немецкими штабными документами. Правда, они касались действий всего лишь на участке корпуса. Но интерес представляли немалый. Маршал Тимошенко прислал документы с ЮЗФ[1], прямо с трофейным портфелем из желтой буйволиной кожи, обшитым двумя ремнями с тяжелыми замками. На портфеле красовалась золоченая монограмма: «ОКХ»[2].

Фамилия немецкого офицера была Рейхель. Майор Рейхель, а тип самолета, на котором он летел, обычно использовался у них для связи и разведки — небольшой моноплан «Хеншель-126». «Костыль», как его называли красноармейцы. Сбивали его редко. Появлялся он на передовой внезапно, из-за какого-нибудь пригорка или из небесных глубин; замедлив полет, обстреливал окопы, иногда бросал небольшие бомбочки, давал одну-другую пулеметную очередь, загоняя в траншеи зазевавшихся. После этого фотографировал позиции и быстро исчезал. Не успеешь глазом моргнуть, а его уже нет.

Майор Рейхель не относился к числу заурядных офицеров вермахта. Будучи начальником оперативного отдела 23-й механизированной дивизии, он имел право носить на бриджах, как генералы, красные лампасы, означавшие принадлежность к генеральному штабу. Поэтому, когда

[1] Юго-Западный фронт.
[2] Генеральный штаб сухопутных сил.

красноармейцы увидели такую форму, сочли, что это генерал.

Как самолет попал в зону огня нашей артиллерии? Не ясно. Приборы, что ли, подвели фашистов? Или они заблудились? Так или иначе, но фактом остается то, что наши зенитчики изловчились и ударили по «костылю» снарядом. Машина с пробитым бензобаком, густо дымя, ткнулась вместе с майором на нейтральную полосу. Но это — полдела. Не так-то просто нашим бойцам оказалось утихомирить уцелевшего майора, который, отстреливаясь, пытался удрать. Самолет жарко горел. Сержант, оказавшийся поблизости, бросился в огонь и вытащил мертвого пилота и портфель. Бойцы, гася загоревшееся обмундирование, набросили на сержанта плащ-палатку. Они его спасли, спасли и портфель.

Да, наши бойцы постарались, огорчив немало в тот пасмурный день, 19 июня, фашистских генералов и самого нацистского фюрера. Еще некоторые тайны врага стали явными. Содержание рейхелевского портфеля кое-что добавило к тому, что из секретного и сверхсекретного знали наши штабы.

Но одна из тайн портфеля Рейхеля так и оставалась нераскрытой. Вот уже месяц к ней не могли найти ключика. В портфеле обнаружили неотправленное письмо Рейхеля с адресом, написанным от руки на конверте: «Гельмуту Гроскурту. Берлин, церковь святой Гедвиги...»

Письмо начиналось высокопарно: «Да благословит вас бог, да пребудете вы в добром здравии и благополучии».

А дальше все было написано таким почерком, что невозможно было понять, о чем идет речь. Сплошные штрихи, крючки, черточки и знаки препинания. Среди этого хаоса различались цифра «40», слова «кедр Левантский»... «лейб»[1]... и помечена дата «Воскресенье. 14.06.42.» Только и всего!

Это трофейное письмо, наверное, не заслуживало бы того, чтобы им столь пристально заниматься, если бы не одно обстоятельство. После разбора документов из портфеля Рейхеля Верховный разрешил всем удалиться и оставил у себя одного только Василевского. Попросил сесть. Разглядывая его в упор, внезапно спросил:

---

[1] Levant *(франц.)* — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземноморья; «лейб» — особа при правителе.

— Не вы ли называли эту фамилию? Меньше двух лет тому назад? Вспомните: Гроскурт.

Услышанное удивило Василевского. Такая память! Такая память! Мгновенно четко в сознании всплыл тот далекий вечер, когда он на партийном собрании отчитывался о миссии в Берлин в составе правительственной делегации. Был конец ноября сорокового года, может быть, числа двадцать пятого. Да, ошибки не было — Гельмут Гроскурт, майор вермахта, прикомандированный к делегации. Он называл это имя на собрании! Василевский выдержал пристальный взгляд сталинских глаз и тут же подтвердил. Да, ему знакома такая фамилия! Вот только он не сможет сказать, какое отношение имеет тот Гроскурт к церкви святой Гедвиги.

Был Гельмут Гроскурт, было оно, было путешествие в составе делегации в Берлин и обратно. Еще не прошло и двух лет с той поры, а кажется, минула вечность! Может быть, Сталину не понравился тогда его доклад? Или он в чем-то поступил неправильно? Полминуты длилось тягостное молчание.

— Вы — наивный человек, дорогой мой. Рассудите, прикиньте мозгами. Стал бы офицер генерального штаба зря посылать писульку пастору! Знайте, подобными письмами обмениваются только оппозиционеры. Вы так не думаете? Побеседовать с вами на этот счет... следовало бы! Ну, ничего, идите,— расслышал он хриплый голос.— Ступайте, Александр Михайлович!

В ту ночь Василевский не уснул ни на секунду. Он вспоминал Берлин.

Интересно, почему кто-то думает, что офицер не мог послать письмо пастору? Может быть, это его отец. Или брат. Например, у него самого, у Василевского, отец священник. Михаил Александрович. Они, правда, не переписываются. Но здесь иная причина. Чтобы остаться в армии, в двадцатых годах надо было дать подписку о разрыве «с социально-чуждым элементом». Этого требовало суровое время. Условия классовой борьбы.

И снова в памяти Берлин.

III

Холодный ноябрь 1940 года. Оставался всего лишь месяц до того, как Гитлер поставит свою подпись на «плане Барбаросса» — плане нападения на СССР.

Сумрачный вечер 9 ноября. Перед этим шел мокрый снег, и люди на площади у Белорусского вокзала — водители и милиционеры — топтались у машин в рядах оцепления; старшие по чину курили, поеживаясь, поглядывали на небо. Небо цвета солдатского шинельного сукна нависало низко, обещая снег.

С путей должен был уйти на запад правительственный поезд. Уйти вне расписания, как уходят так называемые «литерные» поезда. Такой поезд стоял сейчас на путях — натертый до блеска паровоз «ФД» и несколько классных вагонов. А там, на перроне, очищенном от всякого постороннего люда, прогуливались иностранцы и наши — подтянутые, настороженные. И только немногие с деланной беззаботностью беседовали, ожидая удара станционного колокола.

Замерло крыло семафора.

Происходило здесь вот что. Как писали газеты, в Берлин, по приглашению германского правительства, отправлялся со своими спутниками глава Советского правительства и руководитель внешнеполитического ведомства Вячеслав Михайлович Молотов. В том же коммюнике указывалось, что целью поездки является продолжение и углубление текущего обмена мнениями.

Делегация — большая. В ее состав входили специалисты разных отраслей экономики, торговых учреждений, хозяйственники. Наркомат обороны представляли генералы Василевский и Злобин. Они держались вместе.

Накануне их двоих вызвал к себе Молотов. Усадив молодых генералов в кресла, Молотов задал тихим, с легким заиканием голосом несколько вопросов. Спросил о самочувствии, о семьях. Василевский и Злобин ответили. Они заверили, что сделают все, что должны сделать.

— И еще немного больше! — улыбнувшись, добавил Молотов. — Вы знаете их полководцев?

Василевский утвердительно кивнул. Не раз до этого ему приходилось работать над документами, в которых давались оценки и характеристики войскам, сосредоточенным на западной советской границе. В документах формулировались выводы о том, что интерес фашистских генералов к этим районам превосходит обычные рамки. Какие уж там рамки! Над Западным Бугом такой тучи никогда не наблюдалось. Прибрежные районы до отказа забиты пехотой, танками. Сюда подтаскивались все новые

и новые массы артиллерии. Все подготовлено к наступательным действиям.

Нарком всегда разглядывал обстановку на генштабовских картах чертыхаясь. По картам можно догадываться, что таят в себе сейфы на Бендлерштрассе в Берлине. Советские командиры, до наркома включительно, уточняли пока что предположительно задачи своих формирований. И всех тревожила одна мысль: неужели так скоро?

Василевский ответил Молотову:

— Элита солидная. Браухич, Гальдер, Рундштадт, Кейтель, Лееб, Гудериан, Бок, Паулюс. По отзывам английской печати — «незаурядных способностей стратеги».

— На островах нацисты имеют немало своих пылких поклонников. Похвала в адрес этих цезарей и ганнибалов какой-нибудь, даже респектабельной лондонской «Гардиан», вполне естественна. Однако комплимент этот не будем сбрасывать со счета. Лучше переоценить, чем недооценить.

— Безусловно,— подтвердил Василевский.— Нас со Злобиным в академии еще учили, правильней предполагать, что у противника обстоятельные планы. И в практике исходить из такой предпосылки. А планы разрабатывают все эти кейтели и гальдеры.

— Кое-кого из этой компании вы увидите самолично. И даже пожмете им руки.

— Удовольствия мало, несимпатичная братия. Но вреда от этого знакомства не будет,— ответили генералы.

— Они сами напрашиваются на встречу.

— Мы со Злобиным Германию никогда не посещали.

— Тем более вам надо ехать с нами. Теперь слушайте. Наша поездка преследует исключительно политические цели. Но, наверное, вы догадываетесь, что речь поведем и о недопустимом, «непонятном» поведении гитлеровских эмиссаров в Румынии, Болгарии, Финляндии. То есть, по соседству с нашей границей,— заканчивая беседу, сказал Молотов.— А сейчас мы должны проститься. До свидания!

И вот проводы на Белорусском вокзале. Среди провожающих — немцы. Советники, эксперты, военный и военно-морской атташе, другой персонал. Василевский увидел и самого посла — графа фон Шуленбурга. В его сером, продолговатом, изрезанном морщинами лице виделось что-то застывшее, безжизненное. Остальные—оживленны. Улыбки играют на губах и в глазах. А почему бы им грустить?

Позже всех к отъезжающим присоединился авиаконструктор Александр Яковлев, с небольшим, в пестрых наклейках с экзотическими названиями отелей фибровым чемоданчиком в руках и с «Вечерней Москвой» в кармане. Среди других Василевский узнал Ивана Федоровича Тевосяна, наркома черной металлургии.

После короткого прощания с провожающими, Иван Федорович тронул руку Василевского:

— Едем, что ли?

— Да, Иван Федорович, погостим в Берлине.

— Стоит, конечно, погостить. Особенно в наши дни. Совсем не тот стал город, о котором писал Карамзин в своих «Письмах русского путешественника»...

IV

Разговор прервался. Объявили посадку, прозвучал сигнал отправления, и поезд тихо тронулся, без обычного в таких случаях громыхания буферными тарелками. Поплыли станционные строения, заборы. Но не успели миновать выходную стрелку, как буферные тарелки все же грохнули. Кто-то сорвал стоп-кран. Василевский вышел в тамбур вагона и оказался вместе с проводником.

— В соседнем вагоне... эти господа остановили,— сердито заметил проводник.

— Кто?

— Немцы. Кто-то из них забыл в своем посольстве праздничный фрак.

Фрак забыл сам посол — фон Шуленберг. Кое-как уладили дело, пообещав доставить ему парадную одежду на автомашине к следующей станции. Каких переживаний натерпится старик, пока не получит фрак! Под вопрос поставлена его карьера!

— Так что же вы читали, Иван Федорович, у Карамзина о Берлине?— желая продолжить разговор, спросил Василевский.

— Там много любопытного. Когда-то я учился в Германии, к отъезду тщательно готовился, штудировал книги об этой стране. Ну и, конечно, прочел кое-что из беллетристики. Гоголя, Карамзина. Так вот Карамзин остроумно описывает свой въезд в Берлин.

«В некотором расстоянии,— протягивая слова, стал декламировать Иван Федорович,— от Берлина начинается прекрасная аллея из каштановых деревьев, и дорога ста-

новится лучше и веселее. О виде Берлина нельзя мне было судить потому, что беспрестанный дождь мешал видеть далеко вперед. У ворот мы остановились. Сержант вышел из караульни и стал нас допрашивать: «Кто вы? Откуда едете? Зачем приехали в Берлин? Где будете жить? Долго ли здесь пробудете? Куда поедете из Берлина? Судите о любопытстве здешнего правительства».

Присутствующих это развеселило:

— Дальше, дальше, Иван Федорович!

— Карамзин ездил в Берлин на телеге, а через Шпрее, может, и моста не было. Город не освещался, кварталы в темноте обходил ночной сторож и трубил в рог каждые четверть часа. Берлин возник на месте военного лагеря римлян, которые поклонялись Беролине — деве-воительнице. Карамзин дальше рассказывает, как допрашивал его трактирщик. «Вы из России приехали?» — «Из России. Так...» — «В какие вороты вы въехали?» — «У вас все войною занимаются?» Вот так-то, друзья. А теперь мы их можем спросить: «У вас все войною занимаются?» Берлин сейчас — серьезный город. Вот посмотрите справку. Берлин расположен на 52°31′ северной широты и 13°25′ восточной долготы. В городе 20 вокзалов для поездов дальнего следования, 121 вокзал пригородного сообщения, 27 станций окружной железной дороги, 7 сортировочных станций. Городской транспорт представлен трамваем, автобусами, надземной железной дорогой и метрополитеном. Это уже совсем не Берлин карамзинских времен...

— Берлин для Европы теперь все. Европа стала германской частью света. Во всяком случае нацисты уверены в этом,— заметил кто-то из соседей по купе. Ивана Федоровича попросили побольше рассказать об этой стране. Иван Федорович учился в Германии и в последнее время часто выезжал туда для разрешения различных вопросов, возникавших по заключенным торговым соглашениям и контрактам. Живой рассказ Тевосяна заинтересовал его спутников.

— Начал я с языка,— сказал он.— Чтобы быстрее освоить немецкий, стал брать частные уроки. Их по четыре марки за час давал мне русский эмигрант, ассимилировавшийся инженер. Дело продвигалось быстро, тем более, что с деньгами у меня было не густо. Уже спустя месяц мы перешли к разбору фраз из газетных колонок. Так что уроки политики мне доставались бесплатно. Какой можно было видеть Германию? Страна богатой куль-

туры и мощных производительных сил. Здесь налицо мастерство в самых разнообразных областях, умение работать. В народе живет неугасимая воля к преодолению препятствий. Имеются талантливые люди в науке, в технике, в литературе, в рабочем движении, наконец, высокие традиции прошлых культур. Но нередко все покрывала волна непроходимого мещанства, мелкой жадности, наивного высокомерия. Поражение в войне привело к вырождению общественной морали, раздробленности мировоззрений, унылым конфликтам жестоких будней. Какую-то прослойку людей охватила полувыдохшаяся государственная и религиозная романтика. Среди этих противоречий послевоенной Германии стала быстро размножаться нацистская бацилла.

— А Болгария? А Румыния? Им для чего война? Неужели они захотят уподобиться той овце, которая прыгнула в море и утонула лишь потому, что это сделала другая?

— Гитлер их вовлечет в агрессию просто силой.

В разговорах, в обмене впечатлениями прошел почти весь следующий день. К вечеру десятого ноября поезд достиг советско-германской границы. Когда остановились на первой немецкой пограничной станции Эйдкунен, начальник поезда отправился к немецкому коменданту. Истекло десять минут, четверть часа. Начальник не возвращался. Вокруг царило безмолвие. Тевосян снова начал вспоминать Карамзина: «Кто вы? Откуда едете? Зачем приезжали в Эйдкунен? Где будете жить? В какие ворота въехали?»

Не выдержав, Иван Федорович отправился в салон Молотова. Возвратившись, рассказал, что немецкие железнодорожные власти не только, уподобляясь сержанту из караульни, кое о чем расспрашивают, но и пытаются доказать, что советской делегации будет удобнее следовать далее в заботливо подготовленном немцами специальном составе.

— Что за новость?

Немецкие железнодорожные пути более узкие, на двенадцать сантиметров разница...

— А посол Шуленбург что-нибудь предпринимает?

— Нет. Он сидит, словно индюк, с брюзгливым выражением. Говорит, что его власть на железнодорожных чинов не распространяется.

Вячеслава Михайловича возмутила такая наглость,

Он, как глава делегации, решительно разъяснил, что все предусмотрено заранее, и поезд переведен на новые колесные пары, о чем в свое время сообщено и немецким господам...

Комендант смутился:

— Entschuldigung, aber da bin ich anderer Meinung...[1].

— С Берлином была договоренность, что мы прибудем своим поездом. Поэтому Ваши мысли, господин комендант, должны совпадать с официальной договоренностью.

Стоянка пошла на пользу. Тевосян раздобыл газету «Дас райх». В купе Василевского она пошла по рукам. В ней оказалась колонка текста за подписью самого Геббельса и обзор. Комментатор подводил итог первого года войны. Успехи оценивались как «исключительные»: «Если взять первый год прошлой мировой войны,— вспоминал комментатор,— то тогда, несмотря на проявленную храбрость, несмотря на неслыханные жертвы, были достигнуты лишь частичные успехи. Тогда Германия не добилась ни на одном направлении решающего успеха».

Хвастаясь огромными территориальными захватами германской армии, обозреватель отмечал, что эти успехи возрастают и в силу того, что Италия захватила в свои руки инициативу в Восточной Африке.

Тут же критиковалась английская военная пропаганда, которая каждое поражение Англии и ее союзников пытается изобразить как величайшую победу. Так, бегство из Дюнкерка, которое англичане изображали как величайшую победу, с немецкой точки зрения являлось позорнейшим поражением. То же самое, отмечалось далее, английская пропаганда говорила и в то время, когда «вермахт выполнял свою миссию в Польше, Норвегии и, наконец, во Франции».

Далее приводились слова самого фюрера:

«В Англии заявили, что война будет продолжаться три года, что Англия уже сейчас делает ставку на трехлетнюю войну. Я сказал тогда рейхсмаршалу: «Геринг! Готовь все на 5 лет!» Мы действовали таким образом вовсе не потому, что я думаю, что война продолжится 5 лет. Однако, что бы ни случилось, Англия будет разгромлена».

Газета напоминала о неоднократных мирных предложениях, якобы выдвигавшихся Германией. Теперь немецкие войска продолжат борьбу до тех пор, пока наконец

[1] Извините, но я думаю иначе *(нем.)*

не будет вынесено окончательное и ясное решение. И этим ясным решением может стать только одно: режим поджигателей войны будет устранен!

Гитлеровцы создали свой жаргон, включая «социалистическую» терминологию. В статьях часто мелькали слова «плутократия», «империализм», «олигархия»... Повод для кичливости — в их руках. Действительно, ими одержаны немалые победы. Летом, обойдя линию Мажино, немецко-фашистские войска ворвались во Францию. Что же французское командование? Оно надеялось воевать по образцу первой мировой войны, задержав вермахт на укрепленных рубежах. Оно упустило из виду, что, как показала польская кампания, немцы внесли в свои действия новые элементы: оперативное использование подвижных соединений с применением воздушного прикрытия, а подготовка удара проходила под плотной завесой политической, военной и дипломатической дезинформации.

Прорыв французской обороны последовал на реке Маас между Седаном и Намюром. Но именно здесь французы наступления не ожидали! И, поддавшись обману немцев, перебросили свои главные силы в сторону Бельгии и Голландии. На Францию упал позор поражения. Ухмылявшийся Гитлер принимал в Компьенском лесу доставленную сюда делегацию французского правительства. В том же самом историческом вагоне, где некогда в качестве побежденных находились немецкие представители, фашистский фюрер подписал условия французской капитуляции. С тех пор гитлеровская чёлка, почти как у Наполеона, замелькала на страницах мировой прессы.

Василевский и Злобин до полуночи разговаривали.

Серая и холодная Висла... Подкрашенный рассветом Одер...

Василевского мучил кашель, он достал из портфеля таблетки.

— Я перенес грипп с температурой. Голова трещит от боли. Как у них с погодой?— запив лекарство водой, спросил он.

Злобин ответил:

— А вот, пожалуйста, «Дас рейх» дает прогноз: «Антициклон, идущий с севера, постепенно распространился на Центральную Германию, что привело к повсеместному улучшению погоды. Однако атмосферное давление в южных районах постепенно понижается. Погода, следова-

тельно, скоро испортится. В субботу благодаря антициклону еще удержится ясная солнечная погода. Но циклон, надвигающийся из Испании, вызовет резкое понижение температуры».

— Понял. Либо дождик, либо снег. Либо будет, либо нет.

А рядом слышались обрывки разговора на другие темы:

«Резиденция Круппа в Эссене. Ему что? Получал и получает дивиденты за счет нацистских авантюр, за счет тех, кто гнет спину у плавильных печей».

«Гитлер следует советам высококвалифицированной касты прусских милитаристов, этих, как они себя величают, «аристократов духа», и выбирает наиболее удачные из предлагаемых ими вариантов ведения войны. Он дает им то, что они больше всего хотят...»

Одиннадцатого ноября поезд проследовал через пограничную станцию Малькиня. Перед членами нашей делегации предстали первые немецкие любезные дипломаты:

— Начальник отдела министерства иностранных дел Дернберг...

— Начальник штаба связи Штернгер...

— Капитан флота Штофазиус...

Официальные лица. А для чего эти два штурмовика? Стоят, расставив длинные ноги. Оба — средних лет, в бежевых костюмах. Похожи друг на друга так, что их можно было спутать, только у одного проседь в висках.

«Очевидно, для декорации»,— подумал Василевский.

На другой день оказались у цели. Миновав берлинские пригороды, поезд вошел под железные ребристые своды Ангальтского вокзала.

Было 11 часов дня по берлинскому времени...

V

Выйдя из вагона, Василевский огляделся вокруг. К вагонам небольшими группами направлялись люди. Под высокими сводами перрона колыхались советские красные знамена с золотистым серпом и молотом и звездочкой, они как бы источали теплоту. Тут же гитлеровские хоругви с рогатым крестом, со свастикой. Свастика — древний священный знак индусов. Этот крест с изломанными концами означает колесо вечного движения жизни. Почему этот символ позаимствовали нацисты — неясно. Они позаимст-

вовали не только крест. Тяжелой кажется свастика на полотнище красного цвета. Красного. Еще бы: гитлеровская партия — НСДАП — называется рабочей. Тоже вероломное присвоение.

Среди встречавших Василевский увидел министра иностранных дел фон Риббентропа, фельдмаршала Кейтеля и других лиц из правящей нацистской элиты. Они показались ему странно знакомыми, будто он видел их раньше. Этому, наверное, и удивляться не следовало. Риббентроп, Кейтель, Лей, Гиммлер, Дитрих стали как бы частью картины немецкой жизни с осени традцать третьего года, когда «фюрер» стал рейхсканцлером.

Человек, принужденный видеть это каждый день, свыкался с такой картиной. Сотрудники советского полпредства выглядят оживленно-спокойными. Для них привычны шпалеры войск почетного караула в новенькой форме, с новенькими воронеными автоматами, привычны люди в черном с нарукавными повязками. Весь ритуал встречи должен подавлять сознание гостей, подчеркивать силу третьего рейха, его возвышение. Может быть, кого-то это действительно околдовывало?

После обхода войск Молотовым и Риббентропом делегацию проводили к авто, ожидавшим их поодаль, на площади. Площадь и ближайшие улицы были плотно оцеплены усиленными нарядами полицейских. Машины с разместившимися в них членами делегации и сопровождающими тронулись, завыла сирена. Впереди мчался черный мерседес с сиреной, мчались транспортеры с охраной.

Двигаясь в направлении Бранденбургских ворот, по Унтер ден Линден, машины пересекли роскошную Фридрихштрассе. Слева, на Вильгельмштрассе, видны были новая имперская канцелярия и отель «Эдем». А через несколько секунд справа уже подпирал серое небо купол рейхстага, замелькали обнаженные ветви вязов Тиргартена, черная полоса Ландвер-канала.

Аристократический Шарлотенбург подавляет своим блеском. Приезжим ни к чему знать, что в шикарном «Эдеме» зимой 1918—1919 года обитал штаб кавдивизии, выполнявшей палаческие обязанности в отношении к восставшим рабочим районам города. Выкормыш этой дивизии майор Пабст обагрил свои руки кровью Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Либкнехт был убит в Тиргартене «при попытке к бегству»; растерзанная Роза Люксембург была брошена в Ландвер-канал.

Машины неслись по Бельвюштрассе.

Миновали несколько ворот, свернули в парк с полицейскими во множестве экземпляров. Чувствовался осенний трепет деревьев, старых лип; коричневые пятна цветочных клумб влажно поблескивали.

Внутри парка — обнесенное стенами массивное здание причудливой архитектуры. Барокко с примесью других стилей. Стены увиты плющом. Замок Бельвю. В вестибюле пол выложен большими плитами шлифованного белого мрамора.

Разместили — претензий не предъявишь. Прихожая, рабочая комната, комната для вещей, спальня. Нет, здесь не чувствовалось казарменного запаха, стоял запах кожи.

В своих аппартаментах Василевский нашел свежие газеты. Прочел аншлаги, клише с Гитлером-оратором. Да, это была речь Гитлера, произнесенная в Мюнхене, где он побывал по какому-то поводу на прошлой неделе.

В этой своей речи Гитлер заявил:

«Я делал мирные предложения, но Англия их отвергла. Теперь я отклоняю любой компромисс. Только борьба, борьба на уничтожение! У нас еще огромные воинские резервы, не вводимые в действие. Материальные запасы и их количество вынуждают прекратить работу отдельных предприятий, так как негде хранить продукцию»...

...«Истинная свобода — это антисемитизм; борьба против евреев является вместе с тем борьбой за возрождение... Благодарность нации...»

И далее — в таком же духе. Читать всерьез эту пачкотню невозможно.

В день приезда глава делегации в сопровождении советского полпреда Шкварцева, переводчиков и Риббентропа отправился в здание новой имперской канцелярии для встречи с Гитлером. Построенное при нацистах, здание обставлено с помпезной роскошью. Фюреру казалось, что воцарившись в нем, он станет могущественным и неприступным. Но на советских представителей ни здание, ни его внутреннее убранство не произвело того впечатления, на какое рассчитывали его хозяева. Молотов небрежно прошагал по коврам, остановился, вытер большим платком стекла очков в стальной оправе. За столом он сидел строгий, замкнутый.

Советский премьер выдержал свыше двух часов мучительно-неприятного общения с фанатиком прямого действия Гитлером! Это было тяжело.

Молотов впервые увидел Адольфа Гитлера в такой близости, лицом к лицу. Впечатление от встречи не поколебало прежнего мнения о нем. «Рема[1] он застрелил собственноручно, когда тот перестал быть для него удобным. А сейчас он являет собою тип самодовольного, ни в чем не сомневающегося бюргера,— глядя ему прямо в глаза, подумал Молотов,— фигляр и преступник. Но он не дурак».

Как хотелось Гитлеру ввести в заблуждение советского главу правительства! И до 3 октября, когда он послал ему приглашение посетить Берлин, и после он думал только об этом. Что предпринять, чтобы поощрить Советский Союз к продвижению на юг, к Ирану или Индии? Пообещать ему выход к Индийскому океану? Убедить, что юг для России важнее, чем ее позиции на Балтике?

Риббентроп поддакивал своему шефу:

— Я с вами полностью согласен. Нужно отвлечь Россию к Персидскому заливу и к Индии!

Они верили, что в Советском Союзе мыслят теми же категориями, что и в Берлине.

Советский представитель понимал, куда они клонят, Он стоял на своем: самое главное укрепить безопасность Советской страны.

Гитлер начал издалека. Он возмущался поведением Польши, в свое время строившей козни против своих соседей, поделился своими опасениями относительно ситуации, сложившейся на Арабском Востоке, и трагедии Балканского полуострова. Германия, по его словам, сумеет вывести всех из состояния смятения и хаоса, которые угрожают народам, если не вмешаться.

Советский премьер слушал молча, на лице его ничего не отражалось. Ни малейшим движением не выдал он своего возмущения этой демагогией.

Когда наступил момент для ответа, он произнес:

— Господин рейхсканцлер говорит не о тех проблемах, ради которых советская делегация прибыла в Берлин...

Услышав суровый ответ, Гитлер резко поднялся. Его лицо посинело, осунулось, подобралось. Слегка дернулась фигура, правая рука вцепилась в борт пиджака.

---

[1] Один из создателей нацистского репрессивного аппарата: штурмовых отрядов и войск СС.

Это прорвался страх перед большевиками.

Он боялся и избегал встреч с серьезными политиками. Тем более он растерялся при встрече с советским политиком. Советский представитель не собирался спорить. Он знал, что Гитлеру больше нечего сказать. Повсюду Гитлер лгал! Он готовился к войне, пользуясь любезностями Чемберлена. Этот человек — не государственный деятель, не политик. Он — паяц, укравший из гардероба своей несчастной страны одежды рейхсканцлера.

— Хорошо!— согласился Гитлер.— Вам с Риббентропом надо более детально обменяться мнениями в министерстве....

Советский представитель направляется к хозяину внешнеполитического ведомства — к Риббентропу. Проходит через приемную, через открытую дверь по соседству — стенографическое бюро с машинными барышнями (tippfräulein). Слышна их сорочья болтовня. Кабинет Риббентропа оборудован в старонемецком стиле: тяжелый стол, рыцарские кресла.

Здесь разговор шел откровеннее. Немецкий министр иностранных дел долго распространялся о планах фюрера. В его мародерски-дипломатическом мозгу имелась картина нового порядка в Европе без участия Англии. «Исходным пунктом для создания нового порядка в Европе является катастрофа старого европейского мира,— сказал он.— Европа в данный момент находится в состоянии военного и экономического преобразования». Из этого положения делался вывод, что все европейские народы должны участвовать в создании новой Европы. Господствующим центром новой Европы будет ось Берлин — Рим. По отношению к России будет проведено четкое разграничение сфер влияния. Малые европейские государства должны встать под защиту великих держав оси.

— На Вильгельмштрассе,[1] — подчеркнул Риббентроп, рассматривают новый порядок в Европе в следующем аспекте:

1. В политической области мир в Европе обеспечивает ось Берлин — Рим. Державы оси обеспечивают Европу также от вмешательства чуждых Европе стран. Франция перестает быть плацдармом Англии и будет участвовать в новой Европе.

[1] Улица, где была расположена Новая имперская канцелярия.

2. В военном отношении Германия и Италия будут защищать новый порядок собственными силами, стабилизировать положение в новой Европе. Державы оси не будут принуждать малые народы сражаться за их цели.

3. Экономические взаимоотношения в новой Европе должны быть построены на равноправии всех европейских народов. Новая экономическая система будет покоиться не на капитале, а на производительности выпускаемой продукции. Германия не намерена навязывать свое общественное устройство и мировоззрение другим европейским народам. Создание нового экономического порядка в Европе стоит на первом плане, поскольку война уже решила вопрос о новом порядке в военном и политическом отношениях.

Советский представитель отвечал вопросами:

— Поймите, господин министр, я прибыл сюда не для обсуждения столь далеко распространяющихся задач Германии. Нам бы хотелось знать об элементарных явлениях дня. Почему к границам СССР стягиваются германские вооруженные силы? Нам говорят — на отдых. А нельзя ли устроить им отдых в другом месте?

Вопросы эти подействовали на фон Риббентропа как ледяной душ. Он, как и его шеф — фюрер, испугался за судьбу секретнейшего из секретных правительственных замыслов. Если русские раскусят их, утратится фактор неожиданности — фактор столь ценный. Планы кампании против России разрабатываются, и детали этих планов задействованы.

После второй беседы у Гитлера, продолжавшейся более трех часов, где нацистские главари продолжали толочь воду в ступе, стало ясно — серьезного разговора они избегают.

Советскую делегацию приглашают на прием.

В назначенное время делегация была у подъезда правительственного дворца. Не успев опомниться, советские гости очутились в зале приемов. Посредине стоял огромный стол, на котором расставлены были изысканные холодные блюда, фрукты, вина. Тут же возвышалась посуда из тончайшего фарфора. Василевский стал рассматривать присутствующих. По залам прохаживались военные в парадной форме. У многих из них сверкали рыцарские кресты, мечи с бриллиантами. Все с выправкой. А где же хозяин — субъект с одутловатой физионо-

мией, бывший ефрейтор и кунстлер[1], а сейчас — нацистский «сверхчеловек»? Его нет. Здесь подручные. У них государственно-томные лица, с губ слетают государственно-штампованные речи. Обращает на себя внимание некто в форме генерала СС со срезанным, как у выдры, подбородком, это — Гиммлер. У него бледно-серые светлые глаза. Расширив глаза, он посмотрел на Молотова, и тогда показалось, что глаза его стали более светлыми. Потом сжал свои бескровные губы.

Заученной небрежной походкой подошел к советскому полпреду Борман. Заместитель фюрера НСДАП наполнил чем-то светлым маленькую хрустальную рюмочку, что-то сказал полпреду.

А вон сам доктор Геббельс в окружении дам, увешанных мехами и драгоценностями. Среди них выделялась супруга министра пропаганды — представительная особа в вечернем туалете, сиявшая платиновой прической, взбитой на прусский манер. Ей шла бы и эсэсовская фуражка. У самого Геббельса манеры балерины, которая выздоровела после паралича. Он и разговаривал подобно актрисе. Чуть-чуть манерно, то раскрывая, то пряча усмешку.

Министр иностранных дел герр Риббентроп. Его движения отчетливы, целесообразны. Одет с изяществом. Рассказывали, что никакая парижская красотка не следит так за своим платьем, как этот господин. Рядом с Риббентропом знакомая Василевскому фигура Кребса. Служит он помощником военного атташе в Москве, и с ним приходилось встречаться. Он довольно прилично изъясняется по-русски. Набор орденов на зимнем мундире стального цвета пополнился рыцарским крестом; очевидно, получил его по возвращении из Москвы. Подтянутый, безупречный с головы до пят. Ничего хорошего от него ожидать нельзя, так же, как и от остальных. Василевский с особой остротой чувствовал здесь серьезность ситуации. Он бросил на полковника Кребса быстрый, чуть удивленный взгляд.

Кребс также узнал Василевского, подошел, поприветствовал и заговорил. Они набрали со стола тарелки снеди и отошли в сторонку. Василевский услышал: «Нас огорчают ваши подозрения. Они безосновательны. Мы боимся Красной Армии». К чему эта комедия? «Он

[1] Künstler — художник *(нем.)*.

говорит по-русски,— рассудил Василевский.— Возможно, употребил слово «боимся» из-за бедности в его языке словарного запаса? Или намеренно? «Боимся»!

Хотелось сказать:

— Сейчас ноябрь, а не первое апреля.

Но Василевский сделал вид, что не слышал фразы. Вслух произнес: «Будьте здоровы!»

Думал: «С подготовкой к крестовому походу дело у них зашло далеко. Совершенно позабыли, что Людендорф и Гинденбург с их амбициями в минувшей войне получили взбучку. Пусть и эти начинают. К чему это приведет — посмотрим». Эта мысль после приёма не оставляла его весь путь от Вильгельмштрассе до замка Бельвю.

Из той поездки Василевскому более всего запомнился этот банкет да ночная бомбардировка Берлина английскими самолетами.

...В этом дворце Бельвю он уже намеревался покрепче уснуть, когда послышались глухие далекие удары и задрожали дворцовые стены. И в тот же момент на ночном столике задребезжал телефон. Звонок — тонкий, резкий, требовательный. Василевский прислушался, тихо поднялся, включил свет и взял трубку:

— Алло!

— Господин советник? Простите, господин генерал,— послышался мужской голос с акцентом.— С Вами говорит дежурный офицер комендатуры, майор Гроскурт. Мне необходимо побеспокоить Вас.

— Говорите.

— В городе воздушная тревога. Ожидается налет.

— Слышу.

Действительно, слышался металлический вой сирены. Через ровные промежутки времени стреляли зенитные орудия.

— Сойдем вниз, господин генерал. Я обязан проводить Вас в бомбоубежище.

— Благодарю Вас. Я готов.

Через минуту в дверях появился офицер. Крупный человек лет сорока. На правом нагрудном кармане — орел, знак принадлежности к вермахту. Держится безукоризненно. Щелкнул каблуками и отдал честь, вскинув праву руку.

— К Вашим услугам...

— Что требуется от меня?— спросил Александр Михайлович.— Идти к лифту?

— Лифт выключен в целях безопасности. Как нам быть? А знаете, пойдем пешком,— подбирая слова, произнес майор и пошутил:— вроде апостолов.

Они стали спускаться по широкой мраморной лестнице, и скоро оказались на первом этаже. Здесь был обширный холл. К холлу примыкали радиально расположенные просторные залы, устланные восточными коврами. Отсюда был выход на нижний этаж в зимний сад и далее — спуск в бомбоубежище.

Прошли через анфиладу залов, через гостиную, мимо столовой и библиотеки. Гудела земля от взрывов бомб. Лаяли зенитки. Их выстрелы напоминали удары молота о днище железной бочки.

Василевский остановился. На него напал упорный кашель. Остановился и немец.

— Может быть, обойдемся без бомбоубежища? Я здесь найду что-нибудь от простуды. Можно переждать налет в библиотеке.

— Согласен. Это, пожалуй, интереснее.

В дворцовой библиотеке майор чувствовал себя как дома. Открыл сервант, извлек бутылку виски, коньячные рюмки, поставил у кресел на низенький круглый столик с двойной доской.

— Пока один-другой «Бистоль Блейнхейм»[1] разгрузится, мы можем немножко нагрузиться,— сказал он, и видно было, что ему хотелось бы, чтоб остроту оценили.— Перекрытия прочные, даже самые тяжелые бомбы нас не достанут.

Солдатский юмор был принят.

— Мы можем говорить по-немецки,— сказал Василевский.— Я вашу речь понимаю — был офицером и в первую мировую войну, воевал в Карпатах, немножко научился.

— О, прекрасно,— обрадовался Гроскурт.— Я тоже тогда немножко научился.

— Да? Сейчас у вас эпоха форсированного развития военных талантов,— заметил Василевский, бросив взгляд на майорские погоны своего собеседника.

Тот понял немой вопрос. И ответил:

— А я, увы, только-только майор! На комендантской службе чинов не наберешься. Но, поверьте, брошу этот

[1] Английские бомбардировщики.

дворец, возьму в руки оружие, стану генералом. Я кавалерист.

— Понимаю,— поддержал его Василевский, и спросил:— Я вижу на стене карту. Видно, там будут операции.

— Прошу, пожалуйста.

Они подошли к карте, распластавшейся на стене. Она была вся разрисована и напоминала персидский ковер.

— Здесь вот вы видите карту Британской империи. Империя эта дышит на ладан.

Василевский покачал головой:

— В Лондоне вовсе так не думают.

— Что думают в Лондоне — нас не интересует. Обратите внимание на этот пункт. Это графство Кент. Когда там окажутся германские силы, можно будет начинать высадку десантов в районе Фолькстоуна или Дувра.

Хотелось сказать: «Вас посыпают бомбами, но вы держите хвост пистолетом, молодцы». Но Василевский промолчал. На негнущихся ногах, очевидно, подражая фюреру, майор провел генерала к другому простенку. Здесь помещался Ближний Восток, район Персидского залива. Интересная карта. На ней обозначались цели, которые преследовала там германская военная машина. Она должна пройти по пескам Тобрука и Эль-Аламейна, прорваться в долину Нила и дальше направиться по просторам Месопотамии к Ирану, чтобы захватить нефтяные поля, которые также объявлялись «жизненным пространством». Оставив карту, Александр Михайлович, сопровождаемый своим ангелом-хранителем, подошел к книжным шкафам. Ряды книг сверкнули золотыми тиспениями на корешках томов. Фолианты и квартанты. Богатейшее собрапие литературы.

Но какая мешанина! Непременных немецких классиков Гете, Шиллера, Клопштока, Густава Фрейтага, Феликса Дана поставили рядом с Карлом Маем — все его сорок томов!

— Мая читать не доводилось,— заметил Василевский.

— Разве? Это наш, немецкий Киплинг. Пишет о белых немцах и черных туземцах. Словом, этот писатель призывает быть немцем высокой пробы, солдатом высокой пробы. Золото, кровь, оружие... Господин генерал, вы пока читайте, а я загляну в столовую. Честно говоря, проголодался. Пиво? Кофе?

— Кофе.

Майор исчез. Василевский продолжал знакомиться с сокровищами библиотеки. Ницше «Заратустра», Гейне места не нашлось,— он, как сказал майор, имел родственников в Палестине. Труд Ганса Грима «Народ без пространства». Что это за народ? Конечно же, немцы. Василевский раскрыл книгу.

Автор начинает издалека: «...В конце ледникового периода, в ту пору, когда нынешняя Германия до самой Среднегерманской возвышенности была покрыта высокими глетчерами, в Северогерманской равнине, постепенно очистившейся от ледяных массивов, появился так называемый охотник на оленей. Он является прародителем северной расы.

...Впоследствии эта северная раса стала играть ведущую роль в развитии человечества.

От этой северной расы произошли многочисленные группы индогерманских народов, к числу которых принадлежат персы, индусы, греки, латиняне, германцы, кельты и славяне.

А побережье Балтийского и Северного морей стало колыбелью, родиной человечества».

Хорош Ганс Грим. Плод фантазии — сумел ловко превратить в нечто наукообразное. Но наукой здесь и не пахнет. Сплошное надувательство!

А теперь посмотрим том, озаглавленный «История 1871—1918». Читать не хотелось. Взглянул на иллюстрации, нашел портреты государственных деятелей: Бисмарк, Мольтке, кайзер Вильгельм...

Вильсон, американский президент. Не научный анализ, а патологически-злобная характеристика четырнадцати пунктов «программы мира», сформулированных Вильсоном.

И вдруг — вклейка. Портрет Владимира Ильича Ленина. Как бы они ни оценивали его деятельность, главное — дорогое сердцу изображение. «Хорошо, что портреты Ильича здесь все же есть,— подумал Василевский.— Придет время и для пропаганды его учения на этой земле, пропаганды его светлых идей».

Перелистав книгу, он поставил ее на то же место. В это время вернулся майор с подносом.

— Жду от вас благодарности, господин генерал,— воскликнул Гроскурт.— Несмотря на довольно поздний час, вырвал я у них, с кухни, по порции айсбейна, фасоль со свининой, кофе и пиво...

Услышав в вестибюле смех и разговоры своих спутников, возвращающихся из бомбоубежища, Василевский с досадой подумал: «И занес же меня чёрт в эту библиотеку!»

Расстались по-приятельски. Перед сном Василевский, не включая свет, раздвинул черные шторы, открыл окно. Почудилось, что слышится гудение.

— Это Рихард Вагнер или бомбовозы? Весь город пронизан гудением.

VI

Разбудил генерал Злобин.

— Пока ты спал в своей дипломатической постели, город бомбили, молодой человек,— шутил Злобин.— Английская авиация.

— Я слышал, чувствовал. Дворец вздрагивал.

— Прочти газеты.

В опубликованной немецкими газетами официальной сводке говорилось:

«Попытка нападения на Берлин не удалась. Эффективный огонь зенитной артиллерии вынудил повернуть обратно несколько английских самолетов, которые проникли до заградительного пояса Берлина. Вчера, тринадцатого ноября, в воздушном бою противник потерял два самолета. Три германских самолета пропали без вести».

VII

В полпредстве им делать было нечего, а время свободное имелось. В холле им повстречался майор Гроскурт, и они поинтересовались, нельзя ли ознакомиться с городом.

Выслушав Василевского, майор стал уточнять:

— Адмиральские бани? Пергамон?

— Нет. Просто увидеть людей.

Гроскурт задумался.

— Каких людей? Ах, да! Вы хотели бы увидеть солдат. Рота, стой! Смирно! Ряды сдвой! Правое плечо вперед, шагом — марш! За этим надо ехать в лагерь Дебериц. Но...

— Мы не против.

— Рад бы показать вам. Но для этого требуется распоряжение высшего командования.

— Кого, например?

— Господина фельдмаршала Кейтеля. У него — все! Внутренний распорядок в армии. Награждение орденами, вручение дубовых листьев к железному кресту, аттестации личного состава, жалобы, поступающие через управление кадров, резерв офицеров. Все это по его ведомству.

— Значит, в лагерь Дебериц нам не попасть,— заключил Тевосян.— Но у меня есть разрешение на поездки по всему Большому Берлину. Многие фирмы работают над нашими заказами. Я проехал сегодня по Восточному кольцу: Германплац, Вильденбурхплац, вокзал Трептов, Варшавский мост, Балтенплац, Книпродештрассе, Шенгаузераллее, Штетинский вокзал, Галлеские ворота.

— У меня предложение, господа,— сказал майор.— Вы завтракаете, а я веду переговоры. Условились?

Гроскурт ушел на переговоры, а Тевосян стал рассказывать о городе. Центр города сверкает словно штык. Но это все показное. И не центр определяет облик города, хотя и задает тон; подлинный Берлин — это Вейсензее, Лихтенберг, Фридрихсхайн, Веддингплац. Это рабочие районы. Рассказывал с подробностями:

— Что я видел? Осень. Над домами низко плывут серые, косматые тучи. Их пригнали сюда ветры, дующие в осеннюю пору с бушующего Северного моря. Переполненные трамваи ползут медленно-медленно. Берлинцы, натянув пальто и свитера, мерзнут, кутаются в шарфы. Люди рассортированы по чинам. А чины — в форме. Форма греет плохо. Многие в шинелях. Идут поспешно, прикрываясь от ветра. Вспоминал красноармейцев, которых холод так не гнал. Наша солдатская шинель все же греет — потолще и из настоящей шерсти. Всюду марширующие или фланирующие нацистские сапоги. Их обладатели — на одно лицо... А вести себя надо так. Обращаются к тебе:

— Гутен таг!

Надо отвечать:

— Хайль Гитлер!

А путешествовать по городу лучше только в сопровождении. Иначе можно оскандалиться. Они умеют подстраивать.

И Тевосян рассказал о неприятности, которую пережил один его знакомый — Белов. Тут была, конечно, не какая-нибудь история, а банальная провокация. Наивный турист — прогуливался один, любуясь городом, который

он так любил, так как прожил здесь какое-то время в эмиграции. Итак, он беспечно шел по знакомым улицам, надеясь даже встретить знакомое лицо. Магазины отсвечивали стеклами, в витринах, как вот и сейчас, рябили глаза прохожих, товары, афишки... Незаметно очутился на старой Любеккештрассе. Да, жила тут где-то некая Эрна, которую он в юности знал. Не нашел ее. Возвращался в отель в вагончике метро. В вагоне подземки оказалось тесно. Когда к нему протиснулись несколько типов, он оказался совсем прижатым к стеклу вагона.

— Это он?— спросил один.

— Он,— кивнул другой.

Волосатая рука протянулась к горлу. Отталкивая руку, Белов пробормотал:

— Битте!

Но его никто и слушать не собирался. С головы сбили шляпу и тут же ее растоптали. Рука явно душила, не хватало воздуха. Белов рванулся, но его ударили локтем в лицо. Тем временем кто-то опустошил карман с документами. Он позвал полицию. Когда вагон остановился, он увидел себя и верзил-потрошителей, окруженными полицейскими. Всех поволокли к полицейской машине. Доставили на Александрплац, в полицей-президиум.

Белов предстал перед полицей-президентом. Тот лицемерно вздохнул:

— Как же так? Советский комиссар и связался с бродягами!

— Я выражаю протест! Я хочу говорить с консулом!

— У нас не место для протестов, их выслушивать не полагается. Вам, ваше превосходительство, придется быть свидетелем и пострадавшим. Мы сожалеем. Жаль, что завтра об этом разнесут газеты. На них совсем нет управы.

И они разнесли. Главные неприятности Белова ждали дома. Его отдали под суд.

Кто-то заметил:

— Надеемся, что обойдемся без беловского варианта.

Не было и других вариантов. Майор Гроскурт извинился за задержку по телефону. Объяснил напряженностью программы. Через полчаса вся делегация собралась в полпредстве. Там Молотов сообщил, что программа пребыва-

ния в Берлине сокращается. Глава делегации выглядел сосредоточенно-усталым.

Потом был обратный путь. Как водится, делегацию провожали улыбками, рукопожатиями. Но всюду плохо скрываемая ирония, недомолвки. Красноречивее всего говорили надписи на афишных тумбах: «Rede nicht, Fend horcht mit!»[1].

Мгла. Туман. Ветер.

Поезд шел по территории Германии и Польши почти без остановок.

Из окна виднелись дома с острыми коричнево-красными крышами. Они, казалось, не были подвластны воздействию времени. Но и на них лежала печать оцепенения.

Польша кое-где выступала, как недавнее поле боя. Маленькие городки хотя не пострадали, но выглядели покладбищенски уныло — видно было, что они знали лучшие времена.

Многие поляки уже сложили свои головы в боях начавшейся мировой войны.

Путь от Бреста до Москвы был радостным. Василевский выходил из вагона на каждой станции. Приятно ласкала слух русская речь.

Родная земля!

Еще более радостно почувствовали все себя в родной столице. Вернулся Василевский домой, в Генштаб. Стало даже как-то неловко, что так долго отсутствовал в управлении. Завертелись туго завязанные рабочие дни в Генштабе.

На той же неделе созвали собрание коммунистов-генштабистов.

На партийном собрании Василевский говорил обо всем подробно. О Берлине, о переживаниях во время приемов и бомбежек. О рейхсканцелярии и Бельвю. Заключил уверенно и убежденно:

— Фактически фронт уже повернут против СССР. Все остальное — блеф. Скоро они свои бомбежки на Западе прекратят, чтобы бросить все силы авиации на Восток.

В память о поездке в Берлин осталась трубка. Ее удалось купить уже на Ангальтском вокзале. С янтарным мундштуком и чубуком из боснийского боярышника. Труб-

---

[1] «Не болтай — враг подслушивает» *(нем.)*.

ка напоминала о прошлой войне. Была у Александра Михайловича такая — подарил друг детства Сережа Рубинский. Как-то получилось, что они, два земляка-кинешемца, в пятнадцатом году оказались на фронте в одном полку. Он ему подарил трофейную трубку в день рождения. Но она потерялась. Довольно давно, в декабре семнадцатого года. Ехал он, армейский штабс-капитан, с разваливающегося русско-германского фронта домой, через Москву. На Ярославском вокзале, после долгих мытарств, удалось разведать о поезде, уходившем на Кинешму. Это был самый дешевый, но для того времени самый надежный «максим», который тащился до Кинешмы целую неделю. Александр обнаружил пропажу, оказавшись на подводе, следовавшей дальше, в родную деревню. Жаль было редкостной трубки. При окопной жизни трубочка — лучшая утешительница.

Окопов теперь избежать невозможно. В Цоссене, под Берлином, вовсю работал немецкий Генштаб, уточняя планы восточного «похода». Работал генерал Паулюс со своим штабом планировщиков.

22 июня 1941 года заработала вся германская военная машина, нацеленная на СССР.

Вступила в действие директива № 21 —«план Барбаросса».

Первый раздел этой людоедской директивы, под названием «Общий замысел» гласил:

«Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга-Астрахань. Таким образом, в случае необходимости, последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

...И чем же закончилась история с письмом из портфеля немецкого майора Рейхеля? Дешифровальщики кое-что разгадали. Прочли такую фразу: «Господи, боже мой, блюди и паси нас в этой земной юдоли». И еще там было сказано о пути узком и пути широком и об усталом путнике...[1].

---

[1] Историки, исследовавшие материалы заговора против Гитлера, установили, что Гельмут Гроскурт еще в 1938 году подготовил и хранил в своем сейфе план ликвидации Гитлера, текст обращения к нации. Так что, возможно, в этом письме мог содержаться какой-то скрытый смысл.

Глава четвертая

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАВКИ

I

Генерал-полковник Василевский.

Это был образчик типичного военного человека.

Выше среднего роста, с прекрасной выправкой, несколько крупными чертами лица. Глаза у него карие, чуть волнистые волосы. Шатен.

Потом он стал как бы массивнее. А во время войны имел легкую походку, уверенные жесты человека, имеющего дело с войсками — со многими тысячами людей.

Василевскому предстояло лететь на фронт обычным транспортным самолетом. Для противника наиболее интересна была именно такая машина. Своих удачливых асов Герман Геринг за такой сбитый самолет награждал особенно щедро. Щедрее, чем за бомбовоз или истребитель. Те — что: сбит, нет боевой единицы, и — все. А на «дугласах» и на «У-2» летают генералы и офицеры связи.

Пока шла заправка «дугласа», Василевский и его спутники прогуливались перед аэровокзалом. Почти рядом, в ста шагах, находилась березовая рощица. В это утро она сверкала бесчисленными оттенками красок. На взлетной полосе, кроме этой группки военных мотористов и механиков, было совершенно безлюдно, словно бы местность вымерла. Отдавало чем-то фантастическим. Рощица выглядела удивительно красивой.

В салоне «дугласа», рассчитанном на десять человек, сейчас было относительно свободно. В машине летел генерал-полковник, сменивший фамилию на псевдоним. Шифровки и телеграммы отныне пойдут на его имя за подписью «Васильева»— Верховного Главнокомандующего[1].

Вместе с генерал-полковником летели в «дугласе» немногие — люди абсолютно молчаливые. В таких случаях говорится только то, что необходимо. Слышалось лишь ровное гудение мотора.

Удобства для полета самолет имел минимальные. По бокам салона — скамеечки из металла. На них и сидели пассажиры. Правда, Василевскому для «комфорта» дали чехол, которым в холодное время на стоянках прикрывают моторную часть. Ватный капот, покрытый брезентом, при необходимости служил одеялом. Но Василевский надеялся, что ни того, ни другого ему не потребуется. Лётного времени не так уж много.

Он смотрел в окошечко самолета. Ничто не мешало ему видеть степь, ландшафт. Желтую степь.

Начальник генерального штаба переключил мысль на графики, в которых указано все: кто и когда прибывает сюда; сколько потребуется времени для восстановления поврежденных железнодорожных путей; кто и в какой час войдет в соприкосновение с противником; кто захватит тот или иной ключевой путь и кто находится во втором и третьем эшелонах; кто и на каком рубеже закрепляется, а кто, не останавливаясь, пойдет вперед, развивая наступление.

Командование фронта находилось в районе дислокации 57-й армии. Василевскому надо попасть туда без задержки. И работу начать без задержки. Прикрыл веки и на какую-то долю минуты впал в забытье. Когда очнулся, не смог понять, как долго он спал. Какой-то барьер пролегал на земле, ровная линия. Протер глаза. Мост? Канал? Потом понял, что никакого моста и канала нет — это линия крыла самолета... Внизу паутина дорог, квадратики селений.

Эта мирная спокойная картина скоро станет воспоминанием. Скоро, через считанные часы, очевидно к заходу солнца, он со своими спутниками очутится в стихии боев, на участке советско-германского фронта. Противник сосредоточил здесь восемнадцать дивизий вместо четыр-

[1] Васильев — псевдоним И. В. Сталина.

надцати, с которыми начал операцию. В пересчете на штыки — это 250 тысяч! У них 7500 орудий и минометов, 740 танков, 1200 самолетов. Враг непрерывно перебрасывает сюда части с других участков фронта.

Под крылом «дугласа» долго мелькали меловые холмы. Казалось, выпал снег. Но снег был почему-то теплый. Сверху, даже с небольшой высоты, степное пространство выглядит, как на рельефной карте. От невысоких бугров, словно артерии, разветвляются пересохшие русла речушек и ручьев. Степи — то серые, то цвета верблюжьей шерсти, то оттенка морской волны, то красноватые, то белесые. Промелькнут два-три хуторка, огороды и бахчи, потянется ниточка грейдера или проселка — и снова расстилаются залитые светом просторы.

Царицынская степь. Да, это та же царицынская панорама, по которой в восемнадцатом году катились в бешеные атаки бойцы Первой Конной против белогвардейских банд. Такой же размах. Такое же пульсирующее марево на горизонте. Такие же внезапно возникающие от налетевшего невесть откуда ветра пыльные шлейфы...

Кто из сражавшихся под Сталинградом, в малой и большой излучинах Дона, не представляет те июльские дни с чувством внутренней дрожи? Раскаленный воздух, сожженные станицы и хутора, бороздящие небо свои и вражеские боевые самолеты. Растоптанные и покинутые всеми колхозные нивы. Дымящиеся бугры. Зигзаги окопов и траншей. Огневые позиции — подлинные и ложные.

«Дуглас» стремительно летел на юго-запад.

Второй час полета, и уже не в воображении, а наяву показался «мессершмитт». Фашист видел, что это совершенно беззащитная машина; делая круг для обстрела, на первый раз не открывая огня, приблизился совсем-совсем близко к безоружному «дугласу». Немец-ас на самолете с эмблемой пикового туза с расправой не спешил — «дуглас» никуда не уйдет, он показал нашему летчику два пальца, предупреждая, очевидно, что вслед за первым заходом последует второй заход.

Пилот «дугласа» повернул лицо к Василевскому. Генерал кивнул. Это означало команду: «Вниз! Приземлиться немедленно!»

Поблизости, внизу, расстилался белый туман — настоящее «молоко». В нем спасение. Как только немец чуть-чуть удалился, летчик «дугласа» бросил машину в

сторону, сделал переворот через крыло и устремился в пикирование, рассчитывая скрыться от «мессершмитта» в тумане у самой земли. Пилот «Ме-109» не сумел вовремя перевести воздушный винт на малый шаг, уменьшив обороты двигателя. Обнаружив маневр «дугласа», немец, видимо, растерялся и на огромной скорости проскочил мимо него — на пикировании он открыл огонь, но с запозданием! Пулеметная очередь просвистела мимо, лишь одна пуля угодила в приборную доску и разбила ее. Тем временем «дуглас» укрылся в тумане, исчезнув из поля зрения «Ме-109». Вынырнули из мутной пелены у самой земли и несколько десятков километров шли низко-низко, на бреющем полете, маскируясь фоном местности.

Тумана нет, небо опять чистое.

Александр Михайлович крепко зажмурил глаза, чтобы несколько сбросить нервное напряжение.

Сталинград появился под крылом самолета, как мираж, внезапно. Город окутан дымом, среди которого что-то ослепительно блестело. Сплошным пожаром охвачен центр. Но вот окраина, маленькие домишки, посадочная площадка. Пожарищ не видно. Здесь ничего не горело. Стоят деревья вдоль нешироких улиц, а вон видна и ширь Волги...

«Дуглас» зарулил на стоянку. Экипаж и пассажиры вышли из самолета не сразу. Двое в серых комбинезонах принесли стремянку. По ней первый пилот спустился на площадку, поговорил с техником и, открыв дверь, снова забрался в кабину. Доложил генерал-полковнику, что можно выходить.

Внизу Василевского ждала «эмка» .

Автомобиль со вновь прибывшими едва двигался. Дороги сплошь были забиты повозками и машинами, по обочинам чернели воронки, грудились рваная арматура и битый кирпич. На изуродованных и прокопченных стенах белели лозунги:

«Отстоим Сталинград». Самая оптимистичная надпись охватила полстены: «Упорство — душа победы!» Жилистая акация пожухла, выносливый тополь сбросил листву, не дожидаясь осени.

В Сталинграде, в пойме речки Царицы, для Василевского оборудовали командный пункт. В штольнях с низкими потолками было прохладно. Здесь вместе с командованием фронта, членами Военных Советов он тщательно проанализировал обстановку. Выслушал доклады специа-

листов штаба и вызванных с передовой командиров и политработников.

— Предпринять наступление, улучшить позиции? Я так понимаю?— спрашивал командующий фронтом Гордов.— Давайте определим рубежи.

Василевский усмехнулся: «Кажется, для него главное — ввязаться в бой. А там видно будет».

Произнес:

— Я вас не тороплю, Василий Николаевич. Поедем к Толбухину, пригласим Крюченкина, Москаленко и других и там примем решение. Ставка приказывает восстановить утраченное положение. Для этого передаются фронту две формирующиеся танковые армии...

Гордов — седеющий генерал с усталым взглядом. Его серые глаза, казалось, говорили: «Все напрасно». Гордов нервничал. Он знал, что у него не хватит сил для успешных действий. Стал говорить взволнованно.

— Вы знаете, Александр Михайлович, на Клетском направлении идут кровопролитные бои. Используя численное превосходство, немцы прорвали оборону южнее Клетской и продвинулись вперед на восемьдесят километров· Контратаки тридцать третьей гвардейской, 184-й и 192-й стрелковых дивизий успеха не имели. В последние дни положение ухудшилось. Боюсь, с контрударом ничего не выйдет.

— Воюет по существу только 196-я стрелковая дивизия,— поддержал Гордова его начальник штаба,— связи с другими фактически нет. Спросишь: «Где противник? Где наши части?»— точных сведений не получишь.

Гордов, сам всего лишь несколько дней до этого командовавший 64-й армией, с пренебрежением отозвался о командующем 62-й армией. Он ругал генерал-майора Калпакчи за то, что его две дивизии — 192-я и 184-я, три отдельных танковых батальона, десять ИПТАПов[1], полк «катюш» и четыре полка курсантов военных училищ, можно сказать, бездействуют. Василевский остановил его речь:

— Это я знаю. Что из того, что кое-где царит непонятный хаос. Нашу с вами задачу я уже вам растолковал. Сейчас я доложу в ставку следующее. Мы организовываем немедленный удар по противнику силами 1-й танковой армии. Еще через сорок восемь часов пойдут в наступле-

[1] Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

ние части четвертой танковой армии, она сейчас выгружается на железной дороге.

Василевский направился в блиндаж, где работали телеграфные аппараты. Доложил в ставку и получил ответ: «Действуйте».

— Так что же, Василий Николаевич, едем к Толбухину? Показывайте ваш передовой наблюдательный пункт. Где он?

— Там же, где КП 62-й армии, в деревне Камыши. Это в трех-четырех километрах севернее Калача, на левом берегу Дона.

Василевский не стал откладывать отъезд ни на минуту.

— Быстрее. Бой покажет, что командующие армиями накопили до боя.— Усмехнулся, добавил:— Простые истины...

Василевский выбрал для базирования 57-ю армию. Во-первых, потому, что она для этих целей подходила больше других. Потрепанная в предыдущих боях, она находилась во фронтовом резерве. Во-вторых, командовал ею генерал-майор Федор Иванович Толбухин. С ним они не были в дружбе, но начало их военных биографий, очень сходное, как-то сближало. Почти ровесники. Александр Михайлович лишь на год моложе Толбухина. И тот и другой служили в старой русской армии, начинали с четырехмесячного обучения в военном училище и вышли оттуда прапорщиками, получив по одной звездочке в просвете погонов.

Они прибыли в хутор Камыши. Василевский увидел придонской хуторок. Его окраины с озерцами, заросшими чеканом и рогозой.

Штаб Толбухина и его оперативный отдел занимали пустовавшее приземистое здание магазина. Там у Толбухина была рабочая комната, которую он предоставил Василевскому.

Расположились за длинным столом, где было разложено несколько карт, изданных ГУКом — ведомством топографической съемки. Лежала здесь и подробная топографическая карта района Клетской. Клетская стала основным узлом большого участка фронта. Помимо директив, приказов штаб подготовил великое множество бумаг. Это были сводки, справки, донесения, общие и частные, планы операций и проведения разного рода мероприятий, доклады, графики и т. д. Это — планирующие, информационные и распорядительные документы.

При свете керосиновой лампы — от аккумулятора лампочка не горела — генералы взялись за изучение положения армий.

Василевский попросил:

— Ну, а теперь давайте о вашей, пятьдесят седьмой...— Армия дислоцируется на крайнем фланге с юга, выдвинутом вперед...

Углубившись в разговор, глядя на условные обозначения, характеризующие обстановку, генералы уточнили расположения артпозиций, которые разместились в укрытиях, полков и соединений, танковых сил... Эти два человека, чем-то очень похожие друг на друга,— один спокойный, другой несколько взволнованный, могли обмениваться мнениями, понимая друг друга с полуслова.

Поработав несколько часов, перешли пить чай на кухню. Еще работали и только на рассвете выбрали время для короткого сна.

Василевский пытался уснуть. За стеной слышалась трескотня «ундервуда», работал «бодо»[1], обычно это его успокаивало, но не в этот раз. Он думал о донесении в ставку, которое предстояло написать. Можно это сделать утром. Но мысли давили, он поднялся, разыскал в кармане свою трубку с янтарным мундштуком, купленную в Берлине осенью сорокового года. Набил ее табачной крошкой, хотел зажечь, но раздумал. Глубоко вдохнул воздух. Почувствовал боль в груди, спрятал трубку. В последний раз сказал себе: от курения надо отказаться. Сел работать снова. «Ундервуд» в данном случае не потребовался. Донесение в ставку написал от руки.

Толбухин и Александр Михайлович побывали в окопах. Изредка им попадались группы красноармейцев. Позавтракали в батальоне: пресная американская колбаса, хлеб, кипяток. Василевский сделал замечание интендантам — так нельзя, надо кормить горячим.

Во время завтрака за столом в блиндаже Василевский присел к офицеру с перевязанной головой. Узнал, что он контужен. Вечером был в бою.

— Так досадно,— сказал тот,— что мы напоролись на мину. Небольшая такая, похожая на пирог, «таллером» называется. Из-за этого проклятого «таллера» я безлошад-

[1] Телеграфный аппарат, отправляющий сразу несколько телеграмм по встречным курсам.

ным остался. Я любил свою тридцатьчетверку. Она легка в управлении, мне кажется, даже нежная. Остановишь ее, откроешь люк, хочется погладить броню, чтобы она служила так же надежно. Так жаль! Союзники... Какой-нибудь пятачок себе хотя бы отвоевали в Европе. Не желают. Сами воевать боятся, хоть бы танки прислали. Но что пришлют? Документацию мы видели. Американский 34-тонный танк «Шерман». С ним, видно, не навоюешь. У него двигатель для высокооктанового топлива. Бензин при попадании снаряда в двигатель легко воспламенится.

— Что же, они не могли поставить дизельные моторы?— заговорил сосед по столу.

— Могли бы, да считают ненужным.

— А пушки у «Шермана»?

— Пушка — ничего, 75-ти миллиметров.

— Есть у них другие танки?

— Есть. «Генрих Грант». Тоже ненадежный. Немцы со своими пушками не боятся таких танков. Грозой для фашистов является только наш Т-34. Вот это машина! И вдруг — чертов «таллер».

— Выздоравливай лейтенант,—успокоил его Василевский.— К тому времени сделают для тебя новый танк.

Василевский посоветовал командарму укрепить позиции. Поинтересовался, что нового дают разведгруппы. Тщательно проверил состояние линий снабжения. Всякий раз, когда Василевский убеждался, что нужен его совет, он давал совет.

Послышались гул мотора и крик: «Воздух!» Василевский поднял глаза. Сначала увидел пару «мессершмиттов», а затем нашего истребителя. Двойное превосходство было на стороне врага. В безоблачном небе завертелась карусель. Вскоре из карусели выпал горящий «Ме-109». Остался один такой же самолет с изображением пикового туза на длинном тонком фюзеляже.

— Пираты из флота Рихтгофена. Недавно прибыли на это направление,— пояснил Толбухин.— А тузом обозначают своих асов, сбивших более пяти самолетов.

Василевский уже видел такого туза совсем близко.

Расстояние между самолетами быстро уменьшалось. Скоро на земле услышали пулеметные очереди. Вражеский летчик, имея более высокую скорость, искусно маневрировал, надеясь выбрать момент и сблизиться.

Вот он совсем близко, но прицельно поразить «лавочкина» не смог. Тогда «лавочкин» бросился вслед за врагом.

Схватка была бескомпромиссной. Советский летчик, распаленный азартом боя, упрямо ловил момент для прицельного огня. Василевскому мешали смотреть солнечные лучи, и он пропустил то мгновение, когда немец, уклоняясь от огня, круто развернулся вправо, а «лавочкин», большой мастер маневра, резко пошел вверх по наклонной к горизонту кривой, так называемой «косой петле».

«Мессершмитт», уходя, постепенно опрокидывался, вонзаясь в глубокую синеву неба.

— Ни черта у немца не выйдет.

— Не ругайтесь, генерал не любит... «Лавочкин» будет атаковать немца.

— Да,— подтвердил Толбухин.— Воли у нашего пилота больше, чем у немца. И не только воли. И мастерства больше.

«Лавочкин», выполнив свой маневр, сумел занять тактически выгодное положение по отношению к немецкому асу. Теперь уже можно было не сомневаться, что этот бой выиграет наш летчик.

Разгорался воздушный бой и в других местах.

На горизонте показались небольшие группы «юнкерсов». Так бывает, когда враг готовится прорывать оборону.

II

Доложили:

— А вот и Крюченкин.

К наблюдательному пункту шел, не пригибаясь, высокий, прямой генерал. Командующий новой 4-й танковой армией Василий Дмитриевич Крюченкин.

В просторном блиндаже снова разложили карту. За столом встретились Василевский и Крюченкин. Толбухин с любопытством мысленно сравнивал их. Очень разные люди. Даже исключающие взаимно друг друга. «Генерал плана» и «генерал обстоятельств». Хотя они оба были командирами, в сущности, одного поколения, одной военной школы. Лицо Крюченкина со шрамом у глаза, серое от переутомления. «По существу он старик, долго не выдержит»,— заключил Толбухин.

Профессиональный военный, Крюченкин всю жизнь

служил в кавалерии. Он воевал с немцами в чине унтер-офицера еще в 1915 году. Бойцы, служившие до войны в Средней Азии, с восторгом вспоминали этого рубаку, рассказывали о его легендарной личной храбрости. Он отличился и в нынешней войне, участвуя в тяжелых сражениях на полях Подмосковья. Теперь получил под свое командование несколько стрелковых дивизий, послуживших основой танковой армии. Фактически это была смешанная армия. Здесь, под Сталинградом, ему предстояло вводить в бой стрелковые части с очень малым числом танков. Но он надеялся, что днями получит полное оснащение для броневых сил, и тогда можно будет развернуться по-настоящему.

— Днями?— переспросил Василевский.

— Да. К нам по железной дороге уже прибывают танки. Но вчерашней ночью фашисты разбомбили эшелоны. На платформах часть машин пострадала. Но даже если мы введем в бой половину танков, картина будет ожидаемой. Фашистов задержим на заданный срок.

— Все сроки ваши будем сокращать,— подчеркнул Василевский.

Крюченкина отличало то редкое качество, которое называется бесстрашием. Но это было не все. Он умел мгновенно принимать решения с учетом меняющихся обстоятельств.

В Московской битве Крюченкин участвовал в рейде по тылам врага, командуя конно-механизированным корпусом. В корпус входили кавалерийские дивизии имени Пархоменко, имени Котовского, две казачьи дивизии, бронетанковые части. Корпус прорвался в тыл к фашистам. Василевский помнил те тревожные дни. Связь по радио была неустойчивой.

Василевский вспомнил зимние бои:

— Вы прорвались через линию фронта, а фашисты прочно заделали брешь. Корпус для нас исчез. Мы всех вас считали погибшими. Несколько дней не имели связи! И вдруг получаем от вас донесение. С радостью узнаем, что вырвались обратно.

Фашисты в тех боях узнали, что такое настоящая война. В одной спрятанной в лесу глухой деревушке конники полностью уничтожили застигнутый врасплох полк гитлеровцев. Когда обсуждали в ставке, как отметить заслуги корпуса, все единодушно поддержали мнение — присвоить корпусу гвардейское звание.

— Я сам был лихим кавалеристом. С болью расставался со своими гвардейцами,— говорил Крюченкин.— Постараюсь, Александр Михайлович, выполнить ваш приказ и в этой степи.

— Вы обладаете специфическим опытом. Но тут одной лихости, Василий Дмитриевич, явно недостаточно. Она даже и не нужна. Вы, товарищ гвардии генерал-майор, со своей двадцать восьмой, а теперь уже четвертой танковой армией обязаны сделать следующее: действуя в составе группы войск, уничтожить авангарды противника, заставить его остановить наступление. Далее ваша задача — удерживать позиции до подхода дополнительных сил.

Генералам принесли чай. Крюченкин налил себе одной заварки, темной, как йод.

— Действовать на острие удара — задача сложная. Я понимаю. Но, думаю, ничто не может сравниться с Перекопом. Я участвовал в штурме Перекопа в 1920 году. Вам ли рассказывать, что там укрепления были, как говорится, неприступными. Через каждые пятнадцать метров — станковый пулемет, много ручных пулеметов. В одной только атаке погибло две трети полка. Сиваш. Шли вброд по пояс в воде. Кое-где подразделения наводили паромы. Но это были «паромы» только по названию. Крестьяне отдавали на слом сараи, мы извлекали из них бревна, строили обычные плоты. Переправляли на таких «паромах» ящики с патронами. В Отечественной войне я ничего подобного не встречал.

— У вас вид усталый. Как ваше здоровье?— спросил Василевский.

— Неважное. Пятые сутки не сплю. Сердце работает плохо, страдаю стенокардией. Из-за этого и головные боли. И то сказать: в январе—50 лет! Иногда даже забываю, как жену зовут.

— А как ее зовут?— думая о чем-то своем, спросил Василевский.

— Ольгой Петровной. Стар я стал, Александр Михайлович.

— Буденный старше нас, а возраст ему нипочем. Все еще ездит на коне.

— Да, ему уже за шестьдесят. У меня тяжелые ранения в голову. Получил во время боев с басмачами. В составе одиннадцатой кавдивизии воевал. Я командовал 64-м кавалерийским полком. Орудовали в основном мелкие

банды. Набеги делали из Афганистана. Там их формировали и обучали англичане. Стреляли басмачи плохо, рубились умело. Мы для удобства разделили свой полк на два отряда. Одним командовал мой заместитель, другим — сам. У меня в эскадронах насчитывалось 550 бойцов, а против нас оказался крупный вражеский отряд — до двух тысяч басмачей. Мы засели в кишлаке, почти сутки отстреливались. Кругом зыбучие пески. Укреплений никаких — всего несколько глинобитных землянок, обнесенных дувалами из самана. Долго в таком месте не продержишься. Но вот пулеметные ленты кончились, патронов почти не осталось. Собрал командиров, рассказал обстановку. Они предлагают: «Пойдем на прорыв, сокрушим врага!».

Я дал согласие.

Согласился потому, что другого выхода не было. За месяц до этого мы лишились целого эскадрона. Его настигли в песках басмачи, при пятикратном превосходстве, нанесли огромные потери, а когда эскадрон стал отступать, начали его преследовать. На сорокакилометровом пути отступления в песках изрубили всех, до последнего красноармейца.

Мы понимали, что и нас ждет такая же участь, если мы не выдержим вражеского напора. Рассчитывать на пощаду не приходилось. Вот почему я отдал приказ на прорыв.

Мы погрузили на тачанки раненых, взяли полковое имущество, собрали матчасть и двинулись.

— Где это происходило?

— В районе Термеза. Помню реку Вахш, с водой мутной, прямо-таки кофейного цвета. Поблизости располагались кишлаки Курган-Тюбе, Сарай-Камар,— это уже был городишко с мечетью, харчевнями и базаром.

Да, тяжело было. Поднялись мы с надеждой опрокинуть атакующих бандитов, сделать для себя какой-нибудь коридор и прорваться к своим.

Наши эскадроны пошли в атаку. Все должна была решать наша быстрота, храбрость каждого. Сам я, как командир полка, вскочил на коня — и вперед! Туда, где виден покрытый сухой колючкой бугорок с кучкой хорошо вооруженных людей, гнавших в бой других. Там находился сам Ибрагим-бек, их главарь.

Навстречу нам с душераздирающим криком бросилась лавина басмачей. Поднялись тучи удушливой пыли. Мы врубились в ряды врага.

Орлик, мой горячий и сильный конь, нес меня вперед... Может быть, вы помните Орлика? Я на нем участвовал в состязаниях конников.

Василевский помнил, и помнил хорошо также ежегодные соревнования, которые проводились в масштабе страны в середине двадцатых годов. Тогда вся Красная Армия знала имя Василия Крюченкина. Он взял двадцать призов на всесоюзных соревнованиях по джигитовке и рубке. Однажды даже занял второе место в Красной Армии. «Второй клинок Советского Союза!» — это были замечательный успех и большая честь. Ведь в те времена отличных кавалеристов было всюду много. В любом полку служили бойцы, показывавшие чудеса кавалерийского мастерства. Сколько приемов! Накидывают, скажем, на лозу шапку-кубанку. Конник мчится, как ветер, свистит шашка, лоза срублена и кубанка падает на срез. Рубили правой рукой, левой, стоя. На бешеном скаку всадник мог подхватить в свое седло «раненого» или взять с земли монету. Какая ловкость, какая выучка! Приобретая мастерство, боец закалял свой характер.

— В нашем полку,— продолжал Крюченкин,— подобрались ребята с Кубани, Урала, некоторые из младших командиров в германскую войну служили в гусарских и драгунских частях. Одним словом, воевать умели. В этом бою с басмачами Орлик вырвался вперед, метров на семьдесят. Враги обрадовались, увидя одинокого командира на коне. Набросились со всех сторон. Но они не знали, с кем имеют дело! Я сразу же, чуть ли не в одно мгновенье, зарубил четверых, остальные в панике отхлынули.

Командовал в том бою, как уже я сказал, сам Ибрагим-бек, полковник царской армии. Эмир Бухарский держал его при себе первым адъютантом. В той схватке намеревался Ибрагим-бек во что бы то ни стало истребить нас всех поголовно. Мне хотелось добраться лично до него самого. И я к нему почти прорвался. Совсем небольшое расстояние оставалось до Ибрагим-бека. В окружении сотни телохранителей он скакал мне навстречу. Здесь я сшибся еще с четырьмя головорезами из свиты Ибрагим-бека, они тут же слетели с седел. Образовалась как бы просека. Вероятно, ужас охватил тех, кто способен был

это видеть. Ибрагим-бек не выдержал, с перекошенным от страха лицом осадил своего коня на всем скаку, дернул шенкеля и повернул назад. Пугливо озираясь, за ним устремились ординарцы. Но тут же на меня налетела еще полсотня бандитов. Они навалились, как озверелые собаки. За полминуты получил я несколько сабельных ранений — два в лицо, в голову, залило кровью глаз, рассекли нос, почувствовал страшный удар в затылок. И все же я продолжал биться. Силы не оставили меня до последней минуты боя. В предсмертный час у человека наступает своеобразный взрыв энергии, что ли? Я ничего не видел, не слышал, и все же не выпускал из рук клинка, отражая удары, и поражая врагов. Басмачи такого оборота не ожидали. Они заметались, драпанули. Жаль, что мы не имели возможности их преследовать.— Крюченкин вздохнул:— В той сече многие наши бойцы приняли смерть — до семидесяти человек. И еще большее число получили ранения.

— Вам тоже досталось. И конь был убит...

— Вы помните? Это был конь! Гнедой, с тонкими бабками и пышным хвостом. В бою он был птицей! Об этом газеты писали. Но к тому, что действительно имело место, газетчики многое присочинили. Писали, например, о том, будто «Крюченкина так изрубили, что части тела его везли в мешке, потом в лазарете сшили из кусков». Никто меня в мешке не вез; как и других тяжелораненых, а таких было более сорока человек, меня волокли на носилках. Но правда состояла в том, что меня исполосовали саблями. После этого боя, пока добирались до Термеза, людям нечем было перевязать раны. Нечем и некому — ни одного врача или фельдшера в полку не осталось. Их или ранили или убили. Меня перевязали кусками простыни. Когда в госпитале разрезали тряпки — с головы слезала кожа с волосами. Как картон, все затвердело и спрессовалось.

— Если не ошибаюсь, вас тогда наградили орденом.

— Да. Постановление об этом вынес Всебухарский Центральный Исполнительный Комитет съезда народных представителей. Орден назывался «Красная звезда» и имел несколько степеней. Мне вручили орден первой степени.

Василевский с интересом слушал его рассказ, потом, когда унесли со стола чайные приборы, сказал:

— Сейчас перед нами не какой-то Ибрагим-бек со своей шайкой, а гитлеровский генерал Паулюс со своей

шестой армией. Она громила французские войска. У немцев на этом направлении действует тоже четвертая танковая армия. Им надо дать такой же урок, как вы дали Врангелю на Перекопе и в Крыму, как Ибрагим-беку. Первая танковая армия генерала Москаленко уже готова к выступлению. За нею ваша четвертая.

— Будет исполнено!

— А как вы это сделаете? Ваше решение?

— Решение здесь, на карте.

Генералы склонились над столом. На карте было отчетливо видно положение сторон на текущий день: армия Крюченкина, состоящая из пяти стрелковых дивизий — 321-й, 18-й, 205-й, 192-й, 184-й, истребительной бригады и танкового корпуса, должна была нанести удар в центре оборонительной полосы по авангардам девяти вражеских дивизий. Имелись кое-какие сведения о 5-й пехотной, 2-й моторизованной, 1-й танковой дивизиях. Данных о других вражеских соединениях, кроме присвоенных им номеров, разведка еще не добыла. Но можно было предположить, что нашей 4-й противостоят силы, по крайней мере, превосходящие наши. Их лавины уже подходили к Дону, танками и огнем сметая все на своем пути. Генерал Крюченкин намеревался разбить их и отбросить до рубежа Клетская — Верхне-Бузиновка,— до восьмидесяти километров. Этого достаточно, чтобы подошли новые советские дивизии.

— Мы строим свой расчет на использовании того фактора, что войска противника, не ожидая контрудара, сильно рассредоточены. Они не заботятся о флангах, их устойчивость базируется на эшелонировании в глубину,—пояснил Крюченкин.

Василевский одобрил решение командарма, но показал слабость его замысла: удар по противнику будет наноситься изолированно, севернее полосы общего нашего наступления. А это при наших крайне ограниченных силах, при отсутствии резервов может привести к быстрому затуханию всей намеченной операции. При выполнении маневра надо учесть это, добиваясь энергичного продвижения. Будет нанесен и второй удар с юга на север, силами 1-й танковой армии. Генерал Москаленко уже сегодня выдвинул свои части на заданный рубеж, они вступили в бой с крупными мотомеханизированными силами противника.

— Мы начнем операцию через день, а сейчас наша

пехота, танки и артиллерия идут навстречу врагу по 30 километров за ночь,— доложил командарм. Он пояснил, что особенно рассчитывает на новую дивизию, прибывшую на фронт,— полностью укомплектованную, из кадровых красноармейцев и офицеров.

Командарм имел в виду прежде всего 205-ю дивизию. Ее полки состояли из бойцов призыва осени сорокового года.

Из казахстанцев.

Из сибиряков.

Они называли себя дальневосточниками. Дальневосточники славились: они не раз с оружием в руках отражали наскоки китайцев и японцев. Теперь они должны были разбить прорвавшихся к Дону гитлеровцев.

Глава пятая

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

I

205-я стрелковая дивизия располагалась недалеко от Хабаровска.

Хабаровск — самый крупный город на Дальнем Востоке, центр обширного края. Его жилые кварталы, многочисленные фабрики, комбинаты, судоверфи, дворы плотно облепили берега Амура, реки, соединяющей край с бурными водами Татарского пролива. Город расселился в кратере, может быть, миллионы лет назад затухшего вулкана.

Вулкан потух, но, как и в доисторические времена, по утрам все вокруг окутывалось дымом: Старый и Новый города, заводы, Казачья гора, где раскинулись казармы воинских частей. Казачья гора одной стороной выходила к окраине города, примыкающей к реке, а с другой ее огибали глубокие балки и вздыбившиеся бугры, впрочем, тоже заселенные. На улице Серышева издавна стоит окруженное высокой оградой длинное здание с темными потрескавшимися стенами. В старину в здании этом, построенном в форме крепости, помещалось училище Казачьего войска (было такое там!). В тридцатые годы его занял штаб Особой Дальневосточной Армии. А за городом, на отшибе, раскинулся Волочаевский городок с казармами полевых частей.

Хотя вокруг города и прилегавших к нему селений стояли вековые леса, Хабаровск был открыт всем ветрам — лютым, жестоким, беспощадным.

В октябре сорокового они приехали сюда товарным из Казахстана. Сюда везли их почти месяц. Пестрая толпа молодежи, одетая кто во что горазд. В холодном вагоне Василия Морозова спасала шинель железнодорожника из хорошего сукна с блестящими пуговицами. Он купил ее незадолго до призыва, почти новую. Были у него и крепкие сапоги, сшитые отцом. После того как новобранцев переобмундировали, а домашние вещи отправили на склад, они стали похожими друг на друга. Один к одному. Красноармейцы.

Со времени гражданской войны в моду вошли головные уборы — буденовки, шлемы из легкой серой суконной ткани (это после завелись шапки-ушапки).

Красноармейцы шутили: вот уж правильно: «Держи ноги в тепле, а голову в холоде!»

При сорокаградусном дальневосточном морозе буденовский шлем давал хорошую закалку. Кирзовые сапоги или ботинки в обмотках — обувь солдата. Обувь промерзала насквозь и звенела при ходьбе, вроде металлической. Тепло сохраняла лишь байковая портянка.

Ветер — злой, лютый, пронизывающий — фон, на котором проходила боевая подготовка. Еще до гудка — протяжный рев его доносился издали со стороны нефтеперерабатывающего завода, расположенного вблизи Казачьей горы,— они бежали без гимнастерок на плац. Физзарядка длилась недолго, и пар, поднимавшийся над взводом, быстро уносил ветер. Потом умывались, брились и завтракали. Короткая передышка на политзанятиях сменялась строевой подготовкой, занятиями на стрельбищах, в лесу.

Запомнился Морозову светлый момент. Повели их как-то вечером в Центральный Дом Красной Армии. На лекцию. Приехала сюда из Москвы Клавдия Ивановна Кирсанова — лектор ЦК партии. Большевичка-агитатор с дореволюционным стажем. Он сидел в первом ряду, недалеко от трибуны, и хорошо видел Клавдию Ивановну. Видел ее лучистые, почти девичьи глаза, хотя ей было уже, наверное, больше пятидесяти. Помнится, с большой живостью и остроумием рассказывала о коварной политике германского правительства, о Японии, о треугольнике Берлин — Рим — Токио. Тут же объяснила подоплеку этой сложной геополитической агрессивной «геометрии».

Под конец Кирсанова рассказала, что накануне она имела удовольствие наблюдать, как группа бойцов фотографировалась у подъезда Центрального Дома Красной Армии. Они снимались у колонн, рядом с трофейными японскими гаубицами. Гаубицы как бы служат архитектурной деталью. Но это и напоминание битым самураям об их позоре: они пошли по шерсть, а вернулись стрижеными. Сейчас, включившись в игру, они кое-что обещают Берлину. Но осторожно, с оговорками! А это много значит. Это уже наша победа!

Редкий лектор может так понятно говорить о сложностях международной политики. Клавдия Ивановна могла. После ее рассказа бойцам легче было переносить тяготы армейской службы. Между тем каждое утро неизменно начиналось с команды:

— Подъем!

Физзарядка, завтрак. И опять:

— Становись!— громкая и резкая команда эта, как выстрел, слетала с уст командира. За секунду до этого бойцы шутили, смеялись, курили свои самокрутки и козьи ножки. В мгновенье все кончалось. Застывал строй, замирал в четких шеренгах. Никто не шевелился, лишь Морозов, двигая бровью, пытался, бывало, поправить буденовку, которая сползала на лоб.

— Строевым!

Это означало, что надо рубить шаг, вытягивая носок обуви так, чтобы удар в грунт приходился всей подошвой, и одновременно всем взводом.

Вечером после отбоя Морозов долго еще не ложился спать. Писал репортаж в «Тихоокеанскую Звезду»:

«Над тайгой бушует пурга, поземка стелется по площадям, улицам и переулкам Хабаровска, дымят заводы, разбросанные по берегам Амура, а здесь, на плацу Н-ской части, маршируют подразделения. Отрабатывается единство воли и движений, согласованность мысли. Отделения, взводы и роты сливаются в целостные живые единицы. На плацу, на стрельбищах, на полевых учениях происходит медленное рождение воина. Того самого советского бойца, защитника родной земли, который в сражении выполнит приказ командира, решит поставленную ему задачу.

Веками освященный солдатский строй учит коллективизму, роднит людей, порождает чувство братства...»

Знал, каждый его однополчанин, прочитав репортаж в газете, будет доволен. И он старался.

Наступал новый день.

Шеренги шагали по плацу.

А из репродуктора разносились утренние сообщения о положении дел в мире!

«Агентство Рейтер сообщает, что, как официально объявлено, здесь состоялось совещание Китайского правительства. На совещании заслушаны доклады министра иностранных дел Чжун-чуя и военного министра — Хо-Ин-цина...»

Знакомые имена. Их называла лектор Кирсанова.

Хо Ин-цин, по-видимому, принадлежит к типу азартных игрочишек-спортсменов. Он обучал гитлеровского генерала Рейхенау китайским приемам игры в настольный теннис, в пинг-понг: «Китайцы держат в руке ракетку так...»

Одно короткое сообщение следовало за другим.

«Несколько месяцев длятся ожесточенные воздушные бои между Германией и Англией. Имея превосходство в воздухе, Германия ставит своей целью мощным ударом разгромить аэродромы, военную промышленность противника, парализовать экономическую жизнь страны...»

Все уже знали, что немцы летом построили на оккупированном французском побережье бетонные площадки для орудий, которые направлены против Англии. При помощи этих орудий и бомб с тысяч самолетов Германия запугивала правителей Великобритании, но боялись ли они их? На этот вопрос сразу не ответишь. В печати появилось сообщение о какой-то «Белой книге». В ней сообщалось, что Лондон дал указания относительно приготовлений своей авиации, базирующейся в Сирии, к возможной бомбардировке Баку и Батуми.

Диктор сообщил, что японская авиация регулярно проводит налеты на чайканшистскую столицу Чунцин. Каково тамошним правителям? Они же так радовались, узнав от своего гостя Рейхенау, что Великая Германия намерена сообща с Серединным царством, после разгрома СССР, поддерживать небо над половиной земного шара.

В этом потоке сообщений могли, видимо, ориентироваться по-настоящему немногие. Такие, как Клавдия Кирсанова. И бойцы часто вспоминали ее беседу-лекцию. И были благодарны этой пожилой женщине с живыми быстрыми глазами, она так дотошно во всем разобралась

и так доходчиво все разъяснила. Лекция ее оставила в сознании Морозова след на всю жизнь.

Радионовости увлекают, но надо слушать команду:

— Руби шаг!

У командира роты — звание старшего лейтенанта, и он уже воевал в Финляндии. Даже награжден орденом. «Красная звезда», привинченная над клапаном его темной шевиотовой гимнастерки, солдатам кажется священным символом. Вот отчего согласны простить своему командиру даже его фанатическую любовь к шагистике. Не все из них боготворят шагистику, кое-кто считает ее никчемной, пережитком времен незабвенного Павла I. Но ничего не поделаешь. Строевая подготовка включена в программу. Она необходима. Человеку по назначению врача для его же пользы дают иногда глотать хинин и касторку. Надо так надо!

К тому же в строевой подготовке и получалось у командира все красиво. Невысокого роста, плотный, круглоголовый, он, казалось, и рожден был для строя. На «гражданке» работал монтером, владел профессией довольно мирной. И вот поди ж ты...

— Что с него взять? Телефонист и телеграфист!— философствовал на дровяном складе красноармеец Михаил Мокосеев, когда за какую-то провинность комроты послал его в наряд вне очереди.— Имел дело с телеграфными столбами. А их ставят ровно, и по линейке. Ему понравилось, в кровь вошло.

Были и другие совсем не лестные отзывы бойцов о своем командире. Но они ни на что и никак не влияли. Учеба продолжалась. Вот командир начинает показывать бойцам элементы строя. Как у него все выходит четко!

Фамилия командира Кутуев, зовут Рауф. Подавая обыденную армейскую команду, делал «страшное» лицо. По-видимому, гримаса должна была означать, что с рассеянностью надо кончать и браться за дело. Каждый боец, поддаваясь гипнозу, делался серьезным. Да, да! Шутки в сторону! Шутки, которыми они перебрасывались в те короткие минуты, когда можно постоять «вольно», ослабив колени, или разойтись на перекур. Впрочем, Морозов не курил. На махорку выдавали всем, без исключения. И он держал свою норму про запас. Возле него всегда околачивались два-три заядлых курильщика, которым курева не хватало.

Миновала зима, они приняли присягу, незаметно в батальоне проходили какие-то передвижения. Из земляков-актюбинцев трое уехали в Комсомольск-на-Амуре, на курсы младших лейтенантов. Миша Мокосеев попал в армию кандидатом в члены партии, и ему уже присвоили звание заместителя политрука (приравнивалось к чину старшины).

И только Морозову сначала «не везло»— он оставался рядовым. Но потом и его направили в полковую школу. В этой школе готовили младших командиров, и учение в ней было поставлено так, что кутуевские строевые упражнения показались развлечением. К ним здесь добавились частые тактические занятия за городом, в тайге. Добавились лыжные пробеги. Причем каждый курсант должен был пройти за зиму на лыжах не менее пятисот километров. Взвод Морозова прошел тысячу.

Три месяца такой учебы делали человека выносливым. Сноровистым. Ему можно было доверять других. Курсант становился сержантом.

Так оно и произошло бы с Морозовым, если бы не крутые события той поры. Ему запомнился май — в первых числах все еще шел снег, и курсанты декламировали: «Люблю снежок в начале мая...» Июнь начался дождями. И вдруг подошло теплое воскресенье 22 июня 1941 года. С утра устроили генеральную уборку помещений, чистили, белили, красили, выколачивали пыль. А после обеда — тихий час, сон...

Морозова разбудил Мокосеев:

— Вставай, Василий,— голос у него дрожал. Он добавил:— Война!

Сразу всех вывели на митинг. Строились на площади, на ней уже стояла трибуна, наспех сколоченная из неструганых досок.

— Ты будешь выступать сразу же после меня,— сказал Морозову комиссар.

Василий говорил о солнце, повисшем над землей кровавым шаром войны, говорил о своих товарищах, которые готовы сегодня же отправиться на фронт. Репортаж с митинга напечатали газеты.

Прошло немного времени, и курсантов разослали по разным подразделениям. Василия Морозова направили работать в оперативный отдел штаба фронта, где ему, как имеющему среднее образование, присвоили вне очереди звание лейтенанта, а Мишу Мукосеева аттестовали млад-

шим политруком. Они оказались в одной, вновь формирующейся дивизии. Морозова взяли в штаб, Мишу направили в многотиражку инструктором-литератором.

Они дружили.

Мокосеев говорил ему:

— Как мы с тобою живем, Василий? День и ночь — сутки прочь. У бога, как говорится, времени много. У нас его мало. Наши товарищи совершают на фронте подвиги. Кончится война, фронтовики вернутся домой мужественными, в ореоле славы. Странно будем выглядеть мы с тобою, друг... Вызовут в райком, спросят: «Где ты был, когда фашисты жгли советские города и села, истребляли людей?»

Морозов пытался спорить с ним:

— Ничего страшного. Я, например, отвечу: «Был на советско-маньчжурской границе, на Дальневосточном фронте (группа армий вдоль границы управлялась штабом фронта, именно — фронта). Не думаю, что меня за это кто-либо упрекнет.

Михаил Мокосеев слушал его возбужденно, но твердил свое:

— Ну, знаешь! На маньчжурской границе — это значит в тылу. Ты всего лишь комсомолец. Можно сказать, беспартийный, на целый год моложе меня, несмышленыш, тебе, возможно, простят. Мне же на бюро наверняка скажут: «В тылу отсиживался!» Чтобы этого не случилось, мы должны подать командованию рапорт.

Морозов пытался возражать. Приводил такой, как ему казалось, здравый довод:

— Фронту нужны части и соединения. Причем хорошо укомплектованные. Кто же захочет возиться с одиночками, хотя бы даже и высокоэмоциональными?

— Захотят! Во-первых, надо пополнять убыль, а во-вторых, если наш рапорт рассматривать будут в Москве, то оттуда непременно последует звонок.

После обмена мнениями пришли к согласию:

— Что ж, давай напишем этот самый рапорт. Но в нем надо обмозговать каждое слово.

Теперь им все ясно: они поедут вместе на передовую, будут воевать, а по окончании войны, если останутся живы, напишут книгу о том, что пережили, о защитниках родной земли. У Миши и название уже выношено: «Два друга». Если же один из них погибнет, повесть будет называться «Мой друг». О жанре договаривались труд-

нее. Миша увлекался Погодиным и хотел написать пьесу. Морозов зачитывался Хемингуэем, знал чуть ли не наизусть «Прощай, оружие!», и потому ратовал за повесть.

Решили проситься на фронт добровольцами, в одну часть. Было б хорошо, если бы дали путевку в известную им дальневосточную дивизию, к гвардии полковнику Белобородову, в редакцию дивизионной газеты. Полки этой дивизии еще недавно дислоцировались здесь, в Волочаевском городке. Их двинули на фронт в разгар жестоких боев под Москвой. Там они стали гвардейскими.

Свои мысли они изложили в обстоятельном письме-рапорте. Для этого в штабе фронта у знакомых писарей выпросили листы хорошей белой бумаги. Текст переписывал набело Миша пером «рондо», каллиграфическим почерком. Адресовали заявление начальнику Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакову. Рассчитывали, что Александр Сергеевич, сам литератор и публицист, поймет их лучше, чем кто-либо другой. Да и полномочий у него — слава богу!

Письмо отнесли на почту и стали ждать результата. Они почти не сомневались, что Щербаков не откажет. Прочитав рапорт, наложит резолюцию: «Уважить».

Прошло недели три. Письмо за это время обошло необходимые инстанции, кто-то его читал, кто-то его переправлял из учреждения в учреждение. Так или иначе, но оно вернулось в Хабаровск. Авторам прислали приглашение в райком комсомола. Морозов находился на дежурстве, и в райком ходил один Мокосеев. Вернувшись, рассказывал, как удивились райкомовцы, когда перед ними предстал один из авторов письма-рапорта в образе бравого политрука. Они-то думали, что рапорт сочинили школьники!

— Вам ли, политрук, надо объяснять легкомысленность вашего поступка?— сказала секретарь райкома — девушка по имени Галя.— Разве не понимаете, какая сейчас обстановка? Война затянулась, это факт. У вас здесь дел, наверное, с избытком. А надо будет... Говорится же: «Войну выигрывают резервы». Вы с вашим другом находитесь как раз в составе внушительного резерва.

Потом сказала:

— А я вот тоже хочу идти на войну добровольно... Тоже писала заявление.

— Такая маленькая?

— Ростом я не вышла, но мне девятнадцать. И военком обещал призвать. Моему заявлению повезло больше, чем вашему.

— Давайте в наш медсанбат!

— Поможете? Впрочем, мне сказали, что могут послать в здешнюю дивизию.

— Ну, конечно! Завтра зайду к комиссару, расскажу о нашей беседе.

Миша позвонил Морозову в штаб, говорил много, но он понял одно: «Не вышло, Василий». Вслед за этим Мокосеев обрадовал: «К нам в медсанбат придет служить медсестрой замечательная девушка из райкома, Галя. Будет веселее».

Лето оставалось дождливым. Обувь Морозова промокла основательно, он спешил домой, надеясь хорошенько просушить ее, да и самому хотелось согреться. Как и некоторые другие офицеры, жили они с Мокосеевым не в казармах, а в одном из домиков-фанз. Фанзы располагались в стороне от военного городка, прикрытые сквером старых акаций. Никто не знал, как они здесь появились. Купил ли кто-нибудь каркасы и щиты и собрал их, или их возвели на месте. Однако квартирой своей в фанзе они гордились. Экзотичное жилье, к тому же довольно теплое. В фанзах устроены из кирпича нары с дымоходами. Стоило подбросить в очаг березовых чурок, как комнаты наполнялись жилым духом. Фанза разгорожена на три каморки. В фанзе кроме них жил еще майор Кильдо — начальник штаба одного стрелкового полка.

По пути домой Василия догнал посыльный.

— Лейтенант Морозов? Вам завтра к десяти ноль-ноль явиться к начальнику штаба дивизии.

— Зачем?— спросил он, зная наверняка, что посыльному такие подробности не сообщают. Боец в ответ пожал плечами.

Начальник штаба дивизии, полковник Любимов с ними, младшим комсоставом, почти не общался. Немолодой сухопарый офицер, скуповатый на слова, говоривший всегда ровно, не повышая голоса. Думая о чем-то своем, он иногда чуть-чуть улыбался, но его светлые, ровно подстриженные усы оставались без движения. Седые волосы всегда гладко зачесаны назад. Утром Морозов пришел в отдел, спросил своего начальника — капитана Капустина, для чего он, Морозов, понадобился Любимову.

Тот тоже не знал. В назначенное время лейтенант представился полковнику.

— Вы, лейтенант, где проходили подготовку?— спросил Любимов. Перед ним на столе лежала тощая папка-скоросшиватель с личным делом.

— В полковой школе. До призыва работал в районной газете.

— Я вызвал вас посоветоваться. Мы ищем человека на должность адъютанта учебного батальона. Знаете, что такое адъютант? В былые времена штабов не существовало, и командиры управляли войском через доверенных лиц —«адъютантов». Вести канцелярию и письменные дела придется. Батальон особый, в подчинении штаба дивизии. Хотите пойти?

— Серьезное предложение. Но боюсь, что у меня не хватит знаний и опыта.

— Вас мне назвал майор Кильдо. Вы с ним знакомы?

— Немного.

— Он мой старый сослуживец. Именно вас он рекомендует на эту должность.

Морозов молчал. Старался смотреть полковнику в глаза твердо, чтобы он понял — идти в учебный батальон ему не хочется. Полковник на минутку задумался, сидя на жестком стуле за письменным столом. Ленточкой поднимался папиросный дым из пепельницы. Заметил:

— Многие желали бы служить в тихом закоулке. Где-нибудь в архиве.

Лейтенант продолжал молчать. Полковник вздохнул:

— Напрасно! Вам всего двадцать лет, должны испытать свои силы,— его слова как бы излучали свет участия.— Я не сомневаюсь в успехе. Смелее надо быть, лейтенант! А о работе в тиши даже и не мечтайте. Не такое нынче время.

Морозов заколебался.

— Спасибо за доверие, но не ошиблись ли вы?

— Нет, нет. Значит, согласны? Вот и прекрасно.

Уже на улице расстроенный лейтенант размышлял: вот и доверили ему громоздкие и трудные обязанности в отдельной воинской части. Да еще в учебной! Что ждет там его?

Было немного грустно от сознания, что так круто, помимо его воли, судьба сделала поворот.

II

Они сидели в кабинете с комбатом Семеновым и комиссаром. Комбат — простой крепкий парень с закалкой и старше Морозова. Лет двадцати шести, худой, разговаривает устало. Усталость объяснили просто: намучился без помощников. Рад прибытию лейтенанта.

— Все штабное хозяйство ведет завдел,— говорил комбат.— Он еле поспевает. Каждую бумажку пишет собственноручно. Сам и печатает. А сколько требуется расписаний, графиков, учебных планов!

— Буду стараться. Но вот беда. У меня всего-то и практики — четыре месяца работы в штабе дивизии.

— Дам свои конспекты, учебники, уставы. Хорошо, что не выбросил. Там найдешь все-все.

Батальон — хозяйство сложное. Но Семенов чувствовал себя уверенно. Ему — что: директорствовал в совхозе, имел в подчинении больше тысячи рабочих и специалистов. Комиссар Сидоренко в прошлом опытный комсомольский вожак. Морозов перед ними совсем зеленый, с людьми никогда не работал. Но комбат и комиссар скидки не делали, жали на всю железку:

— Ты же из штаба дивизии. Обязан быть и тактиком, и строгим контролером.

— Оставляй свою квартиру,— посоветовал комиссар,— переходи жить в казарму. Дадим тебе комнату — светлую, большую. В ней есть письменный стол, телефонная связь с ротами. Будет удобно работать со своими подразделениями.

Морозов перебрался в казарму. Они с комбатом и комиссаром были загружены по горло. После отбоя подолгу работали, готовясь к следующему дню.

К счастью, в штабе батальона заведовал делопроизводством старый штабист, техник-интендант второго ранга Степан Пучков. Он-то и помог Морозову довольно быстро постичь тонкости военноканцелярского дела. К тому же с ним трудился замечательный писарь, старший сержант Черепанов. В короткое время, прямо-таки за несколько дней, старший сержант тайком от офицеров и курсантов помог лейтенанту досконально разобраться в учебной программе, в параграфах устава гарнизонной службы. Остальное он постиг самостоятельно.

Все это стоило ему бессонных ночей.

Народ в батальоне оказался пестрым. В некоторые

взводы попали даже нестроевики. Их отобрали в полках, где агитировали бойцов подавать рапорты в учебный батальон.

Размещался батальон в корпусах железнодорожного института. Последним привел туда отобранных бойцов техник-интендант второго ранга Пучков. В штабе выслушали его рапорт о личном составе пополнения.

— Давай по списку, в двух-трех словах о каждом. Я должен знать,— потребовал комбат.

Поправив очки, Пучков раскрыл тетрадь, начал перечислять:

— Так, значит,— неуверенно начал техник-интендант,— пошел я в полк, а они уже меня ждут...

— Кто?

— Будущие курсанты.

— Я приказал тебе отобрать лично. Ну, и что за люди?

— Михеев — учитель танцев, Саакян — повар первой руки из ресторана «Армения». Огородников Николай — почтальон. Варлашкин — тракторист. Логачев — слесарь МТС. Маклаков — фрезеровщик. Чупырин — бывший кладовщик...

Семенов побледел. Не известно, чем бы это кончилось, если б в комнату не вошел Иван Сидоренко. Комбат при появлении его грозно посмотрел на Пучкова и взял у него тетрадь со списком.

— Посмотри, товарищ комиссар, кого нам дали. Надо идти в штаб дивизии и протестовать.

Комиссар, однако, был спокоен. Даже весел. Воскликнул:

— Так это же надежные мужики! Каждый умел добывать себе кусок хлеба!

— Правильно. Только у одного очки на носу, у другого выправка уставу не соответствует.

— На парад таких не выведешь. Поэтому нам их и уступили.

— А один — из шалой породы. Дебошир или трамвайный жулик. Короче, отбывал срок,— пожаловался Пучков.

— Правонарушитель, одним словом,— уточнил Морозов.

— Да, я беседовал с ним. Правда, он мне сказал: «Все, завязал». Фамилия у него — Пузыренко.

Слушая этот разговор, комиссар сказал обескураженному технику-интенданту:

— Ничего, друг мой, выправка — дело наживное. Подшлифуем. И зрение поправится, мы же на чистом воздухе заниматься будем. Здоровье от кислорода. В медицинских учебниках так пишут.

Комбат был сердит, но молчал.

В общем, недели через три батальон укомплектовали до штата, а Морозов стал заправским старшим адъютантом батальона и даже мог преподносить курсантам многие премудрости, предусмотренные учебной программой.

Жизнь в учебном батальоне пошла размеренным темпом. И, как водится во всех учебных подразделениях, основная тяжесть подготовки курсантов легла на плечи командиров взводов. Они являлись основными преподавателями и основными воспитателями, учили курсантов всему понемногу, за исключением топографии: она оказалась сданной на откуп маленькому юркому капитану, геодезисту-москвичу. Как Морозову казалось, он обладал необъятными познаниями.

Тем, кто готовил младших командиров уже не первый год, работалось легче, так как они приобрели определенный опыт. Ну, а новичкам-офицерам доставалось крепко. Морозова особенно мучила разработка расписаний на проведение занятий, проверка конспектов, которые командиры взводов составляли не по одному, а по нескольку: и по тактике, и по стрельбе, и по изучению матчасти. И не по своему усмотрению, а по определенной форме, что всегда их бесило. Утром же всю эту кучу тетрадей командиры рот приносили в штаб на утверждение, ибо без конспектов никто к занятиям не допускался.

Все было бы сносно, если бы вечерами людей так не донимала мошкара. В приамурской тайге ее предостаточно. Летучая тварь тучами висела над лесом, проникала во все щели бараков и вечерами буквально не давала работать, а ночами — спать. В семьях офицеров женщины шили пологи из марли и навешивали их над кроватями. Только под такой защитой можно было отдыхать. Ну, а одинокие офицеры, после кошмарных ночей, занимаясь с курсантами на плацу и в распадках, частенько валились с ног от переутомления.

За два месяца пребывания в батальоне Морозов сроднился с ним. Полюбил в нем все. Даже суровая тайга, окружавшая лагерь, стала казаться ему более привлекательной. Особенно нравилось дежурить.

Вечерами все роты выстраивались на лагерном плацу.

Дежурный подавал команду: «Смирно!» Четким шагом шел лейтенант навстречу командиру батальона. Отдавал команду, поворачивался кругом и командовал:

— Оркестр! Зарю!

Открывалось незабываемое зрелище. Справа над могучим лесом сияли лучи заходящего солнца, слева — широкий батюшка-Амур с его ленивым спокойствием и неповторимым величием необозримых плесов. В эту торжественную минуту как будто замирала вся природа, прислушиваясь к звукам трубы и вместе с человеком прощаясь с трудовым днем, чтобы завтра, после ночного отдыха, снова радостно встретить первые лучи восходящего солнца.

Незадолго до окончания курса обучения поступил приказ: выпуска не проводить, дивизия отправляется в действующую армию. Не довелось ребятам получить сержантские звания! Вместе с курсантами на фронт отправилось большинство их командиров.

III

Шел 384-й день войны. В этот жаркий июльский день 205-я стрелковая дивизия грузилась в вагоны на платформах станции Хабаровск-вторая. Только одному учебному батальону потребовалось более 40 вагонов. Курсантам и командирам уже на станции выдали стальные каски, петлицы защитного цвета и медальоны величиной с винтовочный патрон. В таком маленьком пластмассовом медальоне помещалась свернутая в трубочку полоска пергаментной бумаги, на которой в штабе наши писари тушью писали фамилию, имя и домашний адрес каждого, отправлявшегося на передовую. Таким стал «паспорт» воина-фронтовика. Многие его тут же выбросили — к чему этот паспорт? Для прописки на том свете? В батальоне тогда не многим бойцам перевалило за двадцать и никто из них погибать не собирался.

Всех интересовало другое. Командиром дивизии вдруг стал новый человек — генерал-майор Иван Алексеевич Макаренко. Прежнего комдива недолюбливали и боялись. Прослуживший всю жизнь в коннице, он в дивизии бывал только там, где имелись лошади.

Никакой архиепископ не чтил так своих святых, как этот комдив лошадей. Носил он щегольскую венгерку, саблю в серебряных ножнах и савельевские шпоры. Фами-

лия у него была — Хвостов. Морозов как-то слышал от комбата нелестное:

— Черт побери этого Хвостова! Дал мне выговор за то, что ведро в конюшне висело не на том гвозде. И фамилия-то у него лошадиная!

Макаренко за какую-то неделю успел побывать на полевых занятиях, на партийных и комсомольских собраниях, поговорить с бойцами и командирами. Уже в эшелоне новый командир вызвал офицеров батальона на совещание. Этот широкоскулый человек по выговору — волжанин: нажимает на «о». По-строевому подтянут. Из-под генеральской фуражки сверкают молодые карие глаза. Информацией о делах в батальоне остался доволен.

Нескончаемым потоком шли эшелоны товарных вагонов и теплушек с войсками, вооружением, снаряжением. Никаких пробок — железнодорожный транспорт работал, как часовой механизм. Похвальна и быстрота передвижения машины «ФД», или «Феди». Так называли курсанты локомотив, который останавливал свое тяжелое дыхание только на время смены бригад, забора воды и угля. И потому многие станции, города — маленькие, средние и даже крупные — проносились мимо, как видения.

Следя глазами за густой гривой паровозного дыма, заместитель командира батальона капитан Иван Герасимов, бывший железнодорожник, с довольным видом говорил:

— Молодец, Федя. Не прошло и недели, а уже позади остались Омск и Петропавловск. Такой прыти и курьерский позавидует.

При упоминании Петропавловска, бронзоволицый крепыш, видимо родом из этих ковыльных мест, неожиданно и громко изрек:

— Небольшой городишко, а тоже знатный. Здесь, среди железнодорожников, работал до революции Куйбышев. А в девятнадцатом году город освободила от колчаковцев пятая армия. Это была очень боеспособная и маневренная армия. Дала Колчаку по шапке. Осенью 21-го года тут два дня жил Михаил Иванович Калинин. Приезжал на агитпоезде «Октябрьская революция». Это в историю вошло. Хлеб, мясо заготавливали. В России голодный год выдался. Вот Сибирь и помогала... Особенно в Поволжье голодали. Вот и спасал людей хлебушко из этих степей.

— Ребята, у нас появился свой историк. Исконный казахстанец. Браво, браво!— фальцетом приветствовал «историка» лейтенант из сибиряков.

— Фашисты уже на Дону,— вздыхал один,— а мы еще в Сибири...

— Не тоскуй, кореш,— с хитрой улыбкой говорил его сосед.— Бравый солдат Швейк рассуждал, что, мол, «на фронт никогда не поздно».

До отправки на фронт в батальоне девушек было совсем мало. Но затем из штаба дивизии их прислали целый взвод — санитарки, сандружинницы, медсестры, телефонистки. Семенов хмурился: «Горя нам не хватало. От них только шум и раздор». У остальных это, напротив, вызвало воодушевление. А командир роты Гусаров, щеголь и весельчак, даже предложил создать хор. Кроме штатных вещей, необходимых военному, комроты имел гитару. Заметив оказавшихся в вагоне хорошо знакомых ему девушек, медсестер из санчасти Галю Тимолязову и Олю Жилинскую, тронул струны, запел свой любимый романс:

Всё васильки, васильки,
Много мелькает их в поле,
Помню, у самой реки
Мы собирали для Оли...

Песенка привела в смущение Олю, щеки у нее порозовели. Галя до армии работала инструктором райкома комсомола, привыкла к дружеским шуткам, но и она делала вид, что сердится.

Гусаров и для нее вспомнил куплет:

Галина ты, Галина,
Зеленые глаза!

Девушки исчезли в санитарном вагоне.

На крутом повороте, где-то близ Златоуста, Морозов выглянул из окна, увидел хвост эшелона,— дверцы теплушек раздвинуты, мелькают лица солдат. Мысли о войне порой кажутся нереальными. Причем здесь война, кровь и смерть, когда так прекрасны небо, солнце, леса, травы?! Лейтенант заметил, что курсанты не испытывают чувства тревоги, подавленности. Играют в шахматы, в домино, перебрасываются в карты.

Куйбышев. Здесь впервые стояли долго, наверное, часа три. Морозов со Степаном Пучковым вышли на перрон. Степан пошел на пристанционный базар, а Морозов остался на перроне. Базарной площади, в сущности, не имелось. В чахлом скверике разместилось несколько рядов деревянных, грубо сколоченных столов, почерневших от

времени, их заняли тетушки со своей снедью. Такими выглядели тот «базар» и площадь. Кринка с молоком, вареная картошка в мундире, соленая рубленая капуста в ведре с крошками моркови, кастрюля с пирожками, лепешки. Капусту разрешалось попробовать на вкус, а пирожки или лепешку, прежде чем пробовать, надо купить. Вокруг торговок — бойцы. Вдруг они засуетились. Волнение казалось непонятным, что-то, видно, произошло. Из-за дома выступил подтянутый ремнями капитан, дежурный. В руках он держал два свернутых флажка — желтый и красный. Он не остановился, а лишь сердито оглядел базарчик — не затесалась ли в толпу вороватая самогонщица.

Пучков в самом деле надеялся раздобыть самогона, хотя бы одну бутылку.

У него под мышкой виднелся завернутый в газету порядочный кусок фланелевой ткани, полученной перед отъездом на портянки. Старые еще не износились, и он эту тряпку приберег для такого вот случая. Вполне можно обменять на что-нибудь. У Пучкова был день рождения. Нужен был «стол». А что за стол без тоста?

Пучков затосковал. Придется возвращаться ни с чем! Вдруг из-за ларька вынырнула цыганка.

— Погадать тебе, красавец?

— Не надо, ради бога...

— Почему же? Ах, да! Ты в очках и ученый человек? Так вот я тебе расскажу о том, когда пропадет, сгинет Гитлер... Слушай вот. Наполеон родился в 1760 году, Гитлер в 1889 году, разница, мил человек, в 129 лет. Наполеон пришел к власти в 1804 году. Гитлер в 1933 году. И опять разница, дорогой мой, в 129 лет. А теперь слушай дальше. Наполеон напал на Россию в 1812 году. Гитлер — в 1941 году. И что же получается? Разница-то опять же в 129 лет. А сейчас бери на ум самое интересное. Когда Наполеон проиграл войну? В 1816 году. А когда ее проиграет кровопиец Гитлер? Давайте рассчитаем? Надо брать тоже 129 лет. Ну и получается, мил человек, что Гитлер проиграет войну в 1945 году.

«Чертовка!— подумал Степан.— Вот еще, ждать 1945 года! Да за три года сколько людей в землю ляжет из-за этого проклятого Гитлера».

Цыганка продолжала:

— Наполеон был не французом, а итальянцем, Гитлер не немец, а австриец. И тот и другой стали правителями

для другого народа. Наполеон захватил власть во Франции, Гитлер в Германии...

Приблизившись к Пучкову и горячо дыша, цыганка выхватила из его рук сверток и мгновенно исчезла. Поистине акробатический аттракцион!

Тем временем Морозов недоумевал, где так долго задержался Пучков. И уже стал беспокоиться.

Увидев Морозова, одиноко стоящего на перроне, к нему подошла старушка. Сначала она не решалась заговорить. В руках у нее — свернутая в трубочку телеграмма, обрывок конверта, маленькая фотокарточка. Набравшись храбрости, обратилась к лейтенанту:

— Ваших лет мой сынок... на фронт едет... Увидеть его хотела бы.

Номер эшелона, в котором ехал сын-красноармеец, ей неизвестен. На этом месте она ждала уже третьи сутки, и за это время прошли десятки эшелонов с войсками. Сына в них не оказалось. Старушка смотрела на Морозова с надеждой. Он прочел на конверте номер полевой почты. Такого номера он не встречал, и поэтому Морозов ничем не мог обрадовать солдатскую мать.

Услышав тонкий свисток паровоза, лейтенант побежал к вагонам. Увидел и бегущего вдоль вагонов Пучкова.

От встречи с цыганкой в душе Пучкова остался плохой осадок.

Когда они оказались в вагоне, Пучков рассказал об услышанном пророчестве офицерам.

Комиссар Сидоренко нахмурился.

— Нигде об этом, дорогой, не говори. Такой срок не годится, очень уж большой для нас. Одни разговорчики о нем деморализуют солдат. Да и все эти выкладки — сущая глупость. Наполеон стал императором не в 1804 году, а значительно раньше. И потерпел он поражение не в 1816 году, а по крайней мере годом-тремя раньше. Помнишь, битва народов была? Когда? Не знаешь? А я вот еще и по урокам истории помню. Под Лейпцигом. Случилось это под Лейпцигом в 1813 году. Вот там Наполеон потерпел окончательное поражение. Ты, может быть, скажешь: «А Ватерлоо?» Когда? В июне 1815 года. В Бельгии, южнее Брюсселя. Так что история писана не для гадалки-цыганки. Лучше бы любовные прогнозы выдавала доверчивым простакам.

— Понимаю, Иван Данилович!

Где-то вблизи фронта, кажется, в Филопово, им встретился эшелон с танками на платформах. Может быть, дивизию переформируют в танковую или моторизованную? Вряд ли! «Вернее всего к танкам пристегнут»,— сказал Гусаров. Он воевал на Халхин-Голе. И кое в чем разбирался.

Сами же танки, однако, пришлись по душе. Значит, на этом участке фронта есть не только пехота-матушка, но и гусеничные и механизированные корпуса.

Однажды состав остановился. Загудел зуммер. Из хвостового вагона передали:

— Генерал Макаренко ходит по хатам!

Верный своему обещанию, генерал решил навестить учебный батальон. Комбат соскочил с полки, привел себя в порядок. Вместе с комиссаром и Морозовым пошли встречать генерала. Комдив на одной из платформ беседовал с курсантами-минометчиками. Комбата и других комдив встретил приветливо.

— Теперь, друзья,— сказал он бойцам,— уже не на полигоне, а на поле боя вы обязаны показать класс стрельбы. Воевать будем на равнине. Всем нам есть где развернуться. Пойдем, комбат, в твой штабной вагон.

Макаренко видел здоровых ребят, неплохо обученных. Но знал, что в первых боях помимо выучки понадобится от них еще кое-что. Инстинкт самосохранения, страх не должны взять верх над рассудком. А для этого он сам обязан побеседовать с людьми. Это много значит: беседа со старшим, разговор. И генерал не упускал случая встретиться с бойцами, офицерами. Во время такой беседы в вагоне появился, звеня шпорами, комендант. Он доложил генералу, что пропустит встречный санитарный поезд, затем даст отправление и этому эшелону. Спустя минут пятнадцать, когда на «эмке» уехал генерал, прибыл санитарный эшелон.

Все полки в вагонах заняты ранеными. Две юркие медицинские сестры, выбравшись из вагона, с баком в руках побежали добывать воду. Улавливается запах йодоформа. Вот из вагонного окна высунулась перевязанная голова. Живое, подвижное лицо, глаза кого-то ищут.

— Нет ли у кого воды во фляжке?

Вода, конечно, нашлась. Бойцы, оказавшиеся поблизости, стали расспрашивать раненого, где его «зацепило». Оказалось, он уже воюет с зимы, был под Харьковом, а

ранили его на реке Чир. Хотел остаться в строю, но не получилось. Он улыбнулся и грустно пошутил:

— Невзлюбили меня врачи, в полк не отпускают, везут куда-то.

Послышался резкий паровозный свисток, и санитарный поезд тихо отошел. Но сутолока осталась. Проходили еще какие-то составы, формировались новые эшелоны. Люди суетились, словно муравьи. Тащили узлы женщины, плакали дети.

Остановки все чаще и чаще. Тут уже бойцы увидели, что такое прифронтовая зона. На путях с лопатами работают люди. Фашистские самолеты ночами бомбят пути. Однажды утром, после многочасовой стоянки эшелона на путях, Морозов с комбатом, стремясь выяснить, когда пойдет эшелон, направились к коменданту. В маленькой каморке, на двери которой чудом сохранилась еще дореволюционная таблица «Кассиръ», сидел младший лейтенант в фуражке с красным верхом. Левой рукой он подписывал служебные бумаги, а правая с кистью неестественной желтизны висела вдоль туловища. Оторвавшись от бумаг, живой, энергичный младший лейтенант сказал им, что постарается отправить курсантов побыстрее. Успел рассказать, что он воевал в кавалерийской дивизии Доватора под Москвой, в схватке лишился руки.

Комендант повел их по рельсам, поглядывая на небо. Рассказал о ночном налете. Из его слов офицеры узнали, что немецкая авиация в эту ночь тоже понесла урон, и совсем не от зениток. Один «юнкерс» неожиданно пошел на снижение и сел за выгоном, на проселочной дороге. Летчиком в немецкой машине оказался офицер, чех по национальности.

Чех рассказал, что его два года назад мобилизовали в германскую армию, где он окончил летную школу. В предпоследнем боевом вылете он получил приказ — разбомбить пристанционный поселок. Когда снизился и увидел деревянные избушки, палисадники и школу с ребятишками, играющими во дворе в футбол, он, пролетев над селением, сбросил бомбовой груз на пустырь... но другой немецкий пилот сфотографировал результаты его вылета. Ему грозили арест и суд. Оставалось одно — сдаться в плен. Так он и поступил.

Они увидели и самого чеха. Он сидел у колодца на скамейке с дымящейся трубкой в руке — от нее тянуло махоркой. Чех повторил свой рассказ. Он называл приказы

Геринга каннибальскими. Немецкий мундир ему стал ненавистным, и он решил перелететь линию фронта.

Рассказ он закончил заверениями, что говорит только правду. Его самолет в полной исправности. Приземлился он не из-за порчи мотора и не совершил вынужденную посадку. Он честно перешел на сторону советских войск и желал бы принять участие в воздушной войне против Гитлера.

На выгоне за поселком толпился народ. Там распластался, пугая детей и женщин своей паучьей свастикой на фюзеляже, еще совсем недавно грозный «юнкерс».

На одной из долгих остановок перед разрушенным мостом курсанты и офицеры выбрались ночью из вагонов и расположились отдохнуть в лесопосадке.

К ним подошла группа солдат. Оружие не у всех. Сзади, опираясь на палку, шел офицер. Вид у него не лучше, чем у рядовых,— лицо обожжено солнцем, на ногах ветхие сапоги, сшитые из плащ-палатки. Они подошли к курсантам, сели отдыхать у плетня. С завистью посматривали на суетящихся курсантов, на их оружие, на скатки, на побрякивающие котелки. Курсанты делились с ними едой, вступали в разговор:

— Откуда драпаете?

— Не драпаем, а идем. Из-под Серафимовича.

— Сейчас отступаем, потом будем наступать,— отвечая на упреки, буркнул один из окруженцев. Ел он медленно, не снимая каски. На нем изрядно выгоревшая гимнастерка, но без дыр. И побрит он был, и рыжие усы подстрижены. На боку висела сумка из-под противогаза. Съел он свою порцию каши всю, до крупинки. Вытерев ложку пучком травы и спрятав ее в котомку, снова заговорил:

— Да, пользоваться чужим котелком — самое обидное для солдата. Не думайте, что среди нас все шкурники. На передовой всякое бывает. Не исключено, что через неделю-другую и вы хлебнете.

За день стоянки наслушались от окруженцев всякого.

В полдень к штабному вагону подошел молодой солдат. Спросил комиссара:

— Разрешите обратиться?

Серые глаза Сидоренко остановились на красноармейце.

— Слушаю.

— Товарищ старший политрук! Мне сказали, что ваша часть идет на фронт. Возьмите меня.

— А ты кто такой? Откуда?

— Зиночкин моя фамилия. Сопровождаю бежавшего из немецкого плена нашего командира. Отсюда в госпиталь доберется самостоятельно.

— А где часть?

— Разбита. Теперь мне надо идти в маршевую роту. Вот моя красноармейская книжка, комсомольский билет.

— В боях участвовал?

— Так точно.

— Командир твой может сюда прийти?

— Может.

Стараясь не хромать, пришел старший лейтенант в заштопанной выгоревшей гимнастерке, с почерневшей повязкой на голове. Назвал свою фамилию — Зазвонов. Он попросил сделать ему перевязку. Рассказал, что был захвачен в плен. Фашисты почему-то заинтересовались, что родом он из Рязани, и хотели отправить его в Берлин. Но ему удалось бежать. Подтвердил, что красноармеец Зиночкин спас его, сопровождал из-под самого Серафимовича.

Посоветовавшись между собою, решили взять Зиночкина в батальон. Во взводе связи как раз не хватало одного человека — списали по болезни еще в Иркутске.

Офицера, которого сопровождал Зиночкин, повели в санчасть. Там батальонный врач Владимир Балышканов сделал перевязку. После перевязки молчаливый старший лейтенант оживился и сразу же оказался в окружении молодых солдат. Он говорил им, что уже видел бегущих фрицев. Там, где бойцы обстреляны, немцам приходится туго. Конечно, хорошо бы всем солдатам иметь автоматы.

— Фашисты — мастаки убивать и грабить. А драться... Красноармейцы дерутся лучше. Под Харьковом мы прорвали оборону противника, взяли сто пушек. Это на главном их рубеже. На втором еще захватили пятьдесят орудий. Вот и получается: силе немецкой надо противопоставить нашу силу. Бить фрица и в хвост и в гриву.

Отдельный учебный батальон выгрузился на рассвете, не достигнув Качалинской. Предстояло совершить спешный двадцатикилометровый переход. До восхода солнца двигались вдоль железнодорожного полотна. Помимо личного снаряжения бойцы несли ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50— и 82-миллиметровые ми-

нометы и боеприпасы. Бронебойщики тащили свои длинные тяжелые ружья. Как только поднялось солнце, земля накалилась. Люди изнывали от зноя.

Комбат заставил людей окапываться, а Морозова с двумя конными разведчиками послал вперед. У моста через степную речушку Тишанку они стали поить лошадей. Удачнее нельзя и назвать эту речку: прозрачная вода течет тихо-тихо. Недалеко катилось облако пыли. Вихрь? Нет. Это пылит легковой автомобиль. Подскакивая на выбоинах, бежевая машина вблизи них на развилке дорог свернула в траву и остановилась, съехав в глубокую канаву. Из легковушки вышли высокий сухощавый генерал-майор и два полковника. Голову генерала стягивала повязка, прикрывая правый глаз. Из-под повязки виднелся широкий коричневый шрам от сабельного удара.

Крюченкин. Он подозвал Морозова.

— От Макаренко?— спросил генерал.

— Так точно. Адъютант отдельного учебного батальона.

Генерал снял фуражку, вытер платком бритую голову, заговорил. Он поручил Морозову передать комбату, чтобы роты, не останавливаясь в Качалино, сосредоточились у донской старицы.

— Сразу же окапывайтесь. Не потеряйте людей до ввода в бой,— заметил один из офицеров, сопровождавших генерала. Он взял из багажника саквояж, извлек оттуда мыло и полотенце....

Садясь на коней, они видели, как генерал опустился на крыло машины, стал снимать сапоги, собираясь, должно быть, купаться.

Через полчаса добрались до Качалинской. У многих домов сорваны крыши, обвалились стены, вместо окон зияют черные впадины, видны следы пожаров.

Ведя лошадей в поводу, обошли полдюжины воронок от бомб. За несколько часов перед этим станцию жестоко бомбили.

IV

В ночь на 25 июля, сосредоточившись на западном берегу Дона, соединения 1-й танковой армии перешли в наступление. Загремела артиллерия. Выли «катюши».

Спустя двое суток нанесла контрудар 4-я танковая армия генерала Крюченкина. Над батальоном Семенова

проносились огненные хвосты эрэсов. Фашистов смяли быстро.

205-я и другие дивизии 4-й танковой армии за сутки боя продвинулись на 10—12 километров. Захваченные в плен немцы не понимали, как это могло случиться, что они оказались в руках советских войск.

Такого оборота дела они не ожидали. Казалось, что советские части дезорганизованы, и можно беспрепятственно перемахнуть Дон с ходу. И вдруг откуда-то свалились советские резервы. Не удалось даже овладеть переправами у хутора Голубинского.

Полки и учебный батальон 205-й были охвачены наступательным порывом. Через первые хутора батальон прошел в походных колоннах. Морозову запомнилась ночь в донской степи. Лунный свет играл на касках. Мимо колонны иногда проносились машины, заволакивая все пылью. Серая дорожная пыль оседала на яблонях, их ветки клонились от обилия плодов.

Днем увидели первые освобожденные станицы и хутора. Всюду развал, погром.

— Долго хозяйничали у вас немцы?— спросил Морозов старого казака, стоявшего у куреня, крытого чеканом[1].

— Не больше часу. Подъехали на мотоциклах, напились воды и — дальше. А до этого отступали к Дону красноармейцы. Спасибо одному командиру — дал команду окопаться и ударить по этим мотоциклеткам.

На пригорке возвышалось деревянное здание школы под тесовой крышей с крашеными ставнями. Там толпились женщины и дети: в классах, из которых убрали в сарай шкафы и парты, на соломенных тюфяках без простыней, на полотнищах лежали раненые. Их вывезли из Верхне-Бузиновки. Всюду грязные клочья ваты, бинты. От раненых узнали, что к окруженным в районе этой станицы частям можно пробиться без особого труда через хутор Венцы. Немцы рыщут по степи, сплошного фронта у них нет. Ухаживали за ранеными черноглазые девушки-казачки. Одна оказалась довольно языкатой. Напоив Морозова из ковшика свежей колодезной водой, от которой ломило зубы, она спросила:

— Командир-то ваш, видно, казак?

— Самый настоящий,— подтвердил лейтенант.— А как вы узнали?

[1] Озерная трава, похожая на камыш.

— Узнали. Статный такой, штаны с лампасами.

Повеселевшие люди смотрят на всех с уважением. Им понравился не только генерал. Нравился молодцеватый вид комсостава и курсантов батальона. Нравилось, что они хорошо вооружены и одеты.

Утро. Впереди — низина, речушка. На пригорке пылали на солнце золотые потоки поспевающих хлебов. Морозов поднялся во весь рост, но возглас «Воздух» бросает его вниз. Захлопали винтовочные выстрелы. Послышалась сухая дробь пулеметных очередей. Лейтенант посмотрел из своего укрытия вверх. В синеве неба был виден коварный «фокке-вульф», фашистский разведчик. Вынырнув из-за облачка, стервятник летел на восток. Ясно различались два фюзеляжа, желтые кресты на крыльях. Удирает проклятая «рама». Бойцы знали, что эту пакость сбивают редко.

...В батальоне ждали генерала Макаренко. И скоро он появился здесь вместе с начальником штаба полковником Любимовым. Полковник узнал своего «крестника» лейтенанта Морозова. Отвел в сторону, спросил о настроении. Морозов, волнуясь, ответил, что в батальоне ему все нравится. И командиры и бойцы. Любимов сказал ему, что комбат тоже хвалил работу адъютанта. Они подошли к генералу, беседовавшему с Семеновым и другими офицерами. Макаренко говорил о том, что он решил использовать батальон во втором эшелоне в качестве дивизионного резерва. Надо быть готовым в любую минуту участвовать в ликвидации прорыва, обхода. Два полка уже ведут бои. Удалось прорвать оборону немцев и помочь советским бойцам из других частей, которые неделю воевали в окружении.

Разговор перешел на нужды батальона. В батальоне не хватало командиров взводов. В одной роте не было ротного, его заменил старшина-сверхсрочник.

— Вот и отлично,— сказал комдив.— Как его фамилия?

— Григорий Детковский. На сверхсрочной десять лет.

— Вот и пусть командует ротой.

Действительно, лучшего командира не найти. В работе он настойчив и аккуратен. Один раз скажет, три раза проверит, сам посмотрит, как выполняется приказание.

Генерал разрешил представить на таких ребят в штаб дивизии аттестационные материалы. Командующий армией их подпишет. На этот счет есть договоренность.

Комбат вместе с комиссаром подобрали десять лучших сержантов для назначения на офицерские должности. Среди них — младшие сержанты Калимулла Ахтямов и Михаил Степанов. В боевой и политической подготовке они были наиболее успевающими не только в роте, но и в батальоне. Никто в роте не стрелял лучше Ахтямова и Степанова.

...Было в биографии батальона немало фронтовых дней и ночей, надолго запомнившихся бойцам. Однако эта июльская ночь и среди них особенная. С вечера Морозов и его писари разместились в яблоневом саду, изломанном и исковерканном бомбежкой. Подновили старые траншеи, устроились и замертво свалились спать.

Часа в два ночи Морозова кто-то стал трясти за плечо.

— Вставай, лейтенант,— услышал он голос комбата.— Посылай связных во все подразделения. Сейчас зачитаем один документ.

Морозов протер глаза, не сразу поняв, где он. Пришел в себя, услышав урчание автомобиля. Значит, кто-то приехал. Как выяснилось,— начальник политотдела дивизии.

Поднятые по тревоге люди за какие-нибудь десять минут собрались у командного пункта. Всех усадили на траву. Комбат, включив карманный фонарик, передал комиссару Сидоренко листочек с типографским текстом.

Это был приказ Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 года. Приказ № 227, который мог бы быть озаглавлен так: «Ни шагу назад!»

Комиссар стал читать его, и видно было, как вздрагивает лист в его руках.

В первых строках приказа говорилось о смертельной опасности, нависшей над нашей страной, о причинах неудач, затем обосновывалась возможность положить конец отступлению.

В приказе говорилось:

«...После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. человек населения, более 800 млн. пудов хлеба и более 10 млн. тонн металла в год.

У нас нет уже теперь преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит погубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

Каждый новый участок оставленной нами территории

будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину, поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, то останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад — таким должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови, до последнего вздоха защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, отстаивать каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, танковых частях, в авиа-эскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа командования».

Комиссар умолк. Прошла минута, другая. Никто не решался нарушить тишину. Курсанты, командиры, политруки оставались сидеть на своих местах. Потом Семенов распорядился развести людей по траншеям. Дать возможность им отдохнуть.

Кончалась короткая июльская ночь.

На западе играли высоко поднявшиеся Плеяды (на Дону их называют Стожарами), напоминая о том, что уже скоро начнет светать.

Морозов взял плащ-палатку, прошел в сад и снова лег близ траншеи на теплый грунт. Услышанное долго не давало уснуть. Знакомый голос с отчетливым кавказским акцентом, обратившийся год назад по радио к населению с проникновенными словами: «Братья и сестры!» — теперь приказывал: «Ни шагу назад!»

«Ни шагу назад!» — кажется, от этих слов и от яркого света он проснулся.

В этот предпоследний июльский день что-то случилось

с солнцем. Оно серебрило все вокруг, разбрасывало ослепительные блики и немилосердно жгло. Струились ароматы уходящего лета...

Политрук Иван Сидоренко, уже побывавший в ротах, расположился на зарядном ящике, писал письмо родным, в Комсомольск-на-Амуре:

«30. 07. 42 г.

Здравствуйте, Алексей, Маша, Надя!

В первую очередь, Алексей, поздравляю тебя с правительственной наградой, о которой я узнал на фронте. Конечно, меня очень обрадовало, что завод, который я закладывал, перевыполнил план по выпуску самолетов. Очень нужны самолеты здесь, Алексей. Передай всем моим знакомым по заводу, что их надо побольше, так как без авиации туго, да и фашистские стервятники не дают покоя. Кружат над головами, бомбят и бьют из пулеметов. Правда, мы уже к ним привыкли, т. е. этим я хочу сказать тебе, что воздушное крещение уже прошел не один раз, но наши самолеты очень и очень нужны нам. Это мы чувствуем на своей шее. Поэтому поздравь от меня Романова Васю и передай ему это.

...Еще могу тебе сообщить, что по Воронежской и Сталинградской областям идет уборка хлебов — урожай очень хороший. Но уборка зачастую идет под бомбежкой.

Вот и все. Впереди предстоят бои. Драться будем здорово, но это письмо может стать последним письмом, которое ты получишь, так как вернуться живым имеется шансов очень мало (об этом не говори моим).

Передай привет Пономаренко, Якубовским, Колесникову, Романовским Косте и Василию.

Привет моей семье, которой я напишу отдельно.

Ваш Иван».

Связной принес на командный пункт обед. В это время прямо к окопу Морозова стали спускаться с бугорка санитары с носилками. Пошел им навстречу. Увидел раненого, без гимнастерки, в окровавленной сорочке, с белым, бескровным лицом.

— Здесь нет врача?— спросил старший санитар.

— Найдем!

Морозову передали документы. Взглянул в командирское удостоверение: «Борисов Николай Александрович, командир взвода управления 672-го артполка». Артиллерист и поэт. Его с ним однажды знакомили в редакции дивизионной газеты «В бой за Родину!». Он приносил

туда свои стихи. В стихах писал о звериных повадках фашистов, о своих земляках-героях, упоминая Вологду — свой родной город.

— Он подбил танк с трех выстрелов,— пояснил санитар.— Метко сшиб.

— Гоните сюда двуколку,— распорядился врач Балышканов. Раскрыв чемоданчик, обшитый серой парусиной, Владимир Сергеевич достал инструменты, начал осматривать раненого. Ему помогала Галя. В армии Балышканов давно, даже служил где-то в Монголии. По-сибирски медлительный, но в работе основательный. «У него есть что-то от медведя»,— заметил как-то комбат. Балышканов молча подготовил шприц, сделал раненому укол. На тревожный взгляд Морозова ответил:

— Ранение в плечо и спину, плюс контузия. Но, надеюсь, выдержит.

Пока искали транспорт, Коля Борисов пришел в сознание. Что-то хотел сказать, но можно было разобрать лишь одно слово: «Гады!» В бреду он проклинал фашистов.

VI

Василевский, непрерывно получая донесения, переговариваясь со штабами армий, пришел к выводу, что необходимо остановить наступление.

На большее сил не хватит.

Было перехвачено донесение штаба 6-й немецкой полевой армии. Генерал Паулюс докладывал в ставку фюрера:

«Наши корпуса сделали попытку с ходу прорвать советский фронт обороны. Но они натолкнулись на непреодолимое препятствие. Мало того, советские дивизии, используя известные им слабые места, перешли 31 июля в контрнаступление и отбросили.... немецкие дивизии. Несколько дней 6-я армия была в опасном положении».

Василевский прочел кипу протоколов опроса попавших в плен гитлеровских офицеров. Некоторые расценивали наши удары как тактические прорывы на отдельных участках. Но были и такие, которые считали, что этот удар сыграет роль во всей кампании. Они знали, что численного превосходства на советской стороне нет. Но качество советских войск высокое, есть свежие части. Объясняли свое поражение тем, что советские части ведут наступление в плотных боевых порядках, по две-три

дивизии на одном направлении. В дивизиях много сибиряков. Слово «сыбырак» вызывало у немцев страх. Дерутся фанатически, как дьяволы. Там, где в бой шел «сыбырак», они устоять не могли. Под понятие «сибиряк» немцы подгоняли уральцев и дальневосточников, казахстанцев и северян.

В то время нашим штабам и Василевскому не было известно, что, получив от Паулюса донесение о летнем контрнаступлении русских на Клетском направлении, немецко-фашистское верховное командование и сам Гитлер сначала в это не поверили. И фюрер послал на Дон своего первого адъютанта Шмундта, чтобы на месте убедиться, действительно ли 6-я армия нуждается в подкреплениях.

Шмундт уже в Морозовской убедился, что бои шли тяжелые. Подбитые танки, самоходные орудия, гаубицы и пушки свидетельствовали о серьезных потерях в технике. Непрерывно шли на запад эшелоны с гробами, ранеными и обожженными солдатами. Видя это, адъютант Гитлера послал в «Вольфшанце» подтверждение: да, войска Паулюса в кризисном состоянии, без подкреплений они наступать не смогут.

Подкрепления Паулюс получил. С Кавказского направления сюда была повернута немецкая 4-я танковая армия. К Дону направилась 8-я итальянская армия. Обещаны были еще два армейских корпуса.

Советские войска, как и планировалось, приостановили продвижение фашистских сил в излучине Дона. Казалось бы, сделано все, что требовалось. Но Василевский не был удовлетворен,— по его первоначальному плану предполагалось отсечь и уничтожить часть немецкого клина ударом силами 21-й армии со стороны Серафимовича. Эта армия, двигавшаяся с тяжелыми боями навстречу 1-й танковой, выдохлась у Клетской.

Немецкая 4-я танковая армия, не считаясь с потерями, стала теснить нашу 51-ю армию. Танковым силам врага удалось прорваться в район Котельниковского.

Оставалось довольствоваться тем, что достигнуто. Контрудар дал выигрыш во времени. К Сталинграду подходили новые и новые соединения. Василевский приказал образовать оперативную группу под командованием генерала Чуйкова, которая вступила в бой с врагом под Котельниковским.

Угроза прорыва на Сталинград оставалась.

Противник предпринимал одну ожесточенную атаку за другой. Румынский корпус, оказавшись на Аксае, рвался вдоль железной дороги к Волге.

И тем не менее на Дону сложилась теперь совершенно новая обстановка, совсем не похожая на ту, о которой докладывал Василевский членам ГОКО в Кремле. И речь теперь могла лишь идти о боях оборонительных.

Придя к этому выводу, Василевский соединился для разговора с Верховным. Как будет воспринято его сообщение? Спокойно? С раздражением? Не все ли равно! Василевский доложил Верховному об итогах десятидневных боев, рассказал о той части операции, которую выполнить не удалось — в самом начале операции на это потребовались бы дополнительные силы. Войска с воздуха совсем не были прикрыты.

Заканчивая доклад, Василевский предложил дать директиву на оборонительные операции. Неожиданно Сталин согласился с предложением, сказав при этом: «В начале июля фашисты продвигались там у вас темпом до тридцати километров в сутки, в середине июля — до пятнадцати километров. При вашем вмешательстве эта их армия «буксует». Вы им дали отпор. Это большое дело. Надо стоять и стоять насмерть! До ноября!»

Разговор перешел на второстепенное. Сталин заметил:

— У вас там... тридцать третья гвардейская дивизия. Гвардейцы-бронебойщики. Действительно ли четыре наших бойца двумя ружьями подбили пятнадцать танков? Немецких танков нам не жалко, но я боюсь за наше Совинформбюро — нет ли козьмы-крючковщины[1]? Главное — правда!

— Точный, проверенный факт, товарищ Сталин,— ответил Василевский.— Ручаюсь. Есть здесь такой герой, Петр Осипович Болото. Стрелял по фашистским танкам в упор, с десяти метров. Он и его товарищи удачно выбрали позицию на склоне холма. Бой шёл сутки. Чудеса храбрости показывают летчики и танкисты. Примеров много.

— Хорошо. Разрешаю генералу Еременко перейти к обороне. А вы возвращайтесь. Не надолго.

Василевский передал директиву Верховного командующему фронтом. Генерал Еременко, в подчинении которого находилась 63-я, 21-я, 4-я танковая и 1-я гвардей-

[1] Козьма Крючков — донской казак, проявивший храбрость в первую мировую войну. Официальная пропаганда того времени превратила его в бутафорскую фигуру.

ская армии, 9 августа издал приказ, обязывающий командующих этими армиями оборонять левый берег Дона на рубеже Бабка-Клетская — Больше-Набатовский.

В приказе, в частности, было сказано:

«4-й танковой армии (321-я, 18-я, 205-я, 192-я, 184-я стрелковые дивизии, 5-я истребительная бригада, 22-й танковый корпус и 54-й укрепрайон) удерживать плацдарм на правом берегу Дона на фронте Мало-Клетской, Мало-Голубой. Прикрывать подступы к Сталинграду с северо-запада и участок железной дороги Поворино-Сталинград. Полоса обороны — 50 километров (10 километров на дивизию). Резерв —22-й танковый корпус.

1-й гвардейской армии (4-я, 37-я, 38-я, 39-я, 40-я, 41-я гвардейские дивизии), выдвигающейся в район ст. Иловлинская — к утру 14 августа сосредоточить 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию в районе Трехостровской, а к исходу дня три стрелковые дивизии сосредоточить по одной в районах: Хохлачев, Перекопская, Перекопка, Ново-Григорьевская».

В 4-й танковой армии более или менее боеспособной была только 205-я дивизия. Она могла еще некоторое время активно обороняться. Остальные, понеся потери, не имели и трети полагающегося по штату личного состава. Надежда была лишь на то, что каждый воин будет сражаться так, как сражались гвардейцы-бронебойщики из 33-й дивизии.

Василевский ехал на аэродром, чтобы занять свое место в «дугласе», лететь в Москву, где его ждал Верховный. Когда «дуглас» оторвался от земли, небо зачернело звеньями истребителей. Эскорт. Две девятки по бокам, одна впереди и выше. «Ну и ну! Подняли такую тучу»,— с досадой подумал Василевский, решив при удобном случае сделать замечание командующему воздушной армией. Он считал такое внимание к «дугласу» излишним. Потом защемило сердце: кто-то, видимо, донес по инстанциям о нападении «мессершмитта». А если об этом знает не только командующий армией? Снова будет неприятный разговор.

И вдруг в памяти всплыли детали разговора с Верховным, вчерашнего разговора. Интересуясь бытом в окопах, Сталин, как бы между прочим, заметил: «Мне докладывают, что за последнее время у вас участились случаи захвата немецкой полевой разведкой наших офицеров. Если это так, распорядитесь установить определенный

порядок. Ни один командир не должен отлучаться со своего командного пункта без сопровождения вооруженных солдат. Мы не можем рисковать сведениями, а также жизнью офицеров, тем более... генералов».

Неприятного разговора не было. 12 августа Василевский снова вернулся на Сталинградский фронт. В этом была серьезная необходимость. Представитель ставки, начальник генерального штаба Василевский проверил, как проходило объединение командования Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. Командование этими фронтами было возложено на генерала Еременко. Таким образом руководство обороной Сталинграда было централизовано.

Василевский принял директиву из ставки:

«Обяжите как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага».

Глава шестая

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

I

В то жаркое лето на фронте каждый, вплоть до рядового бойца, чувствовал твердую руку человека, подписавшего приказ № 227. Если б сказали, что где-то поблизости он сам, этому поверили бы. Среди тех, кто руководил обороной, называли Георгия Жукова. Бойцы были уверены, что он где-то здесь, поблизости, скоро даст о себе знать, и тогда фашистам не поздоровится.

Солдаты мечтали о наступлении. Вспоминали зимние радостные сообщения, когда советские войска нанесли сокрушительное поражение фашистским полчищам.

Но сейчас стояла задача: остановить врага. Для этого требовалось полководческое мастерство Жукова, Василевского и других генералов. Нужна была деятельность крупнейших специалистов и организаторов обороны.

Их железную волю ощущали люди на передовой, в сталинградских окопах. Чувствовали ее и войска, находившиеся во вторых эшелонах, там, где готовились резервы.

Стрелковые полки 205-й дивизии закрепились за Доном, в десяти-пятнадцати километрах от Ближней Перекопки, отбивая яростные атаки гитлеровцев. Дивизию ожидали новые серьезные испытания. Отдельный учебный

батальон оборудовал свой рубеж обороны по высотам, протянувшимся вдоль русла степной речки Сухая Перекопка. Кстати в тот год речка была довольно полноводной и могла в некоторой мере послужить целям обороны. В пойме островками зеленели заросли ивняка и ольхи.

Сама природа дала батальону многое. Прежде всего — выгодные точки высот 180,2 и 186,5. Они стали основой опорных пунктов. Кроме основных оборонительных рубежей на всхолмленной окраине Ближней Перекопки разместили за речкой на равнине перед хутором позиции сторожевого охранения.

Комбат требовал, чтобы курсанты поглубже зарылись в каменистый грунт. Рассуждая о ратных делах, чаще других произносят слово «храбрость» и куда реже — «работа». А ведь война — это прежде всего работа, тяжелый труд. Без труда, без упорной работы не быть и храбрости. Морозов жил теперь среди людей, для которых война с иноземными захватчиками стала повседневным делом. Бойцы трудились, не жалея сил и нервов, часто не сознавая значения той или иной боевой операции и никогда не употребляя в разговоре слов «храбрость» или «подвиг». Эти слова широко использовали только газетные репортеры и ораторы. Рядовые труженики войны избегали их.

...Морозов с комиссаром Иваном Сидоренко вернулись на командный пункт с партийного собрания. На нем лейтенанта приняли кандидатом в члены партии. Понятно, настроение у него было приподнятое. По пути зашли в 1-ю стрелковую роту, занимавшую позиции возле КП.

Увидели курсантов, роющих окопы. У Гриши Логачева даже гимнастерка потемнела от пота. Логачев — земляк Морозова, актюбинец. Сегодня он получил из дому письмо и фотокарточку. Растут у него в родном селе на берегах степного Илека, близнецы Витя и Андрюша. «Богатыри! — говорил он о них. — Уже около года каждому» (женился Логачев рано, сразу же после десятилетки). В Хабаровске, где они начинали служить, ему хронически не везло: то куда-то опоздает, то получит травму. В одно из воскресений пошли с ним на Амур порыбачить. Рыбалка выдалась удачной. Через какой-нибудь час ведро было переполнено крупными рыбинами. Затем стали варить уху. И что же? Отлетевшая головешка прожгла в его гимнастерке дыру. Командир роты, выйдя из себя, решил

избавиться от неудачника. Он откомандировал его в банно-прачечную команду.

Морозову жаль стало Логачева, и он ходил к старшим командирам просить за него. Курсант поклялся исправиться и после этого был возвращен в роту. Здесь, на передовой, у Гриши дела пошли лучше. Все видели — парень трудолюбивый, старательный. И за отвагу в боях под Теплым его отмечали в боевом листке.

Совсем другого характера Гошка Пузыренко. Его окоп рядом с логачевским. Коротышка с хитрой физиономией, пустомеля и лентяй. Если позволяла обстановка,— Гошка спал за двоих. Любил позаимствовать без отдачи табачок у товарища, попользоваться чужой фляжкой. В караул же вместо товарища он шел неохотно. Сейчас, ковыряясь в земле, он шутил, подбрасывая в разговор соленые словечки. Его пытались урезонить:

— Ну и язычок у тебя, Гошка! Работает лучше, чем лопата.

— Дали б мне заступ или штыковую...

— Была бы корова да курочка — приготовит и дурочка.

— Шлепай сюда, посмотри!— позвал его сосед.

Пузыренко вылез из своей мелковатой траншеи, осмотрел окоп Логачева. Почесав затылок, произнес с завистью:

— Да, это жилье!

В самом деле, есть чему позавидовать. Добросовестная работа — аккуратный круглый окоп с выемкой для боеприпасов, для воды. Полочка. Цветная картинка, вырезанная из журнала. «Интеллектуальный» окоп! Но вместо того, чтобы работать, Пузыренко уселся на бровку, вытащил из вещмешка книжонку «Происхождение земли» и стал ее перелистывать.

Продолжал работать и их сосед Ашот Саакян. Был он когда-то поваром в ереванском ресторане. Сейчас подготовил яму для полевой кухни. Копая землю, он что-то обнаружил. Сгнившее дерево, ржавый железный стержень.

— Надо же, трофей,— удивились курсанты.— Неси сюда!

Присмотрелись и поняли, что это ствол трехлинейки.

— После прошлой войны кто-то похоронил,— задумчиво сказал Саакян, отряхивая пыль с руки, на которой блестело обручальное колечко.— Думал, что больше воевать не придется.

Неожиданно появился перетянутый ремнями начальник штаба полковник Любимов. Гамалиилу Александровичу не больше пятидесяти, но он из-за седины кажется старым человеком. У него обветренное лицо с запавшими от усталости глазами. Над карманом выцветшей летней гимнастерки блестит орден Красного Знамени — такая награда во всей дивизии только у него одного. Полковник, когда ему представились, поинтересовался, о чем шла беседа. Ему рассказали о находке, о трехлинейке, напомнившей о гражданской войне.

— Очень хорошо. Оборонялись по-настоящему, разбили тогда атамана Краснова. Наверное, комиссар что-то рассказал по этому поводу?— заметил Любимов.

— Да,— подтвердил Сидоренко,— мы тут советуемся, как лучше оборудовать позиции.

Полковник нахмурил белесые густые брови и объяснил, что в прошлую войну солдаты предпочитали пользоваться не индивидуальными ячейками, а траншеями, традиционными окопами. А тут он видит только ячейки. Это плохо. Пока есть время, ячейки надо соединять ходами сообщений. Чем хороши траншеи? В любое время по ходу сообщения на подмогу, в случае необходимости, могут подойти товарищи. Раненого легче вынести.

Ашот Саакян спросил разрешения у полковника высказаться. И сказал:

— Ваш совет, товарищ полковник, мне по душе! Я так думал всегда! Как в гости ходить, если ты сидишь в отдельной ячейке? Если твой сосед, скажем, зарезал барашка и жарит шашлык? Какой ужас!

Но шутки в сторону. Присев на бруствер, полковник потребовал карту. У Морозова имелась карта с нанесенной обстановкой.

Морозов доложил полковнику, что сделано в батальоне. Выслушав лейтенанта, начальник штаба рассказал, какие события ожидаются. Дал советы, где разместить огневые точки, сделав пометки на карте.

— Карта хорошая,— похвалил полковник.

Морозов смутился. Это была не его карта, а комбатовская. Комбат очень любил топографические карты. Он наносил обстановку сам, не доверяя никому. Еще в Хабаровске он учил Морозова этому искусству. Существовали условные обозначения для окопа, танка, пулемета, орудия. Для отдельного домика, пашни, кустарника, леса, различных строений и ориентиров. Существовали услов-

ные обозначения для родов войск. Обозначались роты, батальоны и полки. Их просто можно нанести на карту.

Семенов весь этот ландшафт, боевую обстановку рисовал весьма прилежно, можно сказать, с любовью. И на карту они ложились четко. Взглянув на нее, можно испытать от излишней синевы тревогу (известно, что противник обозначается синим цветом). А если видишь поблизости в изобилии красные кружочки, ромбики, крестики, флажки, линии с зазубринами — можно не волноваться. Если война — искусство, то оно начинается с изобразительных элементов на карте.

— До свидания, товарищи!— сказал, прощаясь с курсантами, Любимов.

Он еще раз осмотрел их позиции и ушел к себе на командный пункт.

Более энергично застучали лопаты, кирки. Спрятав книжку, стал работать и Гошка Пузыренко. Лицо его вытянулось, глаза стали скорбными.

II

На другой день, едва взошло солнце, комиссар позвонил Морозову и сказал:

— Приходи. Сегодня поедешь со мной в Садки. В политотдел. Откладывать никак нельзя, там рассмотрят наше решение, и ты станешь коммунистом. Буду счастлив поздравить лейтенанта Морозова с получением кандидатской карточки.

Когда они встретились, комиссар, заметив волнение лейтенанта, успокоил его:

— Не переживай, все будет в порядке. Ты был членом комсомольского бюро, заслужил.

Да, он был членом комсомольского бюро, был редактором боевых листков, выполнял другие поручения. Старался. Но он помнил себя допризывником. В том году он обращался с заявлением о приеме в комсомол. И, к огорчению, заявление вернули, считая Морозова не подготовленным. На комсомольском собрании отвечал Морозов на вопросы невпопад не потому, что не знал, что ответить, а потому, что терялся.

Присутствовавший на собрании секретарь райкома комсомола, высокий, тощий парень в белой сорочке с браунингом в маленькой желтой кобуре на поясном ремне, сказал Василию Морозову тогда назидательно:

— Характер у тебя, Морозов, совсем не комсомоль-

ский. Молчишь все время, живешь пасмурно, без огонька и задора. Словно в плохую погоду родился. Комсомолец — это трибун, горячее сердце. У него на лице должна всегда сиять улыбка. Улавливаешь?

Морозов улавливал. Улавливал ту простую мысль, что комсомольского билета, о котором он мечтал, ему не видеть. И не до улыбок ему. Незадолго перед этим у него умерла мать, тяжело болел отец, а Василий учился, полагаясь на помощь семнадцатилетней сестренки Марии, работавшей почтальоном. И не до веселых улыбок было!

В январе сорокового года этому секретарю обком партии предложил отправиться на Карельский перешеек, где шли бои с белофинами. Предложили, как коммунисту, ехать политруком,— на фронте не хватало политруков. И он струсил, стал плакать и умолять оставить его дома, ссылаясь на немощь и плохое пищеварение. Видя, что ему не верят, он дрожащими руками вытащил из кармана партийный билет и положил его на стол. «Трибун» и «горячее сердце» оказался самым что ни на есть обыкновенным шкурником! А в комсомол Морозова приняли. Правда, несколько позже, уже в полковой школе.

Бывают такие удивительные повороты судеб.

На войне и без особой надежды на перспективу можно чувствовать себя счастливым человеком. И Морозов был счастлив. Его фронтовые заметки печатались в дивизионной газете, у него были настоящие друзья.

Первую рекомендацию в партию дал комбат, Игорь Романович, вторую — сам комиссар. Теперь они вместе с Сидоренко поехали в политотдел в Садки для окончательного утверждения. Морозов размышлял: пусть, может быть, не на все вопросы найдется ответ. Но устав он знает наизусть.

Морозов вытащил из штабной повозки свою лучшую шевиотовую гимнастерку, синие бриджи. Подтягивая голенища, внимательно рассмотрел сапоги. Ему дороги эти сапоги. Не казенные, солдатские, а собственные, взятые из дому. Сшил их ему отец за несколько дней до призыва в армию.

Помнится, военкоматовскую повестку принесли домой Василию-призывнику в его отсутствие. Отец первым прочел ее, вечером отдал сыну. На работу утром не пошел, отправился в амбар. Порылся там в окованном жестью сундуке, достал крой — заветный набор, которым его когда-то премировали. Трое суток, оставшиеся до отъезда

сына, он шил сапоги. Но сначала сделал колодки 45-го размера, смастерил шпильки и подготовил дратву. Все сделал сам. И когда эти прочные и ладно сработанные сапоги были готовы, отец дал их примерить, еще влажные и теплые. Просторные и удобные. По-настоящему добротные сапоги. Из яловой кожи, с крепкой буйволиной подметкой. Подметка подбита не только березовыми шпильками, но и медными гвоздиками. Предугадывал старик нелегкий солдатский путь!

Пока сын примерял обувь, отец сидел на табуретке, положив руки на колени,— руки рабочего человека. Огрубевшие от постоянного тяжелого труда, затвердевшие от мозолей.

— Вот так,— вздохнул отец,— теперь у тебя есть обувь, носи на здоровье. Сапог этих хватит на всю твою армейскую службу.

Василий уходил служить на срочную. Приближение войны, конечно, чувствовалось, но никто не думал, что она грянет так скоро. На все годы службы отцовских сапог Василию, понятно, не хватило.

Его сапоги прохудились в сорок третьем, он отдал их мастеру-сапожнику, и тот сделал к ним новые хромовые головки. Носил их еще год. Позже пришли в ветхость и голенища. Новые сапоги Василий достал себе уже на пути к Берлину! Но никогда он не имел лучших сапог, чем те, которые сшил своими умелыми руками его отец.

В те августовские дни сорок второго люди в батальоне еще не совсем приспособились к быту войны. Морозов, например, не позаботился о том, чтобы запастись обувной мазью. Ходить приходилось по дорогам и без дорог. По ночной и утренней росе, по кустарникам, камням, под палящим солнцем, по снегу и грязи. Часто приходилось спать не снимая обуви. Сапоги все это выдержали, хотя лейтенант плохо ухаживал за ними. Казалось, этой паре сапог и износу не будет. Но со временем сапоги стали терять вид, позеленели, обезжиренная кожа стала смахивать на картон.

Комиссар посмотрел на Морозова, снаряжающегося в Садки, глянул на его обувь и покачал головой — живой пример нерадивости! В таком виде показаться в политотделе — стыд и срам. Еще больше он рассердился, когда узнал, что у рыже-зеленых его сапог особенная история.

— Внук донского казака, а такой неряха,— сказал он. — Твой батька — правильный человек. Остался верным

традиции. Казаки по стародавнему обычаю уходили на военную службу на своем коне, в своей одежде и со своим оружием. Лошадку и амуницию отец не мог дать тебе по известной причине. А вот памятную вещь — сапоги — подарил. Как можно так небрежно относиться к отцовскому подарку?

Продолжая его журить, Сидоренко попросил повара принести рыбий жир — замену ваксе. Жир нашелся, и лейтенант хорошо смазал сапоги. Потом еще кто-то дал ему каких-то мазей, вернувших коже черноту и блеск. Короче, когда Морозов вышел из дощатого сарайчика, в котором обосновался комиссар, сапоги его сверкали, и на каждом носке отражалось маленькое солнце.

Ходить в начищенных сапогах легко!

В Садки они ехали на попутных машинах. А этот вид транспорта может занести совсем не туда, куда нужно. Так получилось и на этот раз.

Станция Иловля не там, где Садки, но грузовик, в котором они ехали, остановился на этой станции. Шли они по поселку, прикидывали, как двигаться дальше. Увидели группу незнакомых солдат. Они сидели возле хаты в жидкой тени, отбрасываемой плетнем и подсолнухами.

— Далеко ли направляетесь?— спросил Морозов.

— Мы связисты. В Садки направляемся.

Так как тени под плетнем мало, некоторые бойцы расположились на завалинке. Сидели, толковали о том о сем. За плетнем на грядках росли лук, морковь, цветы и табак. В хате никто не жил, окна заколочены, видно, семья эвакуировалась. Грядки давно не поливались, земля потрескалась. Душистый табак свернул белые венчики. Бойцы нарвали табачных листьев, укрепили доску на плетне, положили их рядками сушиться. Теперь болтали и шутили, радуясь, что через часок-другой можно будет накрошить самосада, покурить, а может быть, толику курева и засыпать в кисет.

Худой сержант с клочком газеты в руках морщил лоб, его, видно, мучила какая-то мысль. Наконец он заговорил:

— Вот тут в газете мудреное слово есть: ней-тра-ли-тет! Что это такое? Какая-то держава, по названию Швейцария, держится за нейтралитет.

Сидоренко стал прикидывать, как понятнее разъяснить человеку это слово. Но в разговор включился белобрысый паренек в очках с никелированной оправой, оче-

видно, вчерашний примерный школьник, хотя в петлицах у него блестели треугольники старшего сержанта.

За очками — прищуренные глаза.

— Уж не думаешь ли ты, друг, записаться в нейтралы? Нейтралитет — это вот что такое: скажем, после марша сделало отделение привал на ночлег. Легли спать трое, рядышком, а одеяло у них одно.

— Шинелью можно воспользоваться,— подсказал кто-то.

— Нельзя. Шинели намокли и сушатся. Одеяло, значит, на троих одно, и оно не слишком широкое. Эти три кореша внатяжку укрылись. Пригрелись и захрапели. Утром прохладно стало, может быть, даже морозец стукнул. Один из крайних потянул на себя одеяло, укрылся получше и спит. С другого края боец раскрыт, ему холодно, у него гусиная кожа образовалась и зуб на зуб не попадает, и тогда он во сне стаскивает одеяло с крайнего и заворачивается. Ну, а каково спящему посередине? Ему не жарко и не холодно. Он спит себе преспокойно, то есть держит абсолютный нейтралитет. Такова и Швейцария. Она двести лет не воевала и сейчас вроде бы в сторонке держится, а на самом деле... Понятно?

— Понятно!

Что может быть понятнее! Доходчиво и образно.

В это время показались немецкие самолеты. Их было три. Бомбардировщики-штурмовики. Развернулись и пошли в пике, сверкая дисками пропеллеров. Видят солдаты: один самолет повернул прямо на них. И они легли под плетнем — так стосковались по куреву, что бомбежку решили переждать не прячась.

И только старший сержант, минуту назад рассказывавший анекдот о «нейтралах», побежал через дорогу и прыгнул в траншею. Морозов и другой сержант сорвались с места и тоже нырнули в яму. Подняв голову, увидели, как совсем низко, словно в замедленной съемке, летит к земле самолет, па его плоскостях черные кресты. От его брюха отвалился светлый предмет и в тот же миг раздался пронзительный свист.

Взрыв потряс землю. В траншею полетели обломки досок; посыпались комья глины, зола, мусор. Когда поднялись и выбрались из убежища, увидели страшную картину. На месте хаты с тесовой крышей зияла огромная воронка, в ней мог бы развернуться грузовик. На десятки метров разбросаны кирпич, бревна, доски. Морозов услышал

стон — лежит Сидоренко, из его правого уха сочится кровь. Он контужен. Где же бойцы, не успевшие укрыться? Их не видно. Сбежались люди, стали извлекать из-под щебня и бревен пострадавших. Одних без признаков жизни, других раненых и контуженых.

Морозов стал искать планшет комиссара, в котором были его документы и протокол партийного собрания. Но среди куч мусора не было ничего, похожего на планшет.

Нет комиссарского планшета!

Морозов остановил проезжавший грузовик, усадил в него комиссара. Ему требовалась помощь врачей.

«Я не надолго,— прошептал комиссар.— Долго лечиться мне нельзя. Как только станет легче — вернусь».

Зенитчики, находившиеся поблизости у своих орудий, открыли огонь. Бомбардировщик не ушел. За его хвостом потянулся шлейф густого, черного дыма. Летчик, однако, успел выброситься на парашюте.

К месту приземления фашиста рванулись красноармейцы — мотоциклисты, рабочие железнодорожной станции, жители, дети.

Фашист, безусловно, был бы растерзан, если бы к месту приземления не подоспели вовремя красноармейцы. Они помогли ему освободиться от парашютных лямок, отгородили от подбежавших людей.

— Тише, граждане! Этого гада живым доставить надо. В штабе его допросят. Он знает гитлеровские тайны.

Фашист не мог скрыть своего страха, он был смертельно бледен, руки дрожали:

Его усадили в коляску мотоцикла, увезли в Садки.

III

Так Морозов и не попал тогда в политотдел. Простившись с комиссаром, пошел голосовать на перекресток дорог, чтобы вернуться в батальон. Кое-как добрался до хутора Родионово, где располагались тылы дивизии (дивизионный пункт боевого питания, полевая почтовая касса Госбанка и др.). Отсюда было рукой подать до Ближней Перекопки. Но не было сил идти. Сел у дороги отдохнуть. Стал просматривать документы, подобранные на месте бомбежки. Обнаружил письмо, адресованное какому-то бойцу, Алексею Митрофаненко из Сибири. Письмо, написанное детской рукой.

«Здравствуй, папочка. Я вышла отличницей.

Папа, мы твои открытки получили.

Папа, а когда я к тебе приеду, меня пустят или нет? Папа, а у вас есть олени?»

Что-то чернело вдали. Это верховой. Морозов узнал знакомую рыженькую лошадку в яблоках и самого бойца. Боец ехал и читал газету, держа ее обеими руками. Это батальонный почтальон Николай Огородников, ефрейтор.

Он добродушен и несколько меланхоличен. Иногда уединялся, что-то сочинял. Таким бойцам служится в строю трудно, и по настоянию комиссара его сделали почтальоном.

Увидев Морозова, боец спешился.

Жарко. Кожа на лице Огородникова приобрела кирпичный оттенок, нос на узком лице по-мальчишески облез. Серые обычно улыбчивые глаза его сейчас серьезны и, не мигая, вглядываются вдаль.

Он без головного убора. Ветер играл его каштановой шевелюрой. Морозов спросил:

— Где же твоя пилотка или каска?

Огородников ответил:

— Каски нет. Жалко ее. Спасала меня от дурного глаза. Вроде амулета.

Касательный удар пули или осколка не страшен голове бойца, защищенной «амулетом». После атаки кое у кого каска оказывалась основательно попорченной, и ее приходилось выбрасывать. По каске Огородникова ударило осколком мины. Она потеряла форму. И он тоже её выбросил. Пилотку где-то потерял.

С грустью смотрел Морозов на этого рассеянного парня.

Когда-то Огородников организовал в батальоне литературный кружок, выпускал рукописный журнал. Занялся драматургией.

— О чем твоя пьеса?

— О заочниках.

— Какие такие «заочники»?

— Как вам объяснить? Героев у меня двое — воин и девушка. Красноармеец на передовых позициях, она — в глубоком тылу, в маленьком городке. Это история дружбы юноши и девушки, которые никогда друг друга не видели, никогда не говорили друг с другом. Но они переписываются. Драма в письмах...

— Ты думаешь, пьеса понравится бойцам?

Огородников вздохнул:

— Не понравилась. Я прочел, а Гошка Пузыренко ухмыльнулся: «А как,— сказал он,— эти Тристан и Изольда заведут малышей, не видя прекрасных глаз друг друга?» Он рассказал, что его родители до свадьбы не были знакомы, жили они в разных селах. Их посватали и все. Без всякой переписки. Я ему ответил: «Вот потому-то и родился у них такой обалдуй, как Гошка». Бойцы расхохотались.

Они помолчали:

— А после войны я напишу мемуары,— сказал Огородников.

— Зачем?

— Чтобы от прошлого избавиться, от воспоминаний.

Высоко в небе пролетел немецкий самолет. Из него вывалился тюк — рассыпались в воздухе листовки. Морозов подобрал одну. На плотном листке бумаги изображена молодая пара с ребенком на руках. Он — улыбающийся молодец в расстегнутой косоворотке. Рядом с ним — улыбающаяся женская мордашка в платочке. Мордашка — кровь с молоком. Ребенок откормленный. Сытые, довольные. Рисунок сопровождала подпись: «Хочешь ты быть хозяином или калекой? У нас ты будешь жить!»

Немецкие пропагандисты и их прихвостни-предатели умнее ничего придумать не могли.

— Я увлекался историей, читал о Цезаре, ассирийцах...— сказал лейтенанту Огородников.— Тогда стреляли каменными ядрами, а иногда во вражескую цитадель катапультами забрасывали бочки со змеями. Бочка разбивалась, а змеи расползались, наводя ужас. Фашисты вместо змей разбрасывают геббельсовскую брехню.

Огородников прав. Листовки принимались как обыкновенный мусор. Ими красноармейцы разжигали костры, использовали «при нужде». Но в одной листовке Морозов увидел цифру «205». Это —«персональная листовка», адресованная воинам двести пятой стрелковой дивизии. В тексте — угрозы.

«Мы уже побили все дальневосточные дивизии,— говорилось в фашистском листке.— Выпустим кишки и тебе, генерал Макаренко».

Морозов рассмеялся.

— Что смеетесь?— поинтересовался Огородников.

— Они обещают выпустить кишки. Но есть украинская поговорка: «Казала Настя — як удасться».

У обрыва, близ которого текла Сухая Перекопка, они расстались. Огородников отправился в батальон.

Морозов же решил пообедать в штабе дивизии. Ему следовало получить пароль на предстоящие сутки.

Офицеры оперативного отделения штаба дивизии разместились на окраине хутора, во дворе казака Захара Донецкова, где росли дурман, лебеда и густые лопухи. Там же в саду меж старых корявых яблонь стояла автомашина с дивизионной радиостанцией «II-ОКА». Место тщательно укрыто ветками, сетью с нашитой на ней зеленой рогожей.

Возле одного деревца Морозов увидел мальчишку лет четырех от роду. За плечами у него торчал ствол деревянного ружья. Морозов взял мальчишку за руку и отвел к взрослым.

На радиостанции дежурил старший сержант Григорий Крохмалев. Лейтенант его знал. Он тоже его земляк, к тому же служил в учебном батальоне. А сейчас сидел у аппаратуры, принимая радиограммы: «Второй батальон был атакован танками... Положение восстановлено...»

«Противник ударил в стык... Прошу поддержки».

Карандаш Крохмалева бежал по строчкам...

— Что еще там?

— Отражают атаки...

Да, обстановочка!

На войне бывали периоды, когда в газетах писали лишь о том, что на фронте «никаких перемен не произошло». Такие дни не отмечены заметными приобретениями и утратами. Но иной раз в такие дни происходили события весьма значительные!

14 августа 1942 года Паулюс начал новое наступление на Сталинград, а 19 августа отдал приказ о захвате города. Взяв Сталинград, немецкая группа армий «Б» двинется в наступление вниз по Волге — к Астрахани.

Впоследствии военные историки, освещая Сталинградскую битву, отмечали, что в середине августа 1942 года гитлеровцы сосредоточили сильную группировку против нашей армии в составе 4-й пехотной, 2-й танковой и 2-й моторизованной дивизий, и утром пятнадцатого числа нанесли удар по советским войскам, в том числе и по 205-й дивизии, вставшим на пути к Дону, в направлении станицы Трехостровской.

Удар, как говорится, для немцев был результативным.

С фанфарами передавались из Берлина их «Sonder-

meldungen» — особые сообщения. Русские отброшены! Слушая такие сообщения, население, по мысли геббельсовских пропагандистов, должно было восхищаться победами рейха.

В тот день командир немецкой 14-й танковой дивизии Бесслер, по прозвищу «Долговязый», удостоился особой чести — командующий шестой армией выдвинул все его восемь полков в авангард. Они должны были первыми достичь берега Волги. Бесслер, поблагодарив Паулюса, вызвал к себе фельдфебеля — художника, распорядился в память об этом событии оформить специальный альбом, отобразив в рисунках историю дивизии.

Приказ Бесслера художник выполнил. В альбоме были парисованы бравые вояки на фоне Эйфелевой башни, затем — в Карпатских горах, показано, как они «прогуливались в лодках на Днепре»... Альбом вышел на славу. Бесслер спрятал его в свой чемодан, полагая, что на Волге он преподнесет рисунки самому Паулюсу.

Глава седьмая

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕТЕР

I

Здесь, на Клетском направлении, превосходство в силах было на стороне противника. 205-я дивизия уже третью неделю вела бои. Сначала наступала, а затем, закрепившись в своих траншеях и блиндажах, отражала вражеские атаки.

14 августа лейтенант Морозов записал в батальонном «Журнале боевых действий»:

«Второго эшелона наша дивизия не имеет. Все полки ведут бои. Только наш батальон стоит здесь, в десяти километрах от передовой, прикрывая штаб дивизии. Если фашисты прорвутся — вся сила удара по курсантам».

И вот пятнадцатое. В ночь на пятнадцатое августа, завершив основательную подготовку к штурму наших позиций, немецкие войска перешли в наступление. Перед его началом фашисты с утра в течение нескольких часов обрабатывали передний край «юнкерсами» с воздуха. Они знали о существовании оборонительного рубежа на Сухой Перекопке и на рассвете «позаботились» о нем.

Еще стояли предрассветные сумерки, когда с ночного неба на этот рубеж яростно набросились пикирующие бомбардировщики. Наверное, Морозов задремал незадолго перед этим и сначала никак не мог выйти из забытья. Не понял, откуда этот рев, завывание и грохот. Черный «юн-

керс», круто снизившись, сбросил бомбу на кучу земли, где кто-то копошился. Однако бомба легла неточно. Находившийся в глубокой щели курсант резанул из своего «дегтяря» по самолету. «Юнкерс» почувствовал огненную струю и взмыл вверх, но сразу же сделал заход и еще раз попытался поразить цель. Из соседней щели высунулся длинный ствол противотанкового ружья, вспыхнул огонек.

Самолет отвалил в сторону.

Справа и слева, в дыму и тумане, рвались авиационные бомбы, трещали выстрелы. Но уж очень неодинаковы возможности! Немецкие самолеты снижались над окопами, чуть ли не касаясь их «колесами». На каждый бугорок обрушивали огонь своих пулеметов, сбрасывали бомбы.

После небольшого перерыва вражеская авиация повторила налет. К тому времени мгла рассеялась, курсанты лучше подготовились к отражению нападения. Огонь по самолетам получился более плотным, организованным. «Юнкерсы» действовали нагло, но держались на значительной высоте, и бомбовый груз свалился как попало. Обнаружились повреждения телефонной связи с ротами, пришлось устранять порывы.

Вырвав листок из «Полевой книжки», Семенов написал донесение полковнику Любимову. Морозов послал это донесение со связным, но Любимов не ответил, он находился где-то в полках. К одиннадцати часам связь со штабом дивизии прекратилась. Из штаба батальона дважды посылали к комдиву связных, но и они не вернулись.

В батальоне поняли: положение впереди, под хутором Венцы, не из веселых!

К двенадцати дня злой, горячий ветер поднял пыль над окопами. В вихрях пыли увидели группки отступающих бойцов. Люди бежали по полю к нашим позициям. По оврагу, ломая кусты, к окопу Морозова шел, шатаясь, рослый офицер. Он прижимал одной рукой перевязанную окровавленной тряпкой голову.

Морозов его узнал. Это был начальник разведки одного из полков капитан Нехаев. Его втащили в окоп. Лицо Нехаева сводила судорога боли.

— Сколько времени?

— Тринадцать.

— Мы отбили несколько атак. Потом дрались возле командного пункта. Командир полка убит, начальник штаба Кильдо ранен.

На санитарной двуколке оказалось свободное место.

Морозов усадил туда раненого офицера. Подскочила медсестра, крикнула Василию Морозову:

— Тут раненых много, а в овраге есть еще грузовик. Отдайте и ту машину нам!

— Быстрее загружайте.

Запищал зуммер. Ага, есть связь! Морозов услышал голос начальника штаба дивизии. Полковник говорил, что к позициям батальона прорываются фашистские танки.

— Понятно, товарищ полковник.

Ждать пришлось недолго. Степь гремела, в этом грохоте терялся шум моторов двигающихся танков. Их увидели, когда они были уже совсем недалеко. Шли на хутор, растянувшись по степи. За танками бежали немецкие автоматчики.

Можно было подпустить их ближе, но минометчики не выдержали:

— Огонь!

Среди наступающих немцев взметнулись черные фонтаны взрывов. Танки замедлили движение, некоторые машины остановились и стали вести ответный огонь из своих пушек. Человечки в серо-зеленых мундирах тоже начали стрелять из автоматов.

Морозов следил глазами за танком, двигавшимся к окопам сторожевого дозора. Он двигался медленно, осторожно, словно бы на ощупь. У него еще будет препятствие — речка. Но, видно, не речки он остерегается, а мин и фугасок. А их нет и в помине.

Широкоплечий боец в каске, высунувшись из щели, стал целиться из винтовки в танк, надеясь попасть в смотровую щель. Так его учили. Выстрел. Танк остановился, и его башня с длинным стволом стала поворачиваться в сторону окопа. Сверкнул огонь. Снаряд угодил в холмик земли, насыпанный метрах в десяти выше окопа. Курсант снова выстрелил, и танк, оставаясь неподвижным, ответил снарядом.

Правее показался еще один танк, вынырнув словно изпод земли. Но там 76-миллиметровое орудие. В бинокль Морозов хорошо различал эту пушку, выдвинутую на открытую позицию, где суетились бойцы. Среди них — офицер. Да это же сам командир полка Антон Кривощеков! Неужели у него не осталось больше пушек? Расчет в мгновение уменьшил прицел, навел панораму на цель.

Морозов, хотя и не слышал голоса, но чувствовал команду:

— По танку противника! Прямой наводкой!

Выстрел! Еще и еще! Снаряд ударил в основание башни. Танк повернулся бортом, содрогнулся и замер. Готическая вязь на борту кричала: «Я брал Мажино»[1].

Ветер нес клочья дыма. Уже не было видно ни пушки, ни капитана Кривощекова. На несколько мгновений все замерло. Но вот снова впереди появилось до дюжины танков. Они захватили всю ширь степи: на окраине хутора, в полукилометре от него, в лощине, на буграх... Одна машина, прорвавшаяся к окрайне села, перемахнула через речку и пошла на позиции стрелковой роты.

В окопе против машины замер боец. Вот он рванулся из траншеи и бросил связку гранат. Это Логачев! Курсант, по натуре вялый, но рассудительный. Морозов вспомнил его слова: «Танк — это тот же трактор. Только в железной рубашке».

Гранаты сработали: взрывом разорвало гусеницу, и танк завертелся на месте, затем остановился.

Логачевым, видно, овладело лихорадочное возбуждение. Он вдруг вскочил во весь рост, подбежал к машине, вскарабкался на нее. Сорвал с головы каску, что есть мочи крикнул:

— Ура! Наша взяла!

Гриша, что с тобой? Зачем это? Вдруг Логачев покачнулся, тело его скользнуло по броне. Он упал лицом вниз, раскинув руки на траве...

Наш огонь не остановил вражеских автоматчиков. Уменьшенные расстоянием, они падали, поднимались, бежали. Морозов увидел их возле пулеметной точки, которая вдруг замолкла: мина, взорвавшись, выбросила столб земли и засыпала окоп, где был курсант с ручным пулеметом.

Комбат ушел в пулеметную роту.

Морозов оставался один на командном пункте.

Связи с позициями не было. Бойцы отстреливались. Сколько времени можно продержаться? Очевидно, не долго. Самое большее час-два. А может быть, и меньше. Дождаться бы ночи! Должен же кто-то поддержать батальон. Но пока справа и слева только цепи измотанных, берегущих патроны бойцов. Они знали приказ: «Ни шагу назад». Они его выполняли, пока имели боеприпасы. Теперь у них не было никакой возможности удержаться. Неожиданное

[1] Французские укрепления на границе с Германией.

зрелище отвлекло внимание Морозова: по полю бежал заяц. Зверек вырвался из горящих кустов, метнулся к нашим окопам, но огневая завеса была плотной и заяц испугался. Заметался по полю. Верно, он и до этого бывал в переплетах: воспользовавшись тем, что в овражке образовался безопасный коридор, по узкой тропинке стремглав понесся к санчасти.

Морозова позвали к телефонному аппарату. В трубке был слышен глухой голос:

— Учбат? В хуторе осталась радиостанция. Она не должна попасть врагу.

Любимов! Полковник приказывал вывезти или взорвать дивизионную радиостанцию. А в хуторе уже фашисты. Морозов посмотрел вокруг. Из бойцов поблизости находился только телефонист. Комбату надо доложить о разговоре с Любимовым. Семенов лежал у бугорка за пулеметом. «Максим» резко стучал, зато напротив поле чистое, если не считать сероватых комьев в траве — это скошенные пулями гитлеровцы. Морозов подполз к Семенову, сказал:

— В хуторе радиостанция. Кого послать?

— Где-то батальон связи. Это их дело.

— Никого нет!

— Если нет никого — идите туда сами.

Морозов знал, что это недалеко, каких-нибудь полкилометра. Натолкнулся на телефониста Ушакова и позвал его выручить радиостанцию. Они стали пробираться в верховье оврага. Увидели знакомый сад, заглушенный бурьяном, серый газик-фургон с радиостанцией. Заглянули внутрь, различили согнутую фигуру Крохмалева.

— Старшина! — крикнул ему Морозов. — Надо убираться.

— Надо! — ответил Крохмалев, медленно шевеля черными губами. — Машину не смог завести, течет бак. А потом вот, смотрите, сколько донесений.

— Что за донесения?

— Радиограмма от Агабабяна, вот тут я записал, — сказал он, протягивая бумажку. Морозов пробежал глазами запись: «Противник смял оборону. Отбиваем атаку. На КП — я и несколько штабных командиров. Жду приказа».

Плохо дело у Агабабяна! Морозов знал этого командира полка. В Хабаровске он был адъютантом у командующего Дальневосточным фронтом генерала Штерна.

Они отползли от автофургона, забрались в полузасыпанный окоп. Их уже четверо. Откуда-то взялся связист Василий Колмогоров — боец полз с катушкой на спине. Он без каски, волосы мокрые. Отсюда можно сжечь машину. Ушаков связал три гранаты, с большой силой швырнул их. Взрыв сотряс воздух, полетели щепки, комья земли. Они подожгли паклю, бросили ее на обломки фургона и осмотрелись: «Прощай, «газик»!

Сад спускался к речке, поросшей камышом и ивняком, довольно глубокой, но вода им не помеха.

Затем они бежали согнувшись вдоль ручья; камышовыми зарослями выбрались на открытую местность. По скату холма рвались мины, и они, мокрые и грязные, как черти, двинулись ползком. Вот и окопы одной из рот — пулеметной. Здесь затишье.

Молоденький пулеметчик, лицом похожий на д вушку, облизывал пересохшие губы. Заметив, что Морозов выливает из своих сапог грязную воду, достал пару чистых портянок, подал ему.

Морозов отказался. При такой жаре все высохнет быстро!

— Немецкие танки уже в нашем тылу?— спросил пулеметчик лейтенанта.

— Боишься?

— Нет.

— Правильно. У танков горючее кончится, и тогда их возьмут голыми руками.

— У меня запасной пулемет и есть патроны. Мне принесли трофейные.

Боец показывает коробки с тяжелыми желтыми патронами.

Немецкие металлические пулеметные ленты.

И трофейный пулемет «МГ-34».

...Сплошной линии обороны не было. Истекающие кровью подразделения 205-й дивизии оборонялись очагами. В одном месте оборону возглавлял генерал Макаренко, в другом — Агабабян, в третьем — Кильдо. Бои шли и в других местах.

Перед вечером фашисты пытались подавить очаги сопротивления из минометов. Никого нигде не было видно, но по изрытому окопами полю густо рвались мины.

Низко, волна за волной, летели самолеты. Обстреливать их было нечем. В тылу, в районе Камышинки, под

самолетами вспыхнули белые круги. Морозов вначале обрадовался: это огонь наших зениток! Семенов мрачно сказал:

— Это не взрывы!

Белые круги — это вспышки парашютных куполов. Немцы выбросили десантников. Там склады, там обозы, туда свозили раненых.

В сопровождении санитаров в батальон пришел заместитель командира дивизии полковник Алексей Трошин. Подошли остатки стрелкового полка, человек с полсотни. С ними были противотанковая пушка и разобранный станковый пулемет, который несли бойцы расчета.

Полковник Трошин — хмурый, нелюдимый офицер. Работая в штабе дивизии, Морозов случайно познакомился с его личным делом. Служил он в штабе маршала Блюхера. Затем демобилизовали, он стал прорабом, строил в Хабаровске нефтеочистительный завод. Началась война, о нем вспомнили, разобрались, что вины за ним никакой нет, восстановили на службе в армии и привезли ему военную форму прямо в бараки землекопов.

Там же ему вручили и приказ о назначении заместителем командира дивизии. Это было уже в ноябре, в Волочаевском городке заканчивали формировать части нашего соединения. В ту ночь Морозов оказался помощником оперативного дежурного по штабу дивизии. На его столе зазвонил телефон:

— С Вами говорит полковник Трошин. Вышлите мне машину на пристань...

Морозов отправил дежурную машину. Она скоро вернулась. Какого-либо жилья в Хабаровске у полковника, разумеется, не было, при штабе дивизии также не имелось комнаты отдыха. Поэтому до утра этот полковник, худой, с землистым лицом, молча сидел у пылающей печки штабного барака и грел руки. Морозов предложил ему стакан чаю, но он отказался. Утром пришлось вызывать врача. У него открылось кровотечение из горла и его увезли в госпиталь, где ему удалили часть легкого — он страдал туберкулезом. Вернувшись в дивизию, лейтенанта не забыл, и, когда при встречах тот козырял ему, полковник обязательно пожимал руку.

И вот теперь комбат спросил больного полковника о дальнейших действиях.

— Отходить! — высказался он. — На второй рубеж. От-

ходить через хутор Камышинку к станице Сиротинской.

Они молчали.

Полковник повторил:

— Отходить. Дивизия займет оборону в Сиротинской. Задача ясна?

— Ясна!

...Утро шестнадцатого августа.

Остатки батальона двинулись к Дону, вдоль балки. На карте она обозначена как «балка Куролесова». Кто такой Куролесов? Агроном? Его именем названа эта балка, вдоль которой тянулись пашни и огороды, а чуть дальше — неоглядные бахчи.

Курсанты шли по бахчам, урожай уже созрел давно. В ботве блестели огромные полосатые арбузы с подпалинами, оранжевые дыни, многопудовые тыквы.

Ребята повеселели, когда сделали привал. У кого был хлеб — ели арбузы с хлебом. Но многие обошлись так.

Из продуктов в вещмешке у Морозова лежала одна черствая краюха хлеба — неприкосновенный запас. Он отдал этот свой энзе санитару, сопровождавшему полковника. Санитар выглядел не лучше своего больного: желтые щеки, воспаленные глаза...

Через час сделали еще один привал. Балка Куролесова в этом месте превратилась в глубокий овраг, поросший молодым дубом и ольхой. Тянуло сыростью.

Ребята обрадованно рассказывали, что внизу воды много...

Боевое охранение выставили поближе к проселку, в кустарнике. Там же замаскировали пушку. Тишину нарушил слабый звук мотора. Проселочной дорогой мчался легковой автомобиль. Не наш. Немецкий. За рулем — немец-солдат, а на заднем сиденье — толстый фашист в комбинезоне серого цвета, в пылезащитных очках.

Это машина марки «кюбель». Легковой вездеход.

Артиллеристы не стали мешкать:

— К орудию!

Пушка не имела прицельного приспособления. Командир орудия через ствол навел пушку, вложил спаряд, закрыл замок и рванул за шнур.

Морозов взглянул на дорогу.

Черный фонтан земли, смешанный с дымом, взметнулся в двадцати метрах от машины. Жалобно скрипнул ме-

талл, «кюбель» резко затормозил и остановился. Несколько бойцов побежали к машине.

Гитлеровцы из «кюбеля» увидели размахивающих оружием красноармейцев, выскочили из машины и в страхе побежали в поле. Особенно резвым оказался шофер. Он обернулся, бросил гранату под ноги догонявшего его бойца. Увидев, что тот, окутанный пылью, упал, драпанул во всю прыть. Пуля его настигла в двухстах метрах от дороги. Теперь бежал только толстый фриц. Бежал довольно резво для своей комплекции.

Бойцы погнались за толстяком, время от времени стрелявшим по преследователям из пистолета. Всех обогнал рослый солдат с винтовкой, на которой поблескивал граненый штык.

Кто-то из офицеров закричал:

— Живьем его взять, живьем!

Солдат не слышал. На ходу щелкнул затвором. Раздался выстрел. Фашист упал. Судя по знакам различия, фашист был важной птицей.

Приказав взять из «кюбеля» немецкие документы и бумаги, а трупы убрать, Трошин отдал команду сняться с места. Только колонна перевалила через скаты высотки, над степью показался легкий немецкий разведывательный самолет. Он пронесся над дорогой, где одиноко чернел «кюбель». Самолет сел на поле, из него выбрались двое фашистов. Они внимательно осмотрели место вокруг, стали копаться в моторе «кюбеля», автомобиль заурчал. Видно, неисправность оказалась пустяковая. Решив, что члены экипажа—генерал и его шофер—куда-то ушли, фашисты вернулись к самолету. Самолет поднялся и улетел.

«Кюбель» исправен... Может, послать бойцов и взять его? А потом переодеть нашего полковника в немецкий мундир и перевезти через линию фронта?

Семенов сказал об этом Трошину. Полковник с укоризной посмотрел на него глубоко запавшими глазами, махнул рукой:

— Надо пробиваться к своим без фокусов.

Шли еще долго. Морозова мучила страшная усталость. На привале, слушая разговор командиров с Трошиным, обсуждавших детали боя по выходу из окружения, он забылся на несколько минут. От земли исходил сухой жар. В глазах мелькали огненные круги.

Какая-то сила подбросила лейтенанта с земли. Морозов

вздрогнул и протер глаза. Услышал голос комбата Семенова:

— Станица Сиротинская рядом. Попытаемся прорваться.

Он инструктировал бойцов:

— Идти без выстрелов. Гранаты применять в крайнем случае. Лучше всего — рукопашный бой. Действовать штыками, лопатами, ножами.

— Бегом марш!

Белые зубы Семенова сверкнули в улыбке.

Они пошли на прорыв...

II

Попав во вражеские окопы, Морозов столкнулся с немцем. Тот, видимо, испугался призрака в нахлобученной пилотке и, пятясь назад, закричал: «Sie sind hier![1]». Морозов сделал прыжок, ударил прикладом карабина немца снизу вверх, в челюсть. Ударил нерасчетливо, с такой силой, что хрустнул сустав в его плече, отдавшись острой болью. Рядом раздались выстрелы и взрывы гранат. Лейтенант выскочил из окопа, упал, кубарем покатился куда-то вниз. Потом полз через кусты, раздирая руки, лицо, бежал, прижимаясь к земле. Попав в воронку, пытался перезарядить карабин, но не смог — дрожали руки. На какую-то секунду он растерялся.

— Ни с места! Стрелять буду!— поднял его голос.

Морозов вскинулся, ответил:

— Свои! Двести пятая....

К нему подошли вооруженные автоматами бойцы, повели куда-то, Морозов, пробуя сориентироваться, шел медленно.

— Далеко?— спросил он своих сопровождающих.

— Что — далеко?

— То место, куда мы идем.

Старший из сопровождающих успокоил:

— Уже пришли.

Морозов очутился в просторной землянке, слабо освещенной. В землянке на скамейке, встроенной вдоль стены, сидели бойцы. Трое были из учебного батальона. Зиночкин, Огородников, Колмогоров... С ними разговаривал похожий на старого учителя человек со шпалами в мали-

[1] Они здесь! (*нем.*).

новых петлицах. Нарукавных нашивок у него не имелось, и нетрудно было понять, что это уполномоченный НКВД. Лицо его с крупными морщинами было сосредоточенно, но голос звучал тихо и спокойно. Как и другие, Морозов в нескольких словах рассказал ему о себе, он внимательно выслушал его, взял со стола свой блокнот, перелистал его, зачем-то осмотрел карабин. «Вовсе не учитель, скорее всего — следователь»,— невесело подумал Морозов.

— Вы этим оружием пользовались?

— Да,— твердо ответил Морозов.

— Как же пользовались? В нем затвор заклинило.

— Я пользовался прикладом.

— Понятно.

Морозов видел, что суровый особист претензий к нему не имеет. Он сказал, что лейтенант может забрать своих бойцов и двигаться на сборный пункт, там уже знают о судьбе 205-й...

Когда они добрались до Сиротинской, ночь еще не прошла. Небо было в тучках. Над передним краем дрожащим неверным светом горели немецкие ракеты. Из-за Дона бухали орудия. Невидимые, гудели самолеты.

Стало светать. Дорога привела их к песчаной косе, откуда виднелась паромная переправа. Там суетились люди. В беспорядке отходила какая-то часть. На обочинах, в пожухлой траве валялось оружие. Морозов попытался выбрать себе исправную винтовку, но тогда пришлось бы расстаться с карабином... «Ладно, отставить. Мне его отремонтируют»,— решил он. Впереди пара крупных лошадей тащила подводу — обыкновенную длинную повозку. Сбоку, покрикивая на своих вороных, с вожжами в руках шел старшина. Проселочную дорогу по диагонали пересекала песчаная насыпь. Вдруг подвода повалилась набок. Морозов и его бойцы тут же поддержали ее, подтолкнули. Колеса застучали по твердому грунту. Повозка источала приятный запах дегтя, запах свежеиспеченного хлеба. У лейтенанта потемнело в глазах. Хлеб!

— Слушай, старшина!— сказал он, отбросив ложный стыд.— Говорят, у зайцев такой обычай: мать кормит зайчат, независимо от того, чей выводок....

— Святая правда. В газете даже писали!— добавил Колмогоров.

Старшина намек понял и со словами «Тут этих выводков...» вынул из-под брезента большую мягкую буханку

хлеба и дал Морозову. Спустившись к Дону, они, разостлав на камнях старую газету, разделили хлеб и съели.

Утро. Восток пылал огнем, и весь край неба отразился в донской воде. Она осветилась алыми бликами, напоминая о тяжелых боях. Поднялись на косогор. Садки совсем недалеко.

...Первый, кого Морозов встретил на сборном пункте в тенистых Садках, был Михаил Мокосеев, репортер из дивизионки.

У лейтенанта заныло внутри — так его испугал внешний вид репортера. Где коверкотовая гимнастерка? Где портупея и «лейка?» Его «обмундирование» состояло из вещей, которые можно подобрать в кустах и канавах. Исключение составляла добротная пилотка. Его пилотка, он носил ее в Хабаровске. Нос и подбородок младшего политрука заострились. Заметив Морозова, он онемел, а затем с усилием выговорил:

— Где Галя? Вы ее оставили?

Морозов знал, что медсестра Галя родом из занятого фашистами Смоленска была землячкой Мокосеева. Успокоил.

— Все нормально,— сказал лейтенант. Михаил застыл в ожидании.

— Не беспокойся,— повторил Морозов.— До начала немецкого наступления мы отправили ее с ранеными в тыл, за Дон. Прощаясь, она просила передать тебе привет. Представь себе, нагнулась и шепчет: «Скажите Мише, что я люблю его. Он меня найдет, если напишет письмо в Оренбург: переулок Хозяйственный, дом один, Тимолязовым». Тимо-ля-зо-вым! Запомни!

Может, лейтенант кое-что преувеличил, стремясь порадовать однополчанина, но от правды далеко не ушел. Во всяком случае, адрес эвакуированных Галиных родителей был точным.

Мокосеев торопливо записал адрес на обрывке газеты.

— Ты видел своих?

— Нет.

— Комдив здесь, полковник Любимов тоже.

— А Трошин?

— Говорят, что захвачен в плен. И не только он. В немецких листовках употребляют его фамилию, хвастают, что они пленили еще несколько человек из командного состава дивизии. Начальника политотдела, например.

Морозов рассказал, что Трошин шел с остатками ба-

тальона, когда пробивались через немецкие окопы, фашисты растерялись, стреляли беспорядочно. Все это давало возможность попасть к своим.

— Возможность была,— пояснил Мокосеев,— но ты же сам говоришь, что вы дрались врукопашную. Полковник для этого был стар. Вам надо было позаботиться о нем.

Морозов не стал отвечать. Спросил:

— Где могут покормить?

— Для наших есть здесь кухня.

— Хорошо! Осмотримся и пойдем туда. А теперь рассказывай, где тебя носило... Почему принарядился в БУ? У этого добра давно истек срок носки!

Сели в тени плетня.

— Я, брат, был под Трехостровской,— глухо сказал Мокосеев.— Именно на нее пришлось острие немецкого удара.

Полк, в котором оказался Мокосеев, сражался весь день. Батальоны, растянутые в жиденькую цепочку, стойко сдерживали врага. К вечеру фашистские танки и пехота сломили их сопротивление и добрались до станицы. Мокосеев с автоматом в руках уже у самой переправы лег в окопчик и расстрелял последние патроны. Рядом отстреливались из винтовок старший политрук Иван Сидоренко и наборщик типографии Лапин. Последний выносил знамя дивизии, хотя не войсковое, а шефское знамя. Но красное полотнище было вынесено, и все уже знали, что дивизию не расформируют, соединение с номером «205» еще будет воевать.

Осколком мины Лапину разбило плечо. Какой-то подполковник, руководивший боем, отчаянной руганью приказал всем, имевшим оружие, держать оборону:

— Ни шагу назад! За Родину! Смерть фашистам!

Сидоренко вскочил с земли, сорвал с пояса гранату...

Уже били немецкие автоматы в прибрежных кустах. Шли последние минуты обороны. Понтоны были разбиты и потоплены, лодок совсем не было. Что же оставалось? Мокосеев не боялся умереть, пока оружие действовало. Но опустел диск, и репортера охватил страх. Не бросая оружие, он потащил истекающего кровью Лапина по песку и кустам к воде.

Здесь, на изрытой воронками песчаной косе, увидел неподвижную «эмку» Военного трибунала. Сам председатель трибунала Эпштейн был застрелен немецкими автоматчиками, его полузасыпанный песком труп лежал непо-

далеку. Мокосеев положил раненого близ «эмки», сказал ему:

Подожди немного, сейчас поплывем...

Лапин закрыл глаза. Мокосеев секунду помедлил и бросился к воде, к счастью, почти тотчас нашел и небольшой плотик из наспех связанных бревен и досок.

Дон в этом месте был широк, противоположный берег едва виднелся. Волны зловеще поблескивали.

Он уложил раненого на плот. Лапин, укрытый мокрой шинелью, беспомощно затих на бревнах. Рядом с ним к бревну Мокосеев привязал вещмешок со спрятанным в нем знаменем. Вытащив из кармана раненого партбилет, он спрятал его в пилотку. Потом встал на плотик и оттолкнулся от берега. Вода закружилась вокруг бревен, проступая в щелях. Течение подхватило плот и потащило его на середину реки. Отчаянными усилиями совсем выбившийся из сил Мокосеев, пытался управлять плотом, направляя его к берегу. Вдруг начался обстрел, вблизи запрыгали маленькие и большие фонтанчики. Что-то ударило Мокосеева в бок. Он потерял равновесие и упал. Плот оказался скользким, и случилось то, чего он опасался: его смыло с плота, и он с головой ушел под воду.

К счастью, падая, Мокосеев ухватился за веревку скреплявшую плот, вынырнул. Держась за нее, осторожно подталкивал плот. Так он проплыл метров сто.

Лапин лежал на бревнах — и это главное. Надо спасти его во что бы то ни стало! Лапин не просто сослуживец, однополчанин. Он был самым надежным другом. Выпуская многотиражку, они часто вместе работали с верстаткой у наборной кассы, крутили колесо печатного станка, питались из одного котелка.

Несмотря на обстрел, плот сохранял устойчивое положение. Мокосеев хотел взобраться на него, но ему это не удавалось — не хватало сил. Так они поплыли на край заводи. Вода здесь кружила, и плот колыхался, прибиваясь к берегу. Стало совсем тихо. Мокосеев почувствовал ногой твердый грунт. Из воды торчали зеленые сваи, которые мешали подогнать плот к берегу. Мокосеев побрел к круче, где виднелись плетни и ветлы. Оглянувшись, младший политрук увидел Лапина, стоявшего в воде и неверными шагами пробиравшегося к берегу. От холодной воды Лапин пришел в чувство, поднялся...

Мокосеев подхватил товарища. Кое-как они доползли до сломанного плетня, окаймлявшего берег. Теперь, когда

опасность осталась позади, они совсем обессилели. Жгло солнце. Завывая, над головой пролетали самолеты. Мокосееву все же удалось остановить случайную машину и отправить Лапина в госпиталь.

— Сейчас Лапин в Ольховке, в эвакогоспитале,— сказал Мокосеев.— Я навестил его. А мне надо идти за назначением. Партбилет я сохранил. Но как я появлюсь в политуправлении в таком виде? Меня же поднимут на смех!

Морозов успокоил его:

— Что за разговор, Михаил Иванович! В вещевых складах для тебя форму найдут. Главное, уцелел! И знамя спасли. Это уже подвиг.

— Да, конечно. Жалко Ваню Сидоренко. Погиб. Какой человек! Я видел, как немецкие автоматчики срезали с его гимнастерки красные звездочки с рукавов. Не знаю зачем — у них, возможно, за убитого комиссара полагается особая награда.

Несколько минут они сидели молча.

Струилась августовская теплынь. Да, таяло, истончалось лето. На землю падали узкие ивовые листочки — они уже желтели. Отцвела полынь, возвещая о приходе осени.

III

На сборном пункте в Иловле, разговаривая с офицерами, генерал Макаренко был краток.

— От полков нашей дивизии мало что осталось. Но вам спасибо. Дрались хорошо. Учебный батальон сохранил боеспособность. Командование решило так. Из остатков дивизии сформировать сводную часть, ей будет отведен боевой участок на плацдарме у станицы Сиротинской. Район этот известен капитану Семенову. Он уехал на плацдарм и там будет командовать сводным батальоном. Вы, Морозов, назначаетесь к нему начальником штаба.

— В чьем подчинении будем находиться?

— В подчинении командира сороковой гвардейской дивизии генерал-мойора Пастревича. От него есть здесь офицер связи. Он находится в оперативном управлении.

— Кто он?

— Капитан Рожков. Управление находится вон там, за колхозной конторой.

— Все ясно.

Генерал торопился. Распростившись с ним, Морозов пошел искать капитана Рожкова. Капитан сидел в тени под яблонькой, во дворе, на разостланной плащ-палатке перед ним лежал пистолет, рядом с куском ветоши стояла масленка. Офицер чистил свое оружие.

Назвал себя Александром Семеновичем.

— Собственно, должность моя — переводчик,— сказал он Морозову,— но приходится делать то, что заставят. Сегодня мне крупно повезло. Думал, выделят какую-нибудь маршевую роту. А мне вдруг отдают всю двести пятую дивизию!

— Только название,— заметил Морозов.

— Но ребята обстрелянные! Это не шутка.

— Что там происходит?— указал Морозов на рожковскую карту.

— Могу рассказать. Если с холмов близ Сиротинской посмотреть в сторону Старо-Григорьевской, перед глазами встанет широкая лесистая долина. Она примыкает к Дону. Это и есть плацдарм. Фашисты стремились выйти на эту долину, но на их пути встали гвардейцы.

Тяжелый бой приняло 15 августа отделение Александра Чаплыгина с тремя немецкими танками и бронетранспортером с мотопехотой. У высоты с отметкой 222,2 они залегли в пшенице, обложившись гранатами и бутылками с раствором «КС». От удара бутылка лопается, смесь мгновенно воспламеняется и здорово горит. Только отбили атаку, как увидели еще десяток танков. Комдив послал меня со взводом на поддержку Чаплыгину. Отбивались до вечера. Только один вражеский танк. мог бы уйти, но не ушел. Машина эта повернула назад и стала удаляться. Но ее настиг один наш боец. Догнал, взобрался к башне и стал стучать прикладом. Видимо, гитлеровцы в танке подумали, что это стучит свой фриц,— люк открылся. Боец в ту же секунду бросил туда гранату, а сам спрыгнул с машины в траву. Раздался взрыв, а вслед за этим над танком взметнулись пламя и огромный клуб дыма.

Весь гвардейский батальон дрался так же, как отделение Чаплыгина.

И уже в сумерках гвардейцы, атакуя врага, вышли под Сиротинскую, где фашисты готовили переправу через Дон. Здесь и началась кровавая баня. Такого уцелевшим не забыть до самого конца жизни.

В первую атаку шли по лугу на Сиротинскую. Болото

перешли по горло в воде. Вылезли на берег мокрые, черные от болотной грязи, как дьяволы.

Свой отход фашисты прикрывали огнем, но наши бойцы короткими перебежками рванулись вперед.

В этой атаке дважды был ранен командир роты лейтенант Петров. Роту он не оставил, бежал в цепи, перевитый бинтами. Получил еще одно осколочное ранение в ногу, и бежать уже не мог. Санитары подхватили командира, унесли в укрытие. Петров еще не верил, что он ранен. Когда от потери крови обессилел, шептал сквозь зубы:

— Эх, еще бы разок сцепиться с ними в штыковой атаке!

Гвардейские подразделения сильно поредели. Выставив посты, измотанные бойцы свалились на траву. Кто уснул, а кто от нервного перенапряжения не мог сомкнуть глаз. Утром начался обстрел позиций, которые пролегли под самой станицей. Пришлось отойти в долину, укрыться в лесочке, в наспех отрытых под огнем окопах и щелях. Бойцы остались почти без боеприпасов. Ждали фашистов, чтобы встретить их врукопашную.

Но с заходом солнца враг утихомирился.

Гвардейский батальон занял оборону по всем правилам. В наиболее угрожаемых участках оборудовали точки с противотанковыми ружьями, пулеметами, другими огневыми средствами. Бойцы всю ночь окапывались. Грунт оказался жестким, каменистым, не поддавался шанцевому инструменту. К утру вырыли окопы только для стрельбы с колена, глубиной в 50-60 сантиметров.

В подразделениях не имелось ни противотанковых пушек, ни полковой артиллерии. Они отстали, находились где-то за Доном. Там же застряла и санитарная рота. Гвардейцы вступили в бой, располагая всего лишь одним боекомплектом. К вечеру у некоторых бойцов оставались или граната, или горсть патронов. Бутылки с горючей смесью особенно берегли.

Ночью парторги и комсорги побеседовали с бойцами, рассказали о положении дел на этом участке фронта.

До рассвета за линией фронта слышался далекий гул моторов. Горизонт освещался ракетами.Тревожно блистали сполохи огня. Иногда дозоры задерживали отдельных солдат или небольшие группы бойцов. Это отходили остатки советских частей, разбитых врагом под Верхне-Бу-

зинской и Ближней Перекопкой. Различался и нарастал гул подходивших к Перекопке танков и мотопехоты. От этого гула содрогалась земля.

Утром комдив послал всех штабных офицеров в окопы.

Немецкая артиллерия обстреляла высоту 222,2 , где находился Рожков, а затем огонь перенесла на соседние высотки, оборонявшиеся ротами другого батальона. Все же время от времени снаряды рвались и поблизости.

Рожков после небольшой паузы продолжал рассказ:

— Увидел я фигуры в касках и с автоматами. Сначала думал, что мне померещились эти цепи. Однако это были они, немецкие автоматчики. Цепь одна, вторая, третья. Идут напролом. До них осталось метров триста. Через их головы полетели на нас мины и снаряды.

Уже слышали голоса немецких офицеров, выкрики. Видели их лица. Там костлявый, приземистый унтер, там пригнувшийся солдат с выставленным впереди живота автоматом. Один споткнулся, упал, но поднялся. Пьяные, что ли? Ведут густой огонь с живота. Теперь уже три цепи прямо перед нами. У наших солдат каждый патрон на счету. Мы не стреляем, ожидая команды.

Сильно надеемся на минометчиков, у них мины все же были.

Командиры минвзводов кричат:

«Расстояние — сто метров. Подготовить по десять мин — беглым!»

А стрелки вели огонь только прицельный.

Ну и дали им жару!

Отхлынула эта волна.

А потом еще и еще. Трое суток продолжались вот такие бои, гвардейцы стояли на своих позициях. Из-за Дона наладили подвоз мин, патронов. Отражать атаки стало легче.

Вступили в бой другие батальоны.

19 августа немцы нанесли основной удар по первому батальону, оборонявшему высоту 180,9. К исходу дня врагу временно удалось овладеть частично высотой, но это фашистам досталось недешево.

Рожков сказал:

— На плацдарм пошли 38-я и 42-я дивизии. Придет и 205-я стрелковая дивизия. Наши получат передышку. Первые две дивизии уже ударили по фашистам во взаимодействии с «катюшами» и улучшили позиции.

— Какую нам поставят задачу?

— Сказать трудно. Сейчас важно расширить плац-

дарм. Если бы выбить фашистов из Сиротинской — было бы здорово!

У Рожкова еще оставались какие-то дела в штабе армии, а Морозову следовало немедленно отправиться на плацдарм. Отправиться... На чем? Приходится самому решать, проявляя солдатскую находчивость.

— Что ты беспокоишься, лейтенант?— сказал Рожков.— Здесь всюду бродят бесхозные кони. Есть настоящие рысаки. Садись и скачи!

На бесхозной лошади особенно далеко не ускачешь. Но передвигаться можно. Морозов пошел искать какую-нибудь клячу: как-никак расстояние около двадцати километров. В ближайшем же овражке лейтенант увидел довольно бодрого на вид гнедого со сбитой холкой. Он, очевидно соскучившийся по общению с людьми, без всякого сопротивления позволил надеть на себя недоуздок и стоял смирно, пока Морозов садился на него.

Ехал лейтенант очень долго. Добрался до берега Дона поздно. Светил молодой месяц. На прощание угостил коня корочкой хлеба и отпустил его. Сам же стал ходить по высокому берегу, размышляя, где бы переправиться утром через реку. К удивлению лейтенанта, конь пошел за ним.

— Ты мне больше не нужен, Гнедко,— сказал лейтенант коню, потрепав по гриве.— Гуляй себе в чистом поле.

Конь, словно поняв лейтенанта, отошел в сторону, стал щипать траву.

Завернувшись в плащ-палатку, Морозов устроился на ночлег в копне сена. Снилось родное село, площадь с каменистым взгорком — местом шумных мальчишеских игр. Скворешник на высоком шесте возле школы — деревянного домика под зеленой железной крышей с резным крыльцом. Еще что-то из детства приснилось...

Разбудила дальняя артиллерийская канонада. Утро. Морозов стряхнул плащ-палатку, пилоткой сбил мусор с гимнастерки и бридж, пошел к берегу реки. Остановился над кручей. Внизу сверкали на солнце воды Тихого Дона. За рекой лежала полоса желтого сыпучего песка, за песком — зеленели заросли камыша и тальника. Полоска зарослей небольшая, неширокая. Дальше — прибрежный лес. А за лесом на много верст тянулась донская степь, сливавшаяся с синим небом. У горизонта белели хаты станицы. Кроме Морозова у кручи бродил какой-то боец.

Его походка показалась лейтенанту знакомой. Да это же Ушаков! Связист. Он любил рассказывать бойцам о свадьбе, на которой его угостили кагором. А до этого он был убежден, что на свете есть лишь один хмельной напиток — самогон. Заметив Морозова, Ушаков указал рукой на противоположный берег. Там солдат полоскал в воде обмундирование, старательно выкручивая его. Рядом виднелась полузатонувшая пушка. Закончив стирку, солдат стал развешивать на кустах свою одежду.

Ушаков крикнул басом:

— Эй, приятель, ты меня слышишь?

— Слышу!

В это утро воздух имел повышенную звукопроницаемость. Эхо раскатисто повторяло человеческий голос.

— Кто ты, командир или рядовой?— спросил Ушаков.

— Рядовой.

— Вас там много?

— Нас здесь мало!

Голос на том берегу тоже знакомый! Ну конечно же, это каптенармус Чупырин. А вот по песку бредет батальонный драматург Николай Огородников. Правильно говорят: гора с горой не сходится, а боец с бойцом всегда могут встретиться. Тем более, когда они идут на передовую.

Морозов тоже крикнул несколько смешных словечек и услышал ясный и четкий ответ. Чистоплотный Чупырин, подававший свой голос из-за реки, посоветовал идти правее, где есть лодка. Не мешкая, отправились на поиски. И действительно, вскоре под глинистым обрывом около хутора Большой Колдаиров у капустных огородов лейтенант увидел рассохшийся баркас. У баркаса собралось несколько солдат. В основном — бойцы 205-й. Кое-как заткнули дыры и спустили суденышко на воду. Баркас сидел низко, в щели пробивалась вода, и Морозов опасался, что посудина затонет. Плыл с замирающим сердцем. За себя не тревожился — он умел плавать, но среди бойцов были и такие, которые сразу же пойдут на дно.

До берега — рукой подать. Ветер слегка рябил воду. Совсем мелко. Услышали жесткий шорох под днищем. Страх исчез. Раздались радостные возгласы:

— Приплыли!

— Наше счастье!

Дружным рывком выволокли баркас на сухое место. Он выручил бойцов, пригодится и другим. В этой груп-

пке, кроме Морозова, офицеров не оказалось. Лейтенант выстроил ее в цепочку, и они, выбравшись из прибрежного песка, побрели гуськом по лесистой пойме. Скоро нашли своих. На лесной полянке, заросшей хмелем и ежевикой, расположилось сотни полторы курсантов. Это — все, что осталось от учебного батальона... Чуть больше месяца назад их насчитывалось девятьсот.

Под деревом, у разобранного «максима», что-то втолковывал курсантам командир роты Гусаров — легкий, в начищенных сапогах. Под кустом спали, положив под головы надерганной травы, Петр Маклаков и его второй номер. Лейтенант видел Петра в бою под Перекопкой. Храбрый парень. Ему восемнадцать лет, на фронт пошел добровольцем, расставшись со своим ремесленным училищем в Кадиевке.

Батальон, оказывается, сохранил противотанковую пушку. Ее окопали и замаскировали ветками и травой. Ту самую пушку, без прицельного приспособления. Кое-где вырыли щели. В сторонке бойцы соорудили блиндаж для комбата. Лейтенанту показали место, где оборудован командный пункт сороковой дивизии.

— Вон там, в километре от станицы. Справа, у тополей под бугром,— пояснил офицер, присланный из штаба этой дивизии. С ним пришел телефонист — боец. Телефонист работал с проводом возле блиндажа командного пункта учбата. На его плечах ладно лежала бежевая гимнастерка с голубыми петлицами. В петлицах блестели эмблемы — металлические белые крылышки. Лейтенант заметил татуировку на руке бойца: «Проша».

— Его имя «Прокопий», мы же зовем его «Прошá», с ударением на последней гласной, по-французски,— с гордостью пояснил офицер.

— Это за какие же заслуги?

— Тут у нас целая «история с географией». Во-первых, Прокопий был лучшим десантником...

— Не таким уж и лучшим,— смутился боец.

— Лучшим, безусловно. Мы почти все — вятичи, наш десантный корпус там формировался, это позже нас переименовали в гвардейскую дивизию. Прыгали с самолета «Ли-2». Вы знаете, наверное, что это очень быстроходная машина. Ого-го! Скорость у нее немалая, ну и динамический удар после открытия купола — тоже большой. Многие бойцы чувствовали себя перед прыжком с этого само-

лета, надо прямо сказать, неважнецки. Поэтому начинали с добровольцев.

— Записываю, кто полетит первым?— спросил инструктор.— Прошу!

Прокопий заволновался:

— Я не возражаю.

— Имя?

— Но вы же меня назвали и записали.

Вокруг раздался смех:

— Давай, Проша! Жми вперед. Прошу в список.

Инструктора это тоже развеселило. Его слово «прошу», было понято, как «Прошу».

— Ну, и как он прыгнул?— поинтересовался Морозов.

— Неплохо. Держался хорошо, лицо спокойное. Вспыхнул красный сигнал: «Приготовиться!» Вслед — зеленый. Команда: «Пошел!» Быстро, без малейшей заминки все покинули самолет. Спросили его на земле: «Что чувствовал в воздухе?» «Ничего,— ответил Прокопий.— Быстрей бы следующий прыжок».

Морозов сидел на влажной куче земли, прикрытой травой. Землю только-только выбросили из траншеи, она еще хранила прохладу. Паренек-связист закончил свою работу. Убедившись, что связь действует, подсел к беседующим. Молча стал сооружать самокрутку, собираясь закурить.

Офицер продолжал:

— Мы обучались, не зная, где нам придется драться с фашистами. И вдруг Прокопий узнает: в Африке. Во Французской Африке. На вещевые склады в корпус привезли новое обмундирование из хлопчатобумажной ткани желтого цвета. Под цвет пустыни. Многих солдат и офицеров одели в эту форму. А Прокопию не досталось. Он побежал к комиссару: как это так?! Других посылают в Африку помогать союзникам в войне против немцев. А его почему-то не берут. Комиссар Павел Иванович Черенков развеселился. Спросил Прошу: помнишь стихотворение Киплинга:

— «День- ночь-день-ночь,— мы идем по Африке»...

Проша кончал десятилетку. Киплинга тоже читал. «Маугли». Но пришел от комиссара ни с чем. Комиссар рассказал, что союзнички очухались и от нашей помощи отказываются.

— Готовься к боям на родной земле,— сказал комис-

сар.— Обойдемся без Африки. Форму песочного цвета выдадим, кстати, и связистам.

Во взводе его друзья-связисты сразу же узнали, чего домогался Прокопий. И с того самого случая стали называть его «Проша́». С ударением на последнем «а». На французский манер...

Вечером того же дня Семенов вместе со своим начальником штаба Морозовым отправился к генералу Пастревичу. Там застал других командиров — минометчиков, артиллеристов. Генерал, ознакомив с обстановкой, указал место, где будут позиции учебного батальона 205-й.

Пастревич — белорус, вместо «я» произносит «а», у него получаются слова «прамо», «парадок». В нем угадывался офицер решительный.

Комдив сказал, что учебный батальон должен атаковать фашистов, и назначил атаку на утро. В артподготовке должны были участвовать артиллерийские и минометные части, стоявшие за Доном, в том числе установки «катюш». Там же согласовали с их командирами график огня. От артиллеристов узнали, что станица Сиротинская врагом превращена уже в крупный опорный пункт.

Но это — довольно общие сведения. Перед атакой надо уточнить данные. Взять «языка».

V

Августовская ночь.

Падали звезды.

...Итак, надо было организовать разведку. За это дело взялся сам комбат. Он подобрал двенадцать ребят, в основном добровольцев, во главе поставил молодого паренька — лейтенанта Мишу Пурикова. Морозов для них нарисовал схему маршрута, наметив места, которые требовалось разведать получше. Бойцов хорошо экипировали. Рассчитывали, что вся операция по разведке займет часа три.

Сиротинская примыкала к самому Дону. Дальше этой станицы немцы не пошли. Фашисты разместились вверху, на буграх, а учебный батальон внизу. Раньше в этом месте около Дона был затон, отделенный от реки косою. Теперь на его месте образовалось болото Колтук, поросшее осокой и багульником. Через эту точку и должны пробраться в станицу разведчики.

В полночь разведчики ушли. Ребята надежные. Лишь

один вызывал беспокойство — Гошка Пузыренко. В принципе он мог принести пользу. Крепкий, проворный. Но легкомысленный, и лейтенант с опозданием подумал, что сделана ошибка. Нельзя включать таких в разведвзвод.

Комбат прилег в блиндаже, надеясь вздремнуть, а Морозов развернул под палаткой карту, осветил ее фонариком... Карта, побывавшая в руках командира хотя бы двое-трое суток,— тот же дневник. А эту лейтенант носил еще с Ближней Перекопки. На ней оказалось много пометок, но в данный момент они его интересовали мало. Немой собеседник лейтенанта — полевая карта, должна рассказать о продвижении разведчиков. До мельчайших подробностей он увидел местность, увидел каждый их шаг. 1.30— они добрались до затона, шли по осоке; 1.40— они в пойме ручья Тележенка. Там много коровьих троп, которые уже привели ребят к мосту. Хотя немцы освещают местность ракетами, они, безусловно, не заметили наших. иначе изменился бы режим огня. Не исключено, что ребята благополучно миновали охраняемый фашистами мост.

Два часа ночи. Мысленно лейтенант продолжал воссоздавать картину. Разведчики в густом мраке уже пробирались по улицам. Ползли, прячась за плетнями и заборами. Через каждые две-три минуты замирали, зорко всматриваясь в темноту. Теперь ребята уже добрались до машинно-тракторной станции. Днем здесь стояли танки, орудия, автомашины.

Из станицы доносился злой лай собак, вызывавший смутную тревогу. Морозов пристально вглядывался в схему маршрута. Вот ребята поравнялись с мельницей. Где-то там должен проходить кабель немецкого полевого телефона. Стоит только его перерезать, дождаться связиста и сцапать его.

Морозову зримо представлялись действия бойцов по захвату «языка». И только звуки выстрелов заставили его бросить карту. В станице взорвалось несколько гранат, часто-часто затрещали автоматы. Стреляли шмайсеры. Наши не отвечали. По инструкции. Разведчики не должны вести бой, они обязаны ускользнуть из ловушки. Взорвались гранаты. Вот уже послышались и очереди наших ППШ. Что-то произошло. По станице заметался белый клин прожектора.

Минут через двадцать на КП появились два разведчика — сержант Зиночкин и красноармеец из пулеметной

роты. Обмундирование на обоих изодрано, в крови. Пулеметчик говорить не мог, из-за контузии правое веко у него дергалось. Рассказывал Зиночкин. Произошло непоправимое. Разведчикам сначала повезло, они наткнулись на грузовик, в кабине которого спал немец. Скрутили ему руки, забили кляпом рот. Стали осторожно возвращаться, приотстал Гошка Пузыренко.

Сначала он обшарил немецкую повозку. Взял немецкую солдатскую куртку. Заинтересовала его мина в деревянном корпусе. Зашикали на него: «Для чего это нам?» Отвечает: «Покажем комбату». Еле оттащили от повозки! Скоро, однако, им обуяло новое любопытство. Он забрался в огород, стал рвать помидоры и огурцы, засовывая их за пазуху. Возню в огороде услышал, а может, и заметил немец — патруль или часовой. Он заорал и выстрелил из ракетницы. Затем выбежал на середину улицы, держа обеими руками шмайсер, готовый дать очередь. Командир взвода гранатой прикончил фашиста. Но поднялся переполох.

Разведчики не дотащили до окопов немца-шофера. В живот ему угодила шальная пуля. Сняли с него непромокаемую куртку. Она-то и имела некоторую ценность. В солдатской книжке фашиста, найденной в куртке, был записан номер эсэсовского панцирного батальона. Разведчики и сами видели много грузовиков, тягачей, повозок. Можно было предположить, что в станице находилось больше полка фашистов. Несколько немецких танков расположились для ведения огня прямой наводкой.

Семенов, крайне расстроенный тем, что половина взвода погибла, находясь в разведке, доложил об этом Пастревичу.

Генерал ответил:

— Другой раз будете знать, кого можно посылать в разведку, а кого — нельзя. Довольствуйтесь сведениями, которые добыли. В пять ноль-ноль атака. Вы слышите?

— Есть атаковать врага!

Положив трубку на рычаг, Семенов выругался:

— Хорош «парадок» — целая дивизия прохлаждается в окопах, а наш общипанный батальон должен идти в атаку. Против такой силы. Какой смысл?

— Я тоже об этом думаю,— произнес Морозов.

— И до чего же ты додумался?

— Наверное, тактика. Военная хитрость. Возможно, нам отвели такую роль: действовать фашистам на нервы.

Другого смысла не вижу. А для дивизии время наступит потом.

Семенов чертыхался еще с полчаса.

В небе расцвели огоньки. Красные. Синие. Зеленые. Это сигнал для начала артподготовки. За Доном взвыли гвардейские минометы, «адские машины». По сиреневому небу в сторону Сиротинской пронеслись огненные струи. Дружно ударили батареи тяжелой ствольной артиллерии.

Фашисты ответили огнем своих пушек.

Следуя за огневым валом, курсанты пошли в атаку. Перебегая с рубежа на рубеж, они быстро преодолели болотистую низину, стали карабкаться по крутому глинистому откосу, над которым начинались улицы станицы. Сопротивления здесь не встретили — немецкие окопы накрыты огнем смертоносных «катюш».

Стрелковые роты гнали немцев метров триста. На пути лейтенанта Морозова оказалась контора МТС. С чердака бил немец-автоматчик. Надо его уничтожить. Офицер по куче дров забрался на чердак и бросил туда гранаты.

В рядах атакующих появились комбат, командиры и политруки. Раздалось дружное «ура!» Чупырин, стреляя на ходу, кричал:

— Отступают, сволочи! Смотрите — бегут!

— Так им, паразитам!

Фашисты, знавшие до того лишь дорогу вперед, в самом деле драпали. Яростно нахлестывая лошадей, фашистские обозники гнали из станицы свои фургоны. Их обстреляли из минометов. Какой-то перепуганный гитлеровец со своим фургоном, подхлестывая лошадей шенкелями и длинной хворостиной, понесся к нашим цепям. Курсанты прижались к стенам домов. Под колеса фургона полетели гранаты.

Но вот немцы опомнились. Из поймы Тележанки выползли вражеские танки. Один, другой, третий... Под их прикрытием около ста фашистов пошли в контратаку. Отстреливаясь, курсанты стали отходить. Оставлены последние дома. Головной немецкий танк прорвался даже в низину. Но завяз в трясине. Танкиста, пытавшегося выбраться из люка машины, застрелили. По танку стала бить наша «сорокопятка». Несколько снарядов и мин, попав в болото, взметнули столбы грязи.

Перебравшись через болото, бойцы закрепились в щелях, открыли огонь. Маклаков бил из «максима».

Сплошная завеса остановила фашистов. Вражеские цепи стали редеть. Фашисты попятились. Курсанты хорошо видели, как один ретивый гитлеровец пытался организовать контратаку. Ветер доносил крики:

— Шнель! Шнель!

Семенов взял из рук курсанта винтовку, прицелился, нажал на спуск. Гитлеровец споткнулся и пропал в траве. Около комбата пули подняли фонтанчики пыли. Перестрелка продолжалась еще полчаса.

Немцы подобрали труп офицера и скрылись за бугром.

Днем комбата и начальника штаба вызвал комдив Пастревич. Войдя в землянку генерала, они обратили внимание на то, что гвардейцы устроили своего командира с известным комфортом. Прохладное помещение со стенами в деревянной обшивке неплохо освещено. Здесь чисто, около складной кровати на столике мигал огоньками радиоприемник. Там же лежала карта, придавленная набором разноцветных карандашей. На стене — картонка. На ней наклеен список снайперов. Против каждой фамилии — число уничтоженных гитлеровцев. Цифры большие. Снайперы повсюду. Только покажется фашист — пуля! Рядом в штабном блиндаже — самовар. Оттуда пришел ординарец с посудой. Угостив прибывших чаем с сахаром, генерал спросил:

— Что у вас?

— У немцев убитых не меньше двухсот солдат и офицеров. Один их танк попал в болото,— доложил Семенов.

Пастревич поднял на нас серые сузившиеся глаза:

— Ваши потери?

— Тридцать человек. Осталось сто двадцать активных штыков.

— Что ж, и это сила! Если учесть, что в резерве у вас... гвардейская дивизия. Атаку следует повторить.

— Теперь будет труднее.

— Понимаю,— серьезно сказал генерал.— Но —надо!

На флангах — у церкви и близ водокачки — у немцев оказалось столько пулеметов и минометов, что продвигаться во время новой атаки не было никакой возможности. Курсантов встретил сплошной огонь. Жестокий бой шел у ремонтных мастерских, куда пробился один взвод. Остальные подразделения, прижатые к земле, принуждены были ползти на исходный рубеж.

На исходе дня вновь пришел приказ — атаковать немцев. Вновь началась атака. И вновь она захлебнулась.

Ночью, у старой засохшей вербы, где располагался КП, состоялось короткое совещание. В нем участвовали комбат, его заместители, офицеры-артиллеристы.

Приказ учбату: утром предпринять новую атаку.

Комиссар дивизии Черенков, присутствовавший на собрании, сообщил, что на этот раз с учбатом в штурме Сиротинской будет участвовать стрелковая рота из состава гвардейской дивизии. Рота имела полную штатную численность. И больше, чем в учбате, автоматов.

Наступил рассвет. Как и накануне, грозно ревели батареи за Доном. Неслись по небу снаряды с яркими огненными хвостами. Станицу закрывал черно-красный смерч разрывов. Курсанты и гвардейцы бросились в атаку. Учбат занял вражеские окопы у похожей на форт церкви. Возле типографии гвардейцы разгромили вражеский опорный пункт, подорвали зарытый в землю танк. Закипела ожесточенная перестрелка. На улицах, во дворах, на огородах.

Немцы все же не оставили станицу. Они ввели в бой эсэсовский танковый батальон и опрокинули атакующих.

Потом были еще и еще попытки взять Сиротинскую.

Курсанты отчаянно бросались на плюющие смертью холмы, атакуя врага в разное время суток: на рассвете и днем, в сумерках и ночью. Были и пятая атака, и шестая, и седьмая, и, наконец, восьмая...

Фашисты, разумеется, раскусили, в чем дело и с кем они сражаются. Они хорошо закрепились. И больше курсантам не удалось достигнуть тех рубежей, которых они достигли в первых атаках. Немцы пристреляли каждую кочку и сметали огнем все живое. В последнюю атаку идти было некому. Тогда комбат собрал писарей, ездовых, поваров, каптеров и сам пошел с ними штурмовать немецкие позиции. В этом бою осколком мины Семенов получил ранение в голову. Его отправили на пункт медицинской помощи гвардейской дивизии. Курсанты надеялись, что он вернется в батальон. Он не вернулся. Очевидно, рана была серьезной.

Старшим в батальоне оказался Морозов. Оставалось ждать новых приказов. Рано утром, после восьмой атаки, когда пули скосили почти всех поднявшихся в атаку, командир дивизии прибыл в лес, на берег Дона. Он глянул в стереотрубу, осмотрел позиции. На холмах бурела нескошенная трава. Ветер нес оттуда терпкий, горелый запах. Над лесом носились стаи ворон. Генерал собрал курсантов, поблагодарил за храбрость.

— Вы знаете, что фашисты уже далеко за Доном, чуть ли не на тракторном заводе?— спросил он, взглянув на них чуть исподлобья.— Вы много сделали. Теперь Сиротинской займемся мы. А вас приказано отправить в отдел кадров армии.

— Желаем боевого счастья, товарищ гвардии генерал-майор!

— Спасибо!

В овражке дымило. Саакян варил крапивный борщ с кониной. В последний раз.

По строевой записке в учбате оставалось всего тридцать девять курсантов. Это были бойцы, предельно уставшие, измотанные, потерявшие представление о времени. В строю оставалось и пятеро легкораненых, не пожелавших оставить батальон. Из двух санитарных двуколок одну выделили им. Морозова знобило, уже сутки находился в жару. У лейтенанта Детковского, бывшего старшины-сверхсрочника, в волосах появилась седина. Он потерял и последние остатки своей роты.

Морозов не помнил, как долго приводили себя в порядок курсанты, прежде чем отправиться в путь. Некоторые пытались побриться, кое-кто чистил оружие и обмундирование. Надо было завтракать, но мясо и хлеб застревали в горле.

На плацдарме в малой излучине нарастал шум новых боёв.

VI

В центре Сталинградского фронта 22 августа, в тот день, когда Морозов и его курсанты простились с генералом А. И. Пастревичем, перешла в наступление 1-я гвардейская армия. К 28 августа части этой армии несколько расширили плацдарм и вышли на рубеж Перекопка — балка Сухая Перекопка — Камышинская — Сиротинская. Командующий фронтом, не имея сил и средств для усиления армии, приказал ей перейти к обороне на достигнутом рубеже. Здесь образовался стратегический фланг противника, сильно растянутый и уязвимый.

Так сложилась обстановка к концу августа, когда 205-я дальневосточная дивизия, почти полностью полегшая на полях между Ближней Перекопкой и Сиротинской, перестала существовать.

Глава восьмая

РОЖДЕНИЕ ТИТАНОВ

I

Позже подсчитали, сколько времени продолжались бои на том или ином участке фронта, где и какой силы бушевало пламя сражений. Считается, что Сталинградская битва началась для нас обороной на реке Чир и закончилась штурмом Мамаева кургана и городских кварталов у Соляной пристани и близ привокзальной площади. Значит, битва продолжалась не меньше двухсот суток, и поэтому биографы Василевского говорят о них, как о времени, когда он слил свои волю и мысль полководца с мужеством, храбростью и умом сотен тысяч воинов-сталинградцев, действовавших по тщательно разработанному Ставкой плану разгрома паулюсовских войск.

Примечательно, что для зашифровки этого плана было взято, может быть, случайно, слово «Уран». А со временем оно приобрело известный оттенок: в своих мифах древние греки выражали поклонение Урану — богу неба, отцу титанов.

В двадцатом веке мало кого интересуют греческие мифы, но, когда для достижения благородных целей люди прилагают усилия, превосходящие обычные человеческие возможности, их действия проходят по категории титанических.

В те дни и ночи ратный труд всех, начиная от рядового в сталинградских окопах и кончая генералами и маршалами, был поистине титаническим. Никаким другим словом так точно не определишь труд Василевского, начальника Генерального штаба,— он все время, за исключением коротких выездов в Москву на доклад в Ставку, находился в огне сражений.

Солдатом его сделало чувство долга; профессиональным военным он сделал себя сам.

Он относился к числу людей мужественных и талантливых. От рождения, от воспитания. Что такое талант? Это — постоянная работа над собой, это — в высшей степени развитое чувство современности. Военные таланты раскрываются в особых обстоятельствах. Талант Василевского раскрылся потому, что этого требовало время, что он сам был к этому устремлен. Что касается «благоприятных обстоятельств», то понятие это относительное.

Сам Василевский говорил: «Дело в том, что все мы мобилизованы социалистической революцией. Сколько талантов она породила! Высшая ее гордость: прославленные военачальники — выходцы из гущи народа. Жуков — из бедной крестьянской семьи, Конев — крестьянский сын, работал на лесопильном заводе, Рокоссовский — сын машиниста, Еременко — из крестьян-бедняков, Баграмян — сын железнодорожного рабочего, Ватутин — из крестьян, Малиновский — сын кухарки».

К этим именам надо добавить имя самого Василевского. Его путь в Красную Армию во многом был обычным для военной интеллигенции его поколения.

Он родился на Средней Волге, в семье сельского священника. Семья была многодетной, жила бедно. Приход не кормил. Жили, в основном, за счет своего труда —работали в поле, на огороде, ухаживали за поросятами, коровой, стирали... Учился Саша в Костроме, в духовной семинарии. Семинария давала право стать учителем, и он мечтал, окончив курс, пойти работать в школу, учить грамоте деревенских детей. Привлекали его внимание идеи естествоиспытателей-дарвинистов, бунтарство студентов-тимирязевцев. И, наверное, быть бы Александру Василевскому в конце-концов агрономом, если бы не разразилась первая мировая война. Юный семинарист Саша Василевский тогда еще не знал о тяжелой изнанке войны, не ведал и об истинных ее целях, но всеми помыслами он был с теми, кто оказался на театре военных действий, с

теми, кто освобождал Галицию, с оружием в руках сражался с превосходящими силами кайзера на полях Восточной Пруссии. Лозунги о защите отечества захватили его. Он решил идти на фронт добровольцем. Среди однокашников, после сдачи экзаменов зачисленных в армию, был и Александр Василевский. Его направляют для ускоренной офицерской подготовки в Александровское военное училище. Преподавание там велось в то время наспех, дурно, но Василевский этого не замечал, как не замечал системы мелочных, угнетающих обязанностей. Он находит здесь много привлекательного.

Юнкер Василевский не знал тогда, что ждёт великую Россию, но он верил в ее будущее, в ее звезду. А это будущее, русскую землю необходимо защищать. В стенах Красных казарм, в Лефортово, где располагалось училище, он старательно штудировал уставы, наставления по стрелковому, артиллерийскому делу, по фортификации. Добираясь до сути русской науки побеждать, Василевский пытался работать сверх учебной программы — читал и осмысливал заповеди Суворова, Кутузова, Драгомирова. Он убедился, что на успех может рассчитывать лишь командир знающий; он должен обладать такими чертами характера, как самостоятельность, уверенность в своих силах, выдержка, дисциплинированность. Из семьи он вынес кредо: будь трудолюбив, гони от себя прочь ленивых и нерадивых! Душой и сердцем он вжился в воинскую среду.

Молодые прапорщики, а вместе с ними и Василевский, закончив программу обучения, оставили училище и отправились на войну, в самое её пекло.

Попав на фронт, Василевский, командуя полуротой, храбро и мужественно сражался в Карпатах и при взятии Черновиц. Он приобрел репутацию весьма требовательного офицера. Один за другим следовали повышения. Вскоре стал командиром пехотного батальона. Его произвели в чин штабс-капитана. Командир корпуса, человек большой личной храбрости, повстречав в окопах молодого комбата, не сдержался, обнял его и произнес: «Еще два года войны, и все вчерашние пропорщики станут у нас генералами». Между тем в стране назревал революционный взрыв. И он разразился, разрушив твердыни царского режима.

«Падение монархии я встретил с энтузиазмом,— вспоминал впоследствии Василевский.— Теперь мне каза-

лось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую — те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет! — отвечал я сам себе».

Солдаты митинговали, требуя быстрейшего окончания опостылевшей им, несправедливой войны. И Василевский понял, что ничто теперь не задержит их в грязных, сырых окопах. Расстроенная и обескровленная армия стала разваливаться. «Самое разумное сейчас — оставить военную службу», — решает Василевский. В конце ноября семнадцатого года он сдал оружие и уволился в бессрочный отпуск.

Он спешил домой, где его ждали родные — отец, мать, братья и сестры, село, где прошло его детство.

Отец встретил его словами:

— Заждались тебя, Александр, в прах. Вишь ты какой обветренный, с загрубелой кожей, в морщинах. Не дай господь...

Александр был рад. Ну что ж, не поздно начать и с нуля. Его пригласили работать в сельскую школу. Работая учителем, он занимался и со взрослыми, рассказывал им, как очевидец, о войне, о революции. Пришлось ему вести работу и инструктора всеобуча. Уроки естествознания он проводил с ребятами в поле и в лесу, часами блуждая с ними по знакомым пашням и перелескам. Деревья источали густой пряный аромат, который перебивался горьким запахом взрывчатки и гари. Повсюду вспыхивали кулацкие мятежи, разгоралась война, — теперь уже война гражданская. Учительствовать пришлось недолго.

Начинается формирование кадровой Красной Армии. Уездный военкомат призвал на службу и учителя, бывшего штабс-капитана Александра Василевского. Он становится красным командиром. Теперь его путь прям и ясен — служить молодой народной власти.

Сначала учил новобранцев в запасном полку, а потом участвовал в ожесточенных боях против деникинских войск, белополяков и кулацких банд.

Как это часто случается на войне, иногда нелепый случай, лихорадя часть и в целом воинское формирование, лихорадил и людей.

Василевскому навсегда запомнился драматический

день — это произошло на Польском фронте, под Волковыском: он вдруг получил приказ — взять в свое подчинение полк и почти тут же оказался смещенным с этой должности и направлен... в тот же полк командиром взвода. Остаток дня и еще несколько дней Василевский с этим своим взводом оборонял позицию, отбивая упорные вражеские наскоки. После этого с ним обошлись милостиво и сообщили, что сожалеют о недоразумении и представляют его к ордену Красного Знамени.

Так приобретался «полковой опыт».

— Сложны порой военные пути и перепутья! — отзывался много времени спустя об этом эпизоде Василевский. И признавался, что, попадая в подобные переделки, бывал «крайне удивленным и взволнованным».

Краском Василевский научился спокойно, без обиды и паники переносить невзгоды и в лихолетье, и в мирные дни. Двенадцать лет жизни и труда в одной дивизии, переводы из полка в полк, служба на всевозможных должностях — это стало хорошей школой. Никто лучше Василевского не знал, чем живет в казарме солдат, каковы его чаяния и запросы. Что касается ротного или батальонного хозяйства — то он был в этой сфере настоящим «профессором». Самые интересные и богатые по содержанию и насыщенности расписания занятий в ротах принадлежали перу Василевского. Любимыми его книгами в это время по прежнему были труды по истории и военному искусству.

Естественным и закономерным был перевод Василевского на штабную службу. В штабах всегда нужны сведущие, рассудительные люди, умеющие учить, советовать, наставлять. Его опыт и знания оценили по достоинству, определив на работу в управление боевой подготовки советских вооруженных сил. Это время отмечено большими переменами в организации и вооружении войск.

Как и другие командиры, работавшие в управлении, он часто и с большим желанием выезжал в войска для проверки хода боевой учебы, выявляя ее сильные и слабые стороны; нередко он тут же проводил для командного состава показательные занятия, отрабатывая новые методы ведения общевойскового боя, совершенствуя методику обучения войск. В клеточках организма нашей армии, в ее тактических звеньях стал действовать, набирать силу суворовский принцип: «Солдат любит ученье лишь коротко и с толком. Тяжело в ученье — легко в походе; легко

в ученье — тяжело в походе». На ученьях проверялись на практике подготавливаемые боевые уставы и специальные наставления для родов войск. Василевский активно участвовал в разработке уставов для общевойсковых соединений, до стрелкового и кавалерийского корпуса включительно.

Дел у него хватало, но на него возложили еще и редактирование весьма важных для армии изданий — «Бюллетеня боевой подготовки» и журнала «Военный вестник».

В Академии Генерального штаба, куда он по первому набору принят был слушателем, судьба сводит его с выдающимися учеными, знатоками теории военного дела. По оперативному и стратегическому искусству он слушал лекции Тухачевского, Карбышева, Егорова.

Блестяще окончив Академию, Василевский возвращается на работу в Генштаб. Некоторое время он возглавлял отделение оперативной подготовки, а затем работал непосредственно в оперативном управлении. Началась его совместная работа с Борисом Михайловичем Шапошниковым, человеком, занявшим столь видное место в плеяде советских стратегов.

В Генштабе, на посту заместителя начальника Оперативного управления, Василевский встретил начало войны против гитлеровских захватчиков. Он непосредственно участвовал в разработке плана отражения гитлеровской агрессии.

Штабная работа — это в основном аналитическая и организаторская работа. Она — безграничная выдержка, терпение, человеческая самоотверженность, от которой нередко зависят судьбы огромных масс сражающихся. Программировать действия тысяч людей и учить их — это и есть штабная служба в том виде, в котором она и должна существовать. Работа здесь закаляет людей, вынуждая даже в самые критические моменты находить в себе какие-то запасы инициативы и энергии.

Победа в Московской битве показала эффективность гибких решений. Тогда наши военачальники сумели быстро перебросить под столицу маршевые пополнения — целых пять армий. Выдвинутые на фланги, они приняли участие в нанесении контрудара. На других участках советско-германского фронта, на тихвинском и ростовском направлениях, успешно проводились ло-

кальные операции. Бои велись решительно, они были маневренными, командование умело прибегало к массированию сил, проявляя стремление громить врага путем его охвата. Немецко-фашистское командование вынуждено было пересмотреть все свои планы. Расчеты врага на то, что после первых же неудач Красная Армия развалится, не оправдались.

II

Еще шли оборонительные бои, а некоторые наши генералы уже прикидывали, как полностью разгромить врага. Появились теоретики вроде начальника штаба одной из армий Петренко. Василевский согласился выслушать его доклад об обстановке, хотя к словам и заверениям Петренко относился с некоторой осторожностью.

Василевский помнил характеристику, данную Комфронта генералу Петренко. Комфронта уважал его, считал самородком, но излишне самоуверенным. Случалось, Петренко грозился фашистам, но его кулаки оставались в карманах. Помнил, что когда-то Петренко явно переоценил свои возможности в боях с танковой дивизией генерала Бесслера, обещая разбить «этого подлеца». Но сообщений о разгроме дивизии не последовало.

Закончив доклад, Петренко спросил:

— Можно высказать некоторые соображения?

«Началось»,— подумал Василевский. С Петренко беседовать — одно удовольствие, было бы время. Любил генерал абстрактно теоретизировать!

— Говори, Александр Иванович.

— Речь поведу о будущих операциях,— промолвил в ответ генерал Петренко.— Нынешнего Паулюса мы называем «зайцем на привязи».

— Вы не оговорились? Заяц?

Петренко поправил сказанное:

— Ну, волк... Мы с ним расправимся.

— Так вот, дай бог, чтобы наш теленок волка съел.

Он вдруг начал излагать Василевскому теорию глубокой операции. Эта теория, безусловно, давала ответ на вопросы применения войск, оснащенных боевой современной техникой. Он стал доказывать, что теория глубокой операции становится особенно актуальной здесь, в междуречье Дона и Волги, когда, по его словам, «следовало обеспечить полный разгром банд Паулюса» с одновремен-

ным подавлением обороны противника на всю ее глубину.

— Спорить не намерен,— сказал ему Александр Михайлович.— Это аксиома: применением артиллерии, танковых частей и авиации должен обеспечиваться прорыв обороны, выход на оперативный простор и во вражеский тыл. Есть еще оправдавшая себя тактическая теория общевойскового глубокого боя, преимущественно наступательного — теория прорыва и надежного поражения противостоящего противника. Без этого теория глубокой операции пустая фраза. Ваши рассуждения, действительно, применимы к «бандам Махно» и «бандам Паулюса». Но это банды разного сорта.

Генералу Петренко хотелось продолжать разговор в таком же плане, сказать, что он разбирается в сортах — у атамана воинство было пожиже, и он обходился без радиостанций, а тут — наоборот. Но по тону реплики он чувствовал, что Александр Михайлович видит и осуждает оторванность беседы от реальности. На это времени не стоило тратить.

— Поясните мне, пожалуйста, как вы это мыслите применить здесь, в этой степи?

— На практике?— переспросил Петренко.

— Ну, разумеется. Сами понимаете, что здесь не академия, где вам доводилось учиться, и где теоретические выкладки были нужны для оценки в ведомости.

— Вы не склонны меня слушать, потому что у вас есть вопросы?— с оттенком обиды произнес Петренко.

— Да,— не стал уклоняться Василевский.— Теория глубокой операции в данный момент не слишком злободневна. Лучше давайте поговорим о ненормальностях в тактике. Я сплошь и рядом вижу, что командиры дивизий все еще шаблонно ведут бои и несут неоправданные потери и теряют управление. Почему? Вы запросили побольше гвардейских минометов, «катюш», как их называют солдаты, но в степной местности они служат для немецких самолетов прекрасным объектом для уничтожения. И сгорело их уже немало. Надо бы подумать, при каком стечении обстоятельств целесообразнее использовать эти самые эрэсы? Где место командующего армией в ходе наступательной операции? Что нужно сделать для обеспечения бесперебойной связи между командными пунктами армии, дивизий и полков? Как лучше организовать в данное время взаимодействие между артиллерией, авиацией и стрелковыми частями? Как обеспечить твердое

и надежное управление? Мы его часто теряем. Что ж еще конкретно можно сделать для спасения города? Место, где был город, теперь превратилось в огромный костер. Положение сложилось отчаянное. Врагу удалось севернее города выйти к самой Волге.

Петренко минуту молчал. Потом заговорил. Он стал самим собою — не теоретиком, способным давать заумные обобщения и такие же выводы, а обыкновенным генералом, умеющим воевать. Он по-крестьянски закашлялся:

— Я хорошенько подумаю над вашими вопросами. Ответы в конце концов можно найти. Какие-нибудь правила для разных ситуаций выработаем. А насчет предстоящих боев я могу сказать одно: будем рисковать, Александр Михайлович! Бросим поводья и рванем вперед!

Сказано было от души!

III

Выход врага к Волге крайне встревожил всех.

Директива Ставки, адресованная руководителям обороны, гласила:

«У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запугать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте вовсю артиллерийские и эрэсовские силы... Самое главное — не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе».

Чтобы восстановить положение, принимается решение нанести по прорвавшимся с севера вражеским войскам контрудар. В эту операцию задействовали группу из трех стрелковых дивизий и танкового корпуса. Одновременно изготовились для нанесения удара 62-армия и два приданных ей танковых корпуса. Они ударили по немецкому коридору с юга. Но яростные атаки захлебнулись. Враг умело использовал захваченные им оборонительные сооружения, и советским войскам ликвидировать коридор не удалось. Потери с обеих сторон были тяжелыми.

Батальоны и полки иногда исчезали в огне после одной-единственной атаки.

Нужны были не «дымы» и «бронепоезда». У фашистов имелось значительно больше броневых сил. Чтобы остановить врага, нам нужны были свежие танковые и авиационные соединения. Их-то в те дни у нас очень не хватало.

В начале сентября наши войска, теснимые неприятелем, отошли еще дальше, на внутренний оборонительный обвод. Самый близкий к городу, этот рубеж протянулся на сорок пять километров вдоль заводских поселков и окраин.

На командных пунктах обороны появился генерал Жуков. Ставка ему телеграфировала:

«Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

...И еще дважды предпринималось контрнаступление. Результаты оказывались незначительными.

Фашисты отбивались и продолжали сами штурмовать, захватывая все новые рубежи.

Серое осеннее небо озаряли ослепительные вспышки, от горизонта и до горизонта. То била артиллерия. Дрожала земля. Ночи в сталинградской степи колебались между полным мраком и полным светом — так ярок был огонь пожаров и взрывов.

Перед каждым новым танковым прыжком немцы наносили массированные удары с воздуха. Образовался пролом на стыке армий Чуйкова и Шумилова. У нашего командования под рукой не оказалось достаточных сил, чтобы закрыть зияющую брешь.

Мотопехота врага овладела несколькими высотами господствующими над городом. И вот уже потеряны ключевые позиции на подступах к тракторному заводу. Враг упорно продвигался из авиагородка и поселка Гумрак в сторону Мамаева кургана.

Немцы с особенной ожесточенностью штурмовали позиции сталинградцев 13 и 14 сентября, а сутки спустя, во второй половине дня, захватили вокзал Сталинград-1.

Вражеские пулеметчики обосновались в Госбанке и доме специалистов.

Потом в районе Купоросное они сбросили обороняющихся в Волгу. Словно подковой охватил враг армию Чуйкова и прижал ее к реке.

За неделю боев городской вокзал переходил из рук в руки тринадцать раз, и только двадцать первого враг засел там цепко и надолго.

Кровопролитные схватки шли на Мамаевом кургане. К концу сентября фашисты удерживали захваченные ими позиции от речки Царицы до Купоросное, а севернее занимали половину Мамаева кургана. В центре вражеские штурмовые группы проникли к самой Волге.

Бои шли за каждое строение, за каждый камень. В те дни на советских позициях среди тысяч и тысяч опорных пунктов насмерть стояли бойцы, оборонявшие «Дом Павлова». Людей у сержанта Якова Павлова было мало. Это: русские Афанасьев и Александров, украинцы Андрей Сабгайда и Глущенко, грузины Мосиашвили и Степаношвили, узбеки Турганов и Файзерахман Рамазанов, казах Тулебай Мурзаев, таджик Мабалат Турдыев. Но они превратили выжженный внутри дом в неприступную крепость.

Жуков и Василевский то вместе, то в отдельности находились в районе боев. Они бывали на командных пунктах армий, в траншеях и окопах, на позициях артиллерийских батарей. Видели, что немецкое наступление слабеет, что ярость вражеских атак спадает. Они видели траншеи и блиндажи — некоторые плохо прикрытые, плохо замаскированные, видели мерзнувших бойцов в развалинах заводских корпусов, под осенним небом, под небом Сталинграда, свинцово-белесым и угольно-черным, иногда серым днем и ночью.

Никогда в жизни время не было таким тревожным, как здесь, на Волге. Часто Василевский смотрел на карты и думал, спрашивая себя: что еще планирует враг, удержится ли Родимцев, удержится ли Чуйков? Чуть ли не каждый день думал о доме на берегу, названном солдатской молвой «Домом Павлова». И еще ему доносили о «Доме Заболотного», о домах с другими именами, о храбрости бойцов гвардии капитана Кузнецова. Как угадать, на сколько времени хватит сил у этих маленьких гарнизонов, о стойкость которых разбиваются силы немцев? И у него тоже спрашивали: — Долго ли бу-

дут фашисты штурмовать эти кварталы? Нет ли признаков того, что немцы поняли наконец всю тщету своих усилий?

Такие признаки стали проявляться позже, а сейчас было видно, что немецкие генералы не оставили своих намерений продвигаться на юг в сторону Астрахани.

Сталинград стоял в сплошном громе, разрушаемый пожарами и бомбами. Гул уличных битв прокатывался от края до края, вдоль Волги и на обеих ее берегах. И часто нельзя было определить, кто и куда ведет огонь.

У каждого участника обороны был свой огонь и свой Сталинград. Для представителя Ставки Сталинградом были армии Чуйкова, Москаленко, Батова, Шумилова, дивизии Родимцева, Людникова, Батюка, Горишного, Гуртьева, Ермолкина, Желудева, Пастревича, Галая, Макаренко, батареи артиллерийские всех калибров, наблюдательные и командные пункты, где пищат полевые телефоны, идут непрерывные разговоры с теми, кто бодрствует в окопах или атакует врага, за спиной которых Сталинград — вся мука, вся радость, вся ярость его защитников — стрелков, минометчиков, саперов, артиллеристов, силы и воля которых нацелены к одному — отстоять Сталинград.

Показания пленных, характер операций врага теперь уже не давали сомнений: большая часть немецких войск перешла к обороне, дальше наступать они не в состоянии. Резервы у них на исходе.

И тогда в Ставке, штабах фронтов приступили к разработке плана сражения на зиму. Операция получила название, как мы уже говорили, «Уран».

IV

При взгляде на сталинградскую карту с нанесенной на нее обстановкой напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только бы радикально изменило положение в этом районе, но и привело бы к нарушению все еще активно действующего крыла вражеского фронта.

Сам Василевский так сформулировал суть нового стратегического замысла: «Из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озера Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам

втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы: 6-ю полевую и 4-ю танковую немецкие армии».

До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города.

После того как Ставка приняла предварительное решение на контрнаступление, Жуков и Василевский отправились на Волгу и Дон, чтобы на месте более тщательно и основательно изучить направления будущих ударов, всесторонне подготовить операцию.

В октябре Василевский в своей видавшей виды шинели не раз появлялся в штабах фронтов. Он изучал возможности наступательной операции. Его видели то в Серафимовиче, то в Бекетовке, в солдатских землянках, блиндажах, на переправах и полевых аэродромах. Он встречался и беседовал с бойцами, политработниками и командирами.

Он делал все, чтобы перед наступательной операцией успешно провести перегруппировку войск. Такая перегруппировка началась во второй половине октября. Создавались ударные группировки для действий на главных направлениях. При этом требовалось обеспечить максимальную сохранность военной тайны, скрытность подготовки.

Обращаясь с письменной директивой к штабам фронтов, чьи действия он координировал, Василевский требовал:

«Все маршруты совершать только ночью, располагая части на дневки в укрытых местах.

Для обмана противника дивизионные радиостанции до конца сосредоточения дивизий в новых районах оставить в занимаемых ныне местах и продолжать их работу после выхода дивизий в новые районы; радиостанции самостоятельно направить на присоединение к своим дивизиям. Связь во время маршей и в новых районах по радио не держать. В местах расположения дивизий, после ухода, оставлять впечатление пребывания их на месте.

Через органы НКВД принять меры к очищению от всех подозрительных людей районы расположения дивизий и пути их движения.

Никаких письменных распоряжений не давать и ограничиваться устными приказами».

Эту директиву Василевский подписал 25 октября 1942 года в 0 часов 00 минут.

Только за неделю до советского наступления немецкая наземная и воздушная разведка обнаружила усиленное передвижение советских войск. Штаб Паулюса из этого сделал вывод о том, что в скором времени следует ожидать наступательные операции против 3-й румынской армии. Не зная советских сил, Паулюс начал передислокацию в этот район 14-й танковой дивизии, оставив в городе автоматчиков и артиллеристов. Они продолжали уличные бои.

В это время в документах, написанных Жуковым и Василевским, появляется слово «переселение». Когда начинать? Ставка уполномачивала своих представителей на фронте решить этот вопрос по своему усмотрению. Получив сообщение от Жукова, что подготовка к «переселению» затруднена нехваткой авиации, Сталин немедленно реагировал:

«Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть в том случае, если имеем превосходство в воздухе».

В этой телеграмме он поставил перед авиаторами три задачи: сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска; пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск; преследовать отступающие войска путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Советы телеграмма содержала простые. Но Василевский был доволен — этот авторитетный документ давал право на дополнительное время, на подтягивание сил, отработку взаимодействия.

Анализ положения показал, что целесообразно начать наступление не в середине ноября, а позже. Василевский сообщает Жукову:

«Ваше указание о продлении срока на плюс три получено. Подготовку сильно затрудняет осложнившаяся обстановка на переправах. По Волге идет сплошной лед. Остро обстоит дело с подвозом боеприпасов и горючего».

Он называет номера танковых и механизированных частей, которые переправлены для 57-й армии, перечисляет различного назначения артиллерийские полки, которые еще не подошли. «Мною принимаются все меры к ускорению переброски всего необходимого на западном берегу»,—телеграфирует Василевский.

Наконец подготовка закончилась. Утром девятнадцатого ноября должны были по графику начать наступление Юго-Западный и Донской фронты, а на следующий день утром и Сталинградский фронт.

На позициях к этому времени стояли, готовые к открытию огня, 11. 500 орудий и минометов, 110 дивизионов реактивной артиллерии. В назначенные сроки они обрушили на врага смертоносный металл. Артиллерийская подготовка на Верхнем Дону длилась более часа.

«Переселение» началось.

V

Официальных сообщений о начавшейся крупной операции в первые дни в печать и на радио не давали. Совинформбюро, как и всегда, передавало обычные сводки о продолжающихся оборонительных боях. И только во вторник, 23 ноября, когда успех окончательно определился, дрогнувшим от волнения голосом Левитана московское радио возвестило: «В последний час. Успешное наступление наших войск в районе города Сталинграда».

Газета «Правда» вышла с передовой статьей «Будет и на нашей улице праздник».

«С чувством глубокой радости узнает советский народ об успешном наступлении наших войск в районе Сталинграда. Прорвав оборонительные линии противника, советские войска за три дня трудных, напряженных боев продвинулись на 60—70 километров. Заняты город Калач, расположенный западнее Сталинграда, на восточном берегу Дона, станция Кривомузгинская (Советск), станция и город Абганерово. Обе железные дороги, снабжающие войска противника, оказались прерванными.

Немецко-фашистские захватчики понесли серьезное поражение. Нашими войсками полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизии врага, нанесены большие потери семи вражеским пехотным, двум танковым и двум моторизованным дивизиям».

Во второй половине дня двадцать третьего Василевский направился на командный пункт 5-й танковой армии. Ей предстояло в ближайшие дни разгромить противника в районе Чернышевск — Морозовск — Тормосин. В дальнейшем она могла бы наступать на Тацинскую с выходом на реку Северский Донец.

Ехали по местам боев. До захода солнца оставалось немало времени, но видимость была плохая — на донскую степь лег туман настолько густой, что встречные машины неожиданно выплывали из молочной пелены и сразу же снова скрывались в ней. Василевский едва различал на них номерные знаки и нерусские надписи. Как на дымчатом экране медленно поползли навстречу трофейные пушки с длинными стволами.

Потом показалась нестройная толпа людей. Голова и хвост колонны затерялись во мгле. Казалось, что люди не идут, а топчутся на месте, приминая снежную дорогу. Прошли минута, две, пять, а сбоку от быстро несущейся машины маячила все еще цепь угрюмых людей.

Позже, когда рассеялся туман, Василевский ехал мимо еще таких же колонн и уже ясно видел растянувшиеся на несколько километров колонны пленных немцев, итальянцев, румынов.

Василевский со своими спутниками и охраной миновал несколько хуторов и станиц. Захламленные улицы, ни одного целого дома. Много разбитого оружия, ящиков из-под боеприпасов. Валяются сгоревшие танки, взорванные орудия, пристреленные лошади.

На окраине хуторка, приютившегося между холмами, в большой низине — неубранные трупы наших солдат и офицеров. Вся поляна усеяна трупами. Здесь не было огневых точек. Наверное, люди шли в атаку и были перебиты из пулеметных блиндажей, разместившихся где-то на склонах оврагов. Атакующие попали в огневую ловушку. Как это так, что никто не смог предостеречь их от ошибки?!

Неоправданная эта гибель людей огорчила Александра Михайловича. К рассвету, когда он уже возвратился в Серафимович, он почувствовал боль в груди. Но не лег отдыхать, а попробовал закрепить свои мысли на бумаге, мысли, возникшие там, в степной низине, усеянной убитыми солдатами и офицерами. Люди иногда знают тактику. Но им неведома контртактика, и за это они платят кровью.

Мысли отложились отчетливо:

«При организации наступления на обороняющегося противника необходимо стремиться к захвату командных высот и после захвата их немедленно закреплять их за собой, организовывать противотанковую оборону. Продвижение в промежутки между господствующими высотами в направлении меньшего сопротивления иногда выводит атакующих в огневые мешки противника, в результате чего части несут большие потери.

Перед началом артподготовки и перед началом атаки короткие огневые налеты из всех видов оружия, включая и залпы гвардейских минометов, являются сильным средством подавления огневой системы противника. В целях вывода противника из блиндажей целесообразно проводить в период артподготовки короткие ложные переносы огня...»

Это надо вдолбить в головы командиров всех степеней. Хотя они все это знают, обязаны знать! Но вот что странно. Как часто мы осуждаем мысли банальные, а их надо повторять и повторять. «Дважды два — четыре, а не пять, снег холодный...» Тени погибших в степной ложбине требуют этого.

Чуть ли не каждые сутки по несколько раз вел переговоры с командующими фронтами.

С Рокоссовским сразу же нашелся общий язык. Его занимала мысль, как можно надежнее изолировать окруженную группировку от отхода неприятельских войск. Рокоссовский предложил ряд мер по созданию прочного внешнего фронта.

У немецкого командования, разумеется, будут свои контрпланы. Тут есть опасность что-то недоучесть.

Связался с Еременко, спросил его мнение.

Андрей Иванович охотно отозвался, заключив, что ничего радикального у них нет.

— За счет чего они держатся?— ответил он.— За счет своей военной грамотности в вопросах обороны. До этого они превосходили нас в умении управлять войсками, вести наступательные операции. Но мы нашу слабину преодолели во всех отношениях. Немцы поняли, что мы кое-чему научились, но они застряли, и у них на уме одно: продержаться до весны.

«Верю тебе, дорогой Андрей Иванович,— думал Василевский.— Наши военачальники перестали быть «генералами обороны». Генерал штурма, генерал-вперед, Василев-

ский стремился предугадать направления основных усилий окруженной группировки. Надо было расширять сферу действий командующих фронтами. Следуя указаниям представителя Ставки, они получили возможность осуществлять наращивание сил там, где необходимо, и гораздо больше влиять на исход каждой атаки. Возрастала эффективность огня высокоподвижных механизированных соединений, уменьшились потери в действиях корпусов, армий и фронтов в целом.

Теперь все внимание сосредоточивалось на задаче блокирования армии Паулюса, разрыва ее таким образом, чтобы по мере развития операции можно было ее уничтожать по частям. К этому все подготовлено с точки зрения теоретической, организационной, технической. И с психологической — тоже. Вот теперь-то генерал Петренко может дополнить чем-то своим теорию прорыва и развития наступательных операций. Встретившись с ним в хуторе Вертячем, Василевский спросил:

— А что было бы в этой ситуации для немцев разумным?

— Они могут кое-что выжать из своей натренированности. Если поймут, что шутки кончились, начнут выводить свои части отсюда подальше, уклоняясь от удара. Но, повторяю, сложность обстановки лишает их энергии. Сомнений нет, Паулюс — заяц на привязи!

Выслушал его Василевский внимательно и дружески. И попрощался внимательно и дружески.

К полуночи, зная, что Москва вряд ли будет в эти часы связываться с ним по «бодо» или «ВЧ», Василевский прилёг на приготовленную ему узкую постель, покрытую серым суконным одеялом.

Но так и не уснул.

Попытался определить, сколько понадобится времени для окончания операции «Уран». Примерно месяц. Стал рассуждать от обратного. Немцы вели месяц боев в городе. Во что им это обошлось? Расход ресурсов громадный: над городом они сделали около пятидесяти тысяч самолето-вылетов, сбросили свыше ста тысяч стокилограммовых бомб, сорок тысяч — по двести пятьдесят, до тридцати тысяч — весом в пятьсот и тысячу килограммов. Они считали, что при такой обработке с воздуха и при ударах на земле обороняющиеся не выдержат. Но войска наши остались в городе и отбивали атаки. Мы можем возвратить им должок в таком же объеме, рассчитаться сполна и даже с

процентами. Не может быть, чтобы после таких же наших ударов фашисты тоже сохранили бы способность контратаковать.

— Это перелом. Перелом в войне в целом,— сказал уже вслух.

Время текло, а сон не приходил. Появились и такие мысли: «А между прочим... Отпетых нацистов у них там скопилось много. И командует ими генерал Паулюс — в данный момент самый стойкий генерал Гитлера. Пусть даже и третьесортный».

VI

...На узлах связи шумят-стрекочут аппараты «бодо» и «морзе». Из-под стучащих рычажков ползет лента с рядами знаков. К представителю Ставки днем и ночью поступают доклады и донесения, запросы и предложения, из которых складывалось представление об общей картине сражения.

Первая же неделя боев показала, что несмотря на в клочья разнесенную немецкую оборону, большие потери и бегство с передовой итальянцев, румын и немцев, способность вражеских войск к сопротивлению и даже к контратакам сохранилась. Советские части с тяжелыми боями брали каждый холм, каждый хутор, блокированный дот.

Создавалось впечатление, что совсем мало пострадала, прежде всего, немецкая авиация — все еще поднимались и садились в котле юнкерсы, мессершмитты, хейнкели и хейншели. Очевидно, у противника сохранилось достаточно надежно защищенных полевых аэродромов и взлетно-посадочных площадок.

Наступающим советским войскам приходилось передвигаться по покрытой степи в лютую стужу и сквозь снежные метели. У немцев, поскольку они оборонялись, имелось серьезное преимущество. Занимая в образовавшемся «котле» окопы и блиндажи, не особенно страдая от нехватки боеприпасов, они бились с остервенением, по всем направлениям предпринимали контратаки.

Данные разведки, воздушной и наземной, показывали, что за несколько дней гитлеровцы даже сумели оборудовать внутри окружения второе оборонительное кольцо. На промежуточных рубежах у них появилась сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. Отбитые в конце лета у наших войск на берегах речек Россошки и Червленной

инженерные сооружения оборонительного обвода враг тоже употребил в свою пользу: оборудовал их огневыми точками и минными полями. Кое-где такая оборона протянулась вглубь на десять и больше километров.

Немецкие штабы, склады, резервы сосредоточивались в глубоких оврагах, изрезавших эти пространства вдоль и поперек. Кустарниковые заросли и снег маскировали все это. И численность войск оставалась довольно велика, можно было предполагать, что командование группы войск, пожалуй, потеряло лишь итальянскую да румынскую армии.

Советское командование, прежде всего заместитель Верховного главнокомандующего Жуков, начальник Генерального штаба Василевский, командующие фронтами Еременко, Рокоссовский, Ватутин и другие военачальники, возглавившие это стратегическое контрнаступление, понимали, что противник и не помышляет о капитуляции, он будет ожесточенно драться. Немалое число наших войск теперь приковывает «котел», а ведь они крайне нужны на других фронтах. Значит, надо безостановочно развивать успех, чтобы побыстрее покончить с группировкой Паулюса, заставить ее сложить оружие.

Зарубежные агентства передавали, что берлинские стратеги, разумеется, совсем не были в восторге от перспективы долго держать в «котле» такую мощную и боеспособную группировку. Кто допустил это? Кто просчитался, проворонил? Кто виновен? В рейхсканцелярии таких «ротозеев» обнаружили. Гнев фюрера упал на генерал-фельдмаршала фон Вицлебена, на генерала фон Буша,— их незамедлительно отстранили от постов. Выбросили из насиженного места и самого начальника германского генерального штаба Франца Гальдера. Это было для него огорчительно вдвойне — изо дня в день он строчил «Военный дневник» и надеялся вести его до «победного конца».

Сместили опростоволосившихся гитлеровских «специалистов» агрессии. В опустевшие кресла без особых помех уселись другие. Ущерб оказался невелик. Сложнее дела на поле боя. Советские войска могут прихлопнуть всю сталинградскую группировку — эту потерю никто в Берлине не возместит.

Учитывая благоприятно складывающуюся обстановку, Верховный главнокомандующий, представители Ставки пришли к единодушному мнению, что теперь гвоздем плана действий по ликвидации «Котла» должно быть реше-

ние: сосредоточить, где требуется силы, и расчленить вражескую группировку сначала хотя бы на две части, охватив их в крепкие клещи. Сделать это следовало нанесением ударов по центру пехотой, пушками, броней и гусеницами. Предложений было два. Сначала предполагалось расколоть армию Паулюса посредством двух ударов — с севера и юга. Но потом, учтя реальные возможности, спланировали один стремительный удар — с севера.

...В очищенный от немцев хутор Вертячий прибыл зеленый «бюик» с колесами, охваченными цепями. В Вертячем располагался передовой командный пункт комфронта Рокоссовского. Дежуривший полковник, узнав Василевского, вышедшего из машины, доложил ему, что комфронта недалеко, за лесопосадкой — там только что упал наш истребитель ЛА-5. Перед этим истребитель в воздушном бою поджег «хейнкеля» с грузом и бился с «мессершмиттами».

По развороченному колесами снегу Василевский пешком направился к указанному полковником месту в сопровождении порученцев и адъютанта. На заснеженном поле, справа и слева, стояли раздавленные немецкие автомашины, повозки, пушки. Мороз обжигал лицо. Скоро увидел идущего навстречу человека в наглухо застегнутом кожаном пальто — Константина Рокоссовского со счастливыми глазами на усталом лице. Сняв перчатки, Рокоссовский сердечно поприветствовал представителя Ставки.

— Пилот жив! Удар отбросил его от машины метров на пятнадцать. И все же жив.

Генералы прошли в капитально оборудованный блиндаж — здесь недавно располагался штаб какой-то немецкой дивизии. Санитары внесли сюда и уложили на топчан летчика и стали перевязывать кровоточащие раны. По военному красивый, подтянутый полковник Сорокин, адъютант представителя Ставки, принес планшет пилота, который ему передали солдаты, оказавшиеся у обломков самолета. Сорокин не мог скрыть изумления, осмотрев погибшую машину. На посадку она шла каким-то чудом. У нее полностью был разбит капот и два цилиндра мотора, снесена до основания передняя часть фонаря вместе с прицелом... Маленький худощавый лейтенант-летчик Николай Пархоменко, с переломами руки и предплечья, говорить мог только полушопотом. Боясь, что лицо исказит гримаса боли, он, судорожно шевеля губами, пробовал улыбаться, рассказывая о своем полете вдоль железнодорожных пу-

тей. Там, очевидно, фашисты основательно приспособились к обороне: с небольшой высоты видны были вагоны и паровозы, сброшенные под откос, везде копошились фрицы. Дальше виден был большой населенный пункт — на карте это Тормосин. Туда шли колонны танков, автомашин. Можно было различить полевую артиллерию. И зенитки — одна из них стреляла по самолету.

Подобные данные уже имелись. Движение вражеских колонн отмечалось и на котельническом направлении. Немецко-фашистское командование направляет войска «в район кризисной ситуации».

Нужны эффективные контрмеры, чтобы не допустить брошенных на соединение с Паулюсом полчищ группы «Дон», и понадежнее закрыть пути выхода противника из Сталинграда. Многодневные тяжелые наступательные бои с противником измотали людей. Полки, батальоны и роты изрядно поредели, а пополнений никто даже и не обещал. По приказу комфронта «подчистили» тылы и смогли набрать во вспомогательных подразделениях, в запасном полку и в батальоне выздоравливающих что-то около десяти тысяч человек. Близ Гумрака в лагере советских военнопленных нашли за колючей проволокой живыми несколько тысяч бывших бойцов, измученных и истощенных. Были среди них сибиряки и дальневосточники; перенеся ужасы фашистской неволи, пытки и издевательства, они просились в бой, чтобы отомстить палачам. Кто был покрепче и мог двигаться, того одели, подлечили, дали десятидневный отдых и тоже отправили по дивизиям на пополнение.

Но если бы подошла хоть одна свежая дивизия! Надежды на улучшение положения в штабе Рокоссовского связывали с прибытием второй гвардейской армии. Ввод в бой гвардейцев армии, под командованием генерала Малиновского, намного облегчил бы задачу ликвидации фашистских войск в «котле». Рокоссовский верил в это. И оно так и было бы. Но Василевский, беседуя с Рокоссовским с глазу на глаз, и переговорив по ВЧ со Ставкой, не смог его порадовать. Нависала грозная опасность из района Тормосина и с котельнического направления, куда фашисты стягивали ударные силы.

При известии о том, что гвардейцев Малиновского приказано отправить под Котельниково, приятное смугловатое лицо Рокоссовского омрачилось. Значит, его Донской фронт будет по-прежнему воевать здесь без доукомплектования, без серьезного усиления.

— На нашем месте ты, Константин Константинович, поступил бы точно так же,— сказал командующему фронтом Василевский.— Знаем, что после таких напряженных боев и потерь следовало бы привести ваши армии в порядок, дать передышку, пополнить резервами и средствами. Но ты сам видишь подлинную картину и наши нужды.

— А разве я возражаю?— заметил Рокоссовский.— Все ясно.

Представитель Ставки отсюда же послал шифровку Малиновскому о перенацеливании его соединений на район Котельниково. К этому пункту приближались орды группы «Дон», рассчитывая прорваться в Сталинград и деблокировать осажденных.

VII

Перед отлетом из Вертячего Василевский непадолго задержался в небольшой землянке авиационного командира, выкопанной в каменистом грунте. На столе лежали нераспечатанные пачки газет — свежих и давних. Последнее время было не до газет, и Василевский попросил дать ему последние номера «Правды».

Читал их в самолете, летевшем под прикрытием трех ястребков в штаб Еременко, на станцию Бекетовку. Рассчитывал он побывать и на командных пунктах генералов Шумилова и Чуйкова. Хотелось также взглянуть и увидеть в натуре хоть небольшой участок боевых позиций с воздуха. Но морозная дымка застилала землю. Лишь однажды взору открылись черные зубцы сгоревших строений и чуть-чуть различимая лента ледяной Волги.

...Он развернул «Правду». Привлекла колонка с текстом Указа о присвоении звания Героя Советского Союза бронебойщику Петру Болото. Фамилия хорошо знакома. Боевыми делами этого бойца интересовался сам Сталин. Пришлось тогда из самого пекла вызывать бойца в штаб фронта. Генералу представили этого русского парня, он внимательно выслушал рассказ о том памятном бое. Разговор с генералом сначала смущал бойца, но когда посторонние вышли, а на стол подали обед, он осмелел.

— Спрашиваете, откуда родом?— говорил солдат.— Из Донеччины. Это шахтерский край, как вы знаете. Заняли наши два расчета оборону. Присмотрелся я и вижу — суеты много, а окопы нехороши. Говорю ребятам: «Послу-

шайте меня, по опыту знаю, что не подготовишь фронт работ — уголька не будет». В ответ услышал шуточки: «Молодец ты, стахановец, тебе легко живется с горняцкими замашками. Руки — настоящие рычаги, и сам черный как земля, выкупался бы, тут озерцо рядом. Когда еще фрицы пожалуют!» Выслушал без обиды. Но разозлился: на гигиену времени не оставалось. Сейчас же за работу! Объяснил им, что мои руки и вправду привыкли держать что-нибудь тяжелое. Я с охотой пошел в роту ПТР, чтобы мускулы не отвыкли от тяжести. Дряблость мне ни к чему. Наше ружье похоже на отбойный молоток, только полегче. Бронебойку надо уважать и холить.

«Будем рубить не уголек, а немецкую броню. ПТР надежно, только покрепче его надо держать в руках»,— сказал я.

Поглубже зарылись в грунт, замаскировались охапками бурьяна. И тут услышали грохот моторов. Фашистские танки. Подставит машина борт — бьем! И совсем неплохо получалось. Наше дело вывести танк из строя. Остальное — их экипажи, прикрытие из солдат — это была забота нашей пехоты. Сам я остановил и поджег восемь машин. И другой расчет в том же бою — уничтожил около этого числа.

— Ты кем был на шахте?— спросил Василевский.

— Бригадиром.

Василевский подумал, что если бы его подучить и командир из него мог бы выйти дельным. Спросил, нет ли у него желания пойти на офицерские курсы. Солдат очень вежливо отказался. Объяснил, что хотел бы повоевать в своей роте, со своим бронебойным ружьем. Генерал поблагодарил его за службу и подарил на память часы.

Словно живой встала в сознании генерала фигура этого храброго бронебойщика — спокойного и надежного. Истинный труженик, мастеровой войны.

Просмотрев газету, генерал показал Указ соседу по салону — офицеру штаба фронта. Тот кивнул и объяснил, что отважный бронебойщик жив и невредим, воюет: «Мужик, что надо!» Мужик!

Вспомнились генералу полузабытые строки из какой-то некрасовской поэмы. Слышал их много-много лет тому назад, мальчишкой, занимаясь в школе. Старшая из сестер, Катерина, до самозабвения любила их читать, заставляла заучивать младших:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!
И гнется,
да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

Чудо совершил богатырь-народ, взяв в свои руки власть. Своими руками за какие-нибудь тринадцать-пятнадцать лет создал могучую индустрию. Работали люди на создание человеческих условий для своей жизни. Построили Днепрогэс, Турксиб, Комсомольск-на-Амуре... Хозяин своей судьбы, советский человек, не гнулся и не ломился. Дал стране танки, авиацию, артиллерию. Потомки некрасовских «мужиков» в гражданскую войну и в мирное время овладевали наукой побеждать. Настало грозное время — двинул на нашу страну свои алчные и беспощадные орды Гитлер. Советские «мужики», их сыновья и дочери сменили орудия труда на орудия войны, не жалея крови и самой жизни, стали защищать свои дома, свои нивы, свое право на свободную жизнь. Поднялся народ от края до края. На всех фронтах воюют, бьют врага и земляки-волжане. Воюют бывшие школьники родной деревни, которых учила сестра Катерина, ставшая сельской учительницей. У нее сейчас на войне муж и сын.

Сколько их, богатырей, среди сталинградцев-солдат, офицеров и генералов!

Первый из богатырей в плеяде полководцев — генерал Жуков. Георгий Константинович. Железный, неутомимый человек, который глубоко познал тайны механизма войны. Где бы он ни появлялся — воцарялись организованность и порядок. А за этим следовали победы.

В этом Сталинградском побоище герои из героев — военачальники Василий Иванович Чуйков и Михаил Степанович Шумилов. Армии, которыми они командуют — шестьдесят вторая и шестьдесят четвертая — летом и осенью приняли на себя натиск бронированных гитлеровских полчищ, громили врага на дальних подступах к городу на Волге, в его предместьях. Выдержали, вынесли все, и навязали гитлеровским войскам в самой черте города длительные изнуряющие бои.

Воюют они умно, можно сказать, по-суворовски. Их

дивизии не довольствуются старой тактикой. В их действиях всегда появляется что-то новое. Стал, например, повседневным правилом в каждой роте и батальоне принцип: «Обороняясь, наступай!». Боевые уставы раньше таких видов ближнего боя не предусматривали.

Василевский всегда испытывал удовлетворение от встреч и бесед с Чуйковым и Шумиловым. Обоих генералов ещё назовут поэтами в военном искусстве. И на этот раз он рассчитывал посетить их штабы и самих командующих армиями, выслушать их мнения о возможности активизации действий этих и соседних армий. Это можно выяснить только на месте. Они ведь не воевали «пижо возможностей!»

Шумилов, встретив самолет Василевского, рассказал, что сегодня в армии торжества — приехала делегация из Казахстана. Посланцы солнечной республики надеялись встретиться с командованием и своими земляками-казахстанцами. Узнав о приезде на передовую дорогих гостей, командиры отправили на встречу и бойцов из среднеазиатских городов, аулов и кишлаков — узбеков, таджиков, киргизов и туркменов.

Гости из Алма-Аты, Актюбинска, Чимкента нашли среди воинов даже родственников.

Оставив гостей в Бекетовке, Василевский, Шумилов и сопровождающие их офицеры отправились на командный пункт Чуйкова. Нашли его на левом берегу Волги, на наблюдательном пункте, устроенном на втором этаже полусгоревшего дома. Ветер нес сюда густой дым с немецких позиций, где — по запаху чувствовалось — догорал склад с авторезиной. Они вдоволь наглотались воздуха, перемешанного с сажей.

— Мы уже сняли призыв: «Обороняясь, наступай!» Солдаты знают, что обстановка другая. Командиры и политработники добиваются, чтобы в предстоящем штурме каждый солдат «хорошо знал свой маневр». Даны указания дивизиям и полкам хорошо подготовиться к штурмовым действиям, разработаны памятки для командиров рот и батарей, в которых подробно разъясняется искусство уличных наступательных боев. Стремимся навязать фашистам то, чего они не любят больше всего — ближний бой.

У Чуйкова, как и у Шумилова, в полках родилась и набирала силу новая боевая организация, вызванная потребностями уличных боев,— штурмовые группы. Такие группы просачиваются через подвалы и проломы в стенах в

расположение фашистов, громят их блиндажи и огневые точки. Бойцы стремятся сблизиться с врагом на десяток метров, пустить в ход штык, гранату. Артиллерия и авиация не может помочь врагам, не рискуя поразить свои же боевые порядки.

Перед вылетом из Москвы представителя Ставки Сталин советовался с Калининым, Жуковым, Василевским и другими членами Ставки о том, нельзя ли ввести награды не для отдельных отличившихся в боях, а для всех участников решающих сражений. Такое предложение поддержали все. И теперь по рукам бойцов ходила газета с опубликованным сообщением: «В народном комиссариате обороны». В нем говорилось:

«Народный Комиссариат Обороны вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством учредить специальные медали для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда...»

В ходатайстве, где упоминались армии, подчеркивалась особая роль 62-й армии, отразившей главные удары немцев на Сталинград....

Василевский поздравил Чуйкова и Шумилова с предстоящим награждением всех людей, находившихся в их подчинении.

— Дополнительно дать вам сейчас мы ничего не можем,— сказал Александр Михайлович.— Я доложу в Ставку, что вы ничего и не просите.

Он уже протянул руку к трубке ВЧ, как вдруг аппарат зазвонил. Василевский узнал глуховатый голос Сталина. Они говорили всего минуты две-три. Василевский услышал вопрос:

— Как себя чувствуете Вы лично? Вы больны?

— Нет, совершенно здоров.

— У Вас очень изменился голос. Если переутомлены — отдохните восемнадцать-двадцать часов. Мы как-нибудь обойдемся без Вас. Тем более, что рядом с Вами — генерал Иванов из генштаба. Пусть он это время поработает.

— Слушаюсь.

И сразу же навалилась смертельная, чуть ли не предобморочная усталость. От многих бессонных ночей.

— Товарищи! Все могут заниматься своими делами,— сказал он присутствующим. Для адъютанта добавил: разрешено сделать перерыв.

— Сейчас это можно позволить?

— А вы как думаете?

— Думаю, да.
Генерал попросил:
— Устройте так, чтобы была абсолютная тишина...
Просьба была исполнена.
...По стрелкам часов можно заключить, что уже день. Прекрасно, что удалось поспать. Обычно он умел силой воли выключить себя. Кажется, никогда он так крепко не спал. Снова начинался боевой день, точнее, напряженные часы дневных боев, долгие часы дневных боев, долгие часы дробления гитлеровских дивизий, операций разных масштабов на их изнурение.

Глава девятая

ЮЖНЕЕ САРПИНСКИХ ОЗЕР

I

Если в твоем кармане или планшете завалялась какая-нибудь справка, бумажка с печатью,— ее не следует выбрасывать. Она заслуживает почтительного к себе отношения. Особенно надо беречь ее, если на ней значится твое имя, поставлены гербовая печать и подпись. Армейская жизнь, порядки в ней зачастую регулируются «бумажками», и они порой играют немалую роль.

В те дни одна изрядно потертая бумажка решила судьбу Василия Морозова.

Его не зачислили в сороковую дивизию, в подчинении которой находился учебный батальон. Курсантов бывшего учбата отправили в запасной полк, подчинявшийся штабу фронта, Морозов же попал в управление кадров. Беседовавший с ним офицер-кадровик, пожилой подполковник, пожелал взглянуть на его документы. У лейтенанта имелся продовольственный аттестат, и он предъявил его.

Аттестат не документ, и подполковник не стал даже его в руки брать.

— Что есть еще?— спросил он.

Пошарив в карманах, лейтенант извлек помятую военкоровскую справку. 4-я танковая армия, сформированная на базе 28-й армии, не имела своей печати, и на справке был оттиснут номер армии «28».

Офицер, внимательно осмотрев справку, сказал:

— Вам придется ехать в Астрахань.

— В Астрахань?— удивился лейтенант.

— Там ваша двадцать восьмая армия.

Подполковник сам был боевым офицером, сам поднимался навстречу пулям, самому приходилось, согнувшись, бегать, спотыкаясь и падая, по полям среди разрывов снарядов и мин.

Слышал Морозов, что этот офицер, работающий в управлении кадров, получив однажды в рукопашной схватке касательное штыковое ранение в живот, оставался в строю. Морозов увидел на коленях офицера грелку и понял, что рана дает о себе знать.

— Вот предписание — отправляйтесь в Астрахань. И попутчик у вас есть — лейтенант Герман.

И Морозов увидел попутчика. По возрасту чуть старше его. Вдвоем вышли из домика, где работали кадровики, и направились к переправе через Волгу к Дубовке, чтобы оттуда уже добираться в Астрахань.

— Нам повезло,— говорил Морозову новый друг.— Посмотрим Астрахань.

Морозов, вздохнув, только махнул рукой: все равно.

Морозов начал что-то говорить о недоразумении, связанном со своей справкой, на которой случайно оттиснули печать 28-й армии, хотя он служил в 4-й танковой, но Герман лишь отмахнулся:

— Подполковник сам все знает. Видал, видал. Его самого. Краше в гроб кладут. Потому что мы из пекла, и послал в полевую армию на более спокойный участок. Учил же нас незабвенный Кузьма Прутков: «Зри в корень». Мир не без добрых людей. Они есть.

«Что ж, спасибо подполковнику. Астрахань, можно сказать, тыловой город»,— рассудил Морозов.

Письма его дружка Коли Борисова давали ему некоторое представление о городе. Коля описывал рыбные базары, осетров. В последнем треугольничке были стихи:

За какое бы дело ни брался,
Где бы путь фронтовой ни мотал,
Вспоминаю о вас, сталинградцы,
Переплавивших муки в металл.
К вам придет эшелон на подмогу —
Сотни жаждущих схватки ребят.
Перед сном подкрепившись немного,
Пушкари прикорнули и спят.
Только мне почему-то не спится,
Я с бессонницей наедине...

«Где-нибудь я встречу тебя, Коля!» — думал Морозов.

В Астрахань приехали солнечным сентябрьским утром.

Астрахань. Что за город! Это — жемчужина на берегу Каспия. Астрахань справедливо называли российской Венецией. Множество каналов, величественная крепость — Астраханский кремль. Мощные стены, грозные башни, бастионы. За стеной древние белокаменные сооружения, в основном храмы и базилики. Стены укреплены глухими и проездными башнями: Артиллерийская, Крымская, Житная, Архиерейская; ворота: Пречистенские, Никольские, Красные....

Когда-то здесь побывал и написал о своем путешествии книгу еще в XVI веке Адам Олеарий, секретарь Гольштинского посольства... Он, безусловно, бродил по Индийскому, Персидскому, Армянскому торговым подворьям. «Мне наловили раков в Черном яру, и я за присест съел их целое ведро»,— писал Адам Олеарий.

Пока осматривали прикаспийскую Венецию, пока ходили по штабам, над городом нависло низкое, будто придвинувшееся к земле, лохматое серое небо. Стал накрапывать дождь. Над рекой, над мокрыми крышами, не уставая, кружили какие-то беспокойные черные птицы.

Из отдела кадров 28-й армии их послали в курортный поселок Тинаки, там формировались подразделения дивизии с номером «248». Попали они в один и тот же полк. Морозов — адъютантом батальона, а его попутчик Андрей Герман — командиром минометной роты. В полку оказались казахстанцы — Александр Рыбинцев, Михаил Бойко и еще кое-кто. К примеру, каргалинец Ваня Черпенко, вместе они учились в школе, играли в «Чапаева», в «красных и белых».

С будущим своим комбатом Стефаном Косяком Морозов встретился в самой Астрахани, в кремле. Узнал от него, что некоторые подразделения полка действуют в степях. Комбат сказал, что полк является первым эшелоном — нигде близко не было наших частей. Правее в семидесяти километрах — в Юсте вроде бы советские оборонительные позиции имелись, а левее, примерно на таком же расстоянии, располагались — это уже точно — гитлеровцы. Там действовала хорошо оснащенная 16-я мотомеханизированная дивизия генерала фон Шверина и какое-то румынское формирование — не то легион, не то когорта.

В образовавшееся незанятое пространство немцы время от времени посылали легкие моторизованные отряды.

В каждом таком отряде были танк или бронемашина, пять-восемь грузовиков с автоматчиками, противотанковая пушка, три-шесть мотоциклов. Эти летучие мотоотряды вели разведку, нападали на передовые посты наших войск, перехватывали разведывательные группы.

С этими отрядами вели борьбу наши летучие отряды. Одним из таких отрядов командовал смелый офицер лейтенант Александр Хоменко. Окончил он Актюбинскую летную школу, с ним был еще один актюбинец, Коля Пархоменко, стрелок-радист. Летали они недолго, их ТБ-3 был изрешечен истребителями, Пархоменко был убит, а Хоменко ранен. Попал в стрелковую часть. Комполка спросил: «Вы летчик?» Ответил: «Да».—«Где участвовали в боях?»—«Летал бомбить Плоешти, Констанцу. Там и продырявили».—«Нам нужен человек, разбирающийся в технике. Пойдете?» «Пойду»,— согласился он. Получил задание: «Поручаем командовать летучим отрядом...»

Летучий отряд — это уже дело! Летать надо только не в синем небе, а по этой грешной земле. Дали в отряд два бронетранспортера и легкий танк. Механиками пошли двое молоденьких трактористов, радистом определили Алексея Легкодымова. Подобрали еще отделение ребят-добровольцев. А сам командир Александр Хоменко тоже был молод, ему шел девятнадцатый, после ранения не совсем здоров, торопил бойцов, предупреждал: «Смотрите каждую гайку, каждый винтик. Там, в тылу противника, мы можем рассчитывать только на себя, на исправность техники».

Оставив Астраханскую крепость, отряд Хоменко в первые сутки добрался до Енотаевки. Здесь располагались опорные пункты и НП командира Енотаевского участка обороны. Дальше — полная неизвестность. Где противник, каковы его силы? Все это предстояло еще выяснить. Знали, что в степи рыщут вражеские поисковые группы и разъезды. У них есть проводники, которым известны все тропинки, колодцы и зимовки.

Из Енотаевки смельчаки отправились вечером. Их провожал изумительный закат. Хоменко смотрел на густые серо-синие тучи, нависшие над солнцем. Лучи наложили на них полосы — от колера серебристого до самого что ни на есть золотого. И вспоминал Хоменко свой последний боевой вылет. Точно такими же были тучки, с наложенными на них полосами.

Вылет закончился неудачей. Не может быть, чтобы

подобное повторилось. Замечено было, что в одну и ту же воронку редко попадает вторая бомба.

Эта мысль отогнала дурные предчувствия, и Хоменко залюбовался красотами степного простора. Жизнь в степи вроде бы остановилась. Только паутиной переплетались, скрещивались дорожки-тропинки.

Двигались по азимуту всю ночь. Часто останавливались. Позади осталось не меньше сотни километров. Начало светать. В сторонке скорее угадали, чем увидели две мазанки. Поспешили туда, надеясь найти там колодец — хотелось пополнить запасы воды. Людей в этом жилье не оказалось, а имевшийся здесь колодец был полузасыпан песком. Кто это сделал? Следы мотоциклетных шин, смятая коробка из-под сигарет — все это немецкое. Скоро выбрались на узел грейдерных дорог, ведущих на Юсту и Халхуту. Часа через два остановились накоротке позавтракать. Обзор немалый, видны даже далекие буераки и впадины. И вдруг с невысокого пригорка, прикрывавшего впадину, донесся шум моторов. Показалась колонна боевой техники. Немцы! Сил у них — больше роты. Различались три транспортера, танк, грузовик с автоматчиками. Урчали, застревая в песке, несколько мотоциклов. В сторонке, на малорослой лошадке, непрерывно понукая ее нагайкой, тащился проводник.

Хоменко принял решение: пока фашисты не опомнились, открыть огонь! Скомандовал: «Огонь!»

Взвизгнул снаряд, другой! Удача!—прямое попадание снаряда в грузовик.

Через минуту в степи разгорелся бой. У фашистов огневых средств оказалось больше. Дым, град осколков и пуль покрывал низину. Но в отряде Хоменко растерянности не было, люди залегли, пулеметным огнем парализовали действия гитлеровцев. Те не планировали столкновения и хотели бы уклониться от боя.

«Т-60» из своей пушки посылал снаряд за снарядом, и ложились снаряды там, где надо. Хоменко остался у танка, а броневикам дал команду идти на сближение, но не с фронта, а выбраться во фланги. Броневики вырвались на большой скорости через балку в тыл фашистам. Там наткнулись на крупнокалиберный пулемет, бивший бронебойными. Фашисты, сброшенные с бугра, стали поспешно отходить. Одна наша машина остановилась — заглох поврежденный мотор. Преследовать врага одним бронетранспортером Хоменко не решился.

Бугры и впадины скрыли фашистов. Но и нашему отряду долго оставаться здесь было нельзя. Снаряды и патроны кончились. Хоменко должен был вернуться к своим.

На обратном пути, через несколько часов, они встретили такое же подразделение. Им командовал бородатый политрук, назвавший себя Федором Лева. Этот отряд оказался потрепанным больше, но возвращался из рейда с трофейным бронетранспортером «фольксваген».

Сошлись у разрушенной зимовки. Сделали совместный привал. Впечатлений у всех много. Спрашивали друг у друга:

— Ну, как вели себя ваши?

— Огрызались.

— И наши огрызались. Неуютно им. Офицеры орут на рядовых фрицев, а те все назад оглядываются.

— Наши гансы тоже задерживаться не стали. Побросали все, даже автоматы. Удирали с одной шинелишкой на плечах.

— Вы им что сказали? Попрощались?

— Сказали: «До свиданья, тетя Мотя, уноси свои лохмотья».

Радостно возбужденный политрук говорил, что завтра же его отряд отправится в новый поиск.

— Вот что, ребята,— говорил он, отпивая из трофейной фляги.— Надо отказаться от разговорчиков вроде: «Мы не отдадим Астрахани». Такое рассуждение никого ни к чему не обязывает, не мобилизует. Наоборот, расхолаживает. Надо смело говорить везде и всюду: «Возьмем Элисту, Ростов, Таганрог!» Верно я говорю, ребятушки? Давайте договоримся: осмотрим, починим, заправим свои транспортеры. Нагрузим побольше патронов, и снова двинемся по немецким тылам!

II

Вызванный в штаб дивизии лейтенант Хоменко подробно доложил о результатах рейда. Доклад содержал много важных сведений. Комдив это оценил, и Хоменко вернулся в свой полк старшим лейтенантом с приказом о назначении его начальником штаба полка, где и командира не было,— его только-только похоронили, погиб при бомбежке.

Хоменко передал батальонам приказ — выступать по тому маршруту, который он накануне опробовал.

Погода стояла сухая и теплая и после прошедших дождей степь зеленела. Идти было легко. И хотя батальон, где адъютантом был Морозов, передвигался со всеми предосторожностями, к исходу дня, как и намечалось, его роты подошли к селению-хатону с названием Берген. Поднявшись на возвышенность, Морозов увидел внизу, километрах в трех от себя, небольшое калмыцкое селение из деревянных домиков.

В бинокль было заметно, что по всему поселку хлопотливо бегают люди, спешно грузят на повозки пожитки и гонят впряженных лошадей в противоположную сторону.

Лейтенант Морозов из осторожности послал вперед разведку. Двум взводам приказал принять боевой порядок «в цепь» и с оружием наготове идти вслед за разведчиками. Хатон уже обезлюдел. Жителей угнали фашисты.

В хатоне бродило много скота, а в закромах общественного амбара хранилось немало зерна. Начпрод полка распорядился взять это добро под охрану, ожидая возвращения обманутых людей.

Связь со штабом полка Морозов держал так: раз в неделю высылался парный дозор в сторону Юсты на тридцать километров. Там на развилке дорог он встречался с таким же дозором, высылаемым штабом полка, приносившим приказы и распоряжения. Лейтенант передавал в свою очередь недельные отчеты о боевой обстановке. Связные рассказывали, что они не раз видели в степи на конях бандитов, вооруженных немецкими автоматами. Те же не могли их заметить — полынная степь надежно маскировала серые солдатские шинели.

Гитлеровцы знали от своих лазутчиков, что в Бергене стоит небольшой русский гарнизон. Каждое утро над поселком появлялся вражеский самолет-разведчик, делал круг и, качнув крыльями, летел к Волге. То же самое он проделывал и на обратном пути. Сначала бойцы прятались, потом привыкли и не обращали на него внимания.

Разведчики дознались, что километрах в тридцати немцы разбирали деревянные постройки соседнего хатона и везли бревна в Халхуту для строительства укреплений. Вел себя противник очень осторожно. Причиной этого, по всей вероятности, было то, что немцы однажды пытались из Халхуты обойти правый фланг советской обороны, но встретили жестокий отпор. Там действовал гвардейский стрелковый полк. Гвардейцы не только отразили все ата-

ки, но и крепко потрепали врага. После этого фашисты не решались делать вылазки.

В конце сентября удар по врагу нанесли части 51-й армии, находившиеся справа в районе Сарпинских озер. Темной осенней ночью они совершенно бесшумно, без артподготовки, проникли в расположение немцев и, завязав рукопашную схватку, разгромили их оборону и устремились на Садовое.

В этом бою враг потерял три полка — два пехотных и один артиллерийский, большое количество военной техники.

В октябре 28-я армия окрепла — в ее состав вошла 6-я гвардейская танковая бригада.

Все это привело к тому, что воинственный азарт подвижных немецких отрядов в степи остыл; засев на своих оборонительных рубежах, они больше не решались выходить в степь.

Несмотря на то, что продвижение немцев приостановилось, бои продолжались. Ежедневно появлялись в небе вражеские самолеты. Иногда они сбрасывали листовки. Морозов хорошо запомнил одну из них: «Бойцы и командиры 248-й стрелковой дивизии! Немецкая армия гигантскими шагами идет на юг. Тысячи ваших братьев безвестными погибли в степях Калмыкии. Неужели и вы хотите, чтобы и вас постигла такая же участь?

Убивайте комиссаров и переходите на нашу сторону».

На позиции батальона иногда из степи выходили оборванные, голодные и обросшие люди. Это были наши солдаты, весной и летом попавшие в окружение и плен еще в Донбассе или под Харьковом. Они бежали из лагерей, рискуя жизнью, пробирались к своим. Многие рассказывали, как в лагерях над ними издевались, морили голодом. Морозов запомнил одного из этих бывших узников концлагеря. Сняв рубашку, показывал он солдатам глубокие рваные рубцы на спине; его били плеткой из проволоки за попытку бежать из-под стражи.

Когда этого солдата спросили, почему он выходил именно на Берген, он ответил, что находившийся в Элисте старший офицер немецкой комендатуры вел себя необычно. Захваченных патрулями беглецов он тайком отпустил и указал дорогу на Берген. Видно, знал, что там легче всего было перейти линию фронта и меньше опасности встретиться с рыскающими по степи бандитскими шайка-

ми. Этих людей собирали в группы и отправляли за Волгу, где дислоцировался запасной полк.

К празднованию Октябрьской годовщины батальоны готовились тщательно, но неожиданно получили приказ идти в Юсту. Выступили ночью и к вечеру следующего дня добрались туда. Для Морозова этот переход был очень тяжелым, так как его мучали приступы малярии. К счастью, солдаты раздобыли где-то несколько маленьких смирных калмыцких лошадок, на одной из которых лейтенант ехал верхом почти всю ночь. Это была холодная ночь. Чтобы согреться, лейтенант часто слезал с лошади и шел рядом с ней, держась за гриву. К концу перехода он окончательно выбился из сил и влезал на лошадь уже с помощью связного.

Морозов еще летом потерял шинель и теперь у него под плащ-палаткой ничего теплого не имелось. Это заметили бойцы и подарили ему меховую безрукавку да пышную мохнатую шапку впридачу. На вооружении он имел кривую турецкую саблю. Ею удобно открывались консервные банки. В своем новом одеянии и с саблей он стал похож на гуляйпольского гайдамака образца девятнадцатого года. Начальник штаба полка, встретив Морозова, покачал головой и приказал одеть его по форме.

Но всех одеть было невозможно. Похолодало, а зимней одежды не выдавали — вещевые склады армии, видимо, пустовали. Областная газета печатала призывы к населению: шить и собирать для подшефной дивизии теплые вещи. Но, пожалуй, все, от командира дивизии до ездового понимали, что у населения этих теплых вещей не густо.

Солдаты начали сами шить себе меховые вещи. Наиболее расторопными оказались батарейцы лейтенанта Александра Буймова. Правда, первая шапка, сшитая из телячьей шкуры, оказалась неудачной: командир взвода забраковал ее сразу. Брезгливо держа изделие на весу, словно кота, он спросил у незадачливого бойца-шапошника:

— Это что?

— Головной убор, товарищ лейтенант!

— Капелюха для ямщика или малахай сторожа сельской лавки. Понял?

— Никак выкройку не разыщу...

— А кто ее должен искать?

Выкройку нашли в роте Андрея Германа. Одессит по фамилии Курилка зарекомендовал себя поваром, сапожником, а теперь еще и портным-шапочником. Курилка обу-

чал присылаемых к нему из батальонов солдат новому ремеслу.

Материала хватало в избытке. Полк дислоцировался близ Утты, центра крупного скотоводческого района. В селе в ту пору было заготовлено много кожсырья — шкуры лежали скирдами, вывезти их не успели. Бойцы, обнаружив залежи шкур, распорядились этим добром по-своему.

Людей охватила пошивочная эпидемия. Кубанки, живописные шапки-ушанки, папахи разных фасонов украшали солдатские головы. Под шинелями появились меховые душегрейки и жилеты.

Командир дивизии, прибыв однажды в полк, не мог не заметить этой самодеятельности.

— Что у вас творится?

— Ночами холодно,— ответили ему.

Комдив помолчал. Разговор происходил в поле. Подмораживало. Шли тактические занятия. Солдаты в ушанках, кубанках и папахах рассыпавшись в цепь, устремились к высоте. С гиком и улюлюканием навалились они на воображаемого противника.

Такое старание на учении комдива обрадовало. Он повеселел. Выслушав рапорты командиров батальонов, подозвал к себе очень заметного в своей шапке, сшитой по якутской выкройке, старшего сержанта Курилку, удачно поддержавшего огнем штурмующих, спросил:

— Откуда родом?

— С Украины.

— Вы что, на зимнюю форму одежды перешли?

— Пришлось перейти, товарищ полковник,— бойко ответил Курилка.

— Кто вас снабдил?

— Зазноба прислала.

— В посылке? Через линию фронта? Что-то не верится.

— Так точно!

Комдив подавил улыбку и помолчал. Так «невестины подарки» получили право на временное существование.

В те дни Морозов часто бывал в роте лейтенанта Германа — они подружились. В его взводах было много отличных ребят. Особенно выделялись помкомвзвода Курилка, командир отделения Левапец, сержант Бондаренко — черноглазый красавец киевлянин, сержант Серебряков — рабочий-металлист со Сталинградского тракторного, ефрейтор Умаров, сержант Пивень, старшина Гершгорин.

Вечером 19 ноября до полка был доведен приказ Воен-

ного Совета фронта о наступлении. Тревожная, торжественная минута! Калмыцкая степь пришла в движение. 28-я армия начала свой героический путь в низовье Дона.

II

899-й полк, где служил Морозов, шел в наступление в двухбатальонном составе, так как первый стрелковый батальон остался держать оборону, прикрывая правый фланг армии. Его усилили дивизионом 76-миллиметровых пушек. Хотя артиллерия была на конной тяге, а боеприпасы к ним везли на вьючных верблюдах,—двенадцать пушек были внушительной силой, способной при умелом использовании отразить атаки довольно мобильных немецких броневых групп. В походе полк получил радостную весть: ночной атакой с двадцатого на двадцать первое ноября части соседних соединений выбили немцев из Халхуты. Велико было ликование, когда части дивизии впервые встретились с бойцами действовавших на этом направлении танковой и стрелковой бригад.

Взаимодействуя с этими соединениями, полк быстро продвигался на запад в сторону Яшкуля. Ночи стояли холодные, и люди промерзали до костей, ночуя в открытой степи.

Морозова выручил предприимчивый Курилка. В одном из хатонов он выпросил у калмыка кожаный мешок шерстью внутрь, в каких калмыки хранят зерно. Теперь ночами на привалах Морозов засовывал в этот мешок ноги и чувствовал себя превосходно.

По всей дороге, по которой двигался полк, встречались разбросанные немецкие каски, обрывки всевозможных штабных документов, письма, газеты. Все это говорило о том, что противник спешно убегал от наших танковых десантов. Как-то днем на привале Морозов отошел недалеко в сторону от отдыхающих солдат и решил взобраться на небольшой курган, чтобы получше осмотреть степь.

Вокруг кургана вился отрытый окоп с несколькими огневыми точками, а в центре на самой его вершине лежали обуглившиеся остатки костра. И... обгоревшее тело советского солдата. Тут же — винтовка и убитая лошадь. Все убеждало, что погиб наш воин-разведчик, попавший в руки фашистов. Здесь его мучили на допросе, а потом бросили в костер. О зверствах гитлеровцев и бандитов, конечно, он слышал и до этого, теперь же смог убедиться воочию. Жуткое, ужасное зрелище...

Почти бегом спустившись с кургана, Морозов рассказал о виденном. Солдаты тоже осмотрели костер, вырыли могилу и молча похоронили останки безвестного героя.

Отступая, фашисты угоняли с собой жителей, скот, взрывали колодцы, оставляя после себя безлюдную и безводную пустыню.

Двадцать третьего ноября войска 28-й армии, преследуя противника, вышли на рубеж в пяти-восьми километрах севернее и северо-восточнее Яшкуля. За сутки с боями они проделали путь почти в два раза больший, нежели между Халхутой и Уттой. Но в десятке километров от Яшкуля с полком произошло несчастье. Измученные длительным ночным переходом подразделения вышли к намеченному месту отдыха. Солдаты и офицеры моментально попадали на землю и уснули как мертвые. Никто не проснулся даже на ужин. Морозова разбудил гул самолета. Приподняв голову, он увидел пролетающую над ними «раму» и снова забылся глубоким сном. Проснулся от крика:

— Танки!

Это кричал скакавший на лошади во весь опор солдат из конного взвода разведки.

Вскочив, Морозов увидел, что со стороны тыла на высокой скорости движутся танки, сопровождаемые машинами с автоматчиками. Наши артиллеристы рванулись к своей батарее. Но фашистские танки уже начали бить по ней из пушек.

Оставшиеся в живых расчеты батареи открыли огонь по немецким машинам. Разбить фашистскую группу они не могли, но все-таки замедлили ее продвижение, нанесли ей ощутимые потери.

Как ни трагична была картина, но паники не произошло. Батальоны отчаянно сопротивлялись. Бойцы и офицеры пустили в ход все виды оружия, все свои силы. Подбита одна немецкая машина, другая...

Сгущались сумерки, и немецкая моторизованная группа, развернувшись, скрылась вскоре в степи. В ночное время она не решилась продолжать бой.

Через час командующий армией прислал на помощь полку четыре танка, но эта поддержка запоздала. Фашистов к тому времени и след простыл.

Погром, учиненный врагом, показал, что в степной маневренной войне, где нет сплошного фронта, требуется особая бдительность и правильно поставленные охранение

и разведка. Больше уже никогда полк не допускал такой беспечности. Обленившегося командира взвода разведки отправили в штрафной батальон и на его место назначили отчаянно-храброго офицера лейтенанта Лагутина.

Уже в самом конце ноября батальону Стефана Косяка, усиленному ротой автоматчиков, минротой и батареей полковых пушек, штаб дал приказ захватить высоту — прочный опорный пункт в обороне противника. Одновременно два полка 34-й гвардейской стрелковой дивизии имели приказ атаковать позиции противника, прикрывающие дорогу Яшкуль-Элиста. Наступление должны были поддерживать танк КВ и батарея 76-миллиметровых пушек.

По замыслам командования, конечно, основной удар по противнику наносили гвардейцы, однако немалая роль отводилась и батальону. Начало атаки намечалось на одиннадцать часов одновременно всеми подразделениями по трем сигнальным ракетам. С наступлением сумерек подошли к повороту грейдерной дороги Ухта-Яшкуль.

Командир батальона капитан Косяк собрал всех офицеров, объяснил задачу, указал азимут и боевой порядок батальона в наступлении. Косяк теперь руководствовался новым боевым Уставом. Полагалось, чтобы станковые пулеметы, минометы и полковые орудия сопровождения следовали в цепях атакующих рот.

Все было выполнено. В боевых порядках расположились противотанковые пушки, минометы, пулеметы. Вперед были высланы разведчики.

Места нахождения противника точно не знали, не знали и расположения его огневых точек. Поэтому шли очень осторожно — ни одной громкой команды, ни одной вспышки огня. Только сзади, где двигался обоз, раздавались крики верблюдов. Шедший рядом с Морозовым командир артбатареи Миша Бойко сквозь зубы ругал комбата за то, что он не оставил обоз на грейдере.

Так двигались около часа. Вдруг все небо осветилось вспышками ракет, и бойцы увидели прямо перед собой немецкие окопы. Кто-то закричал: «Вперед за Родину!» С возгласами «ура!» все бросились вперед... Навстречу хлестнул свинцовый ливень. При вспышках ракет видно было, как бойцы падали, вскакивали и снова бросались вперед. Вражеская огневая минометно-артиллерийская завеса отсекла первые цепи — спасение было в том, чтобы сблизиться с противником и занять его окопы. Но это не удавалось. Пришлось залечь.

Бойцы лежали, наверное, па далее чем в ста метрах от немецких траншей. В ночной мгле иногда виднелись перебегавшие силуэты немецких солдат. Слышалась их речь. Временами фашисты освещали местность ракетами и, если замечали какое-нибудь движение, открывали огонь.

Морозов был в роте Андрея Германа, которая наступала на правом фланге батальона. Андрей лежал рядом с пулеметчиком ефрейтором Умаровым. Как опытный солдат, ефрейтор выпул из чехла саперную лопатку и начал окапываться. Морозов, не носил с собой лопату. Наконец, когда ефрейтор закончил окапываться, лейтенант попросил у него лопату и вырыл себе небольшой окопчик.

Через какое-то время к ним подполз старший сержант Курилка и доложил, что убит сержант Ливанец и несколько человек ранено.

Курилка очень тяжело переживал гибель своего друга Ливанца.

— Мы бежали рядом с ним,— шепотом рассказывал Курилка.— Вдруг он схватился за грудь и, застонав, упал. Когда я нагнулся над ним, чтобы помочь, он уже не дышал...

Умаров, заметив движущиеся тени возле немецких позиций, повернулся к Морозову, прошептал:

— У меня еще есть полный диск, разрешите ударить?

Морозов успокоил его, заметив, что своим «дегтярем» с одним диском он погоды не сделает, а только вызовет огонь. А это — потери.

— Скоро одиннадцать часов,— сказал ему Морозов.— Мы нарвались на противника раньше времени. Вот-вот рядом с нами начнут атаку гвардейцы. Если все пройдет успешно, немцы сами драпанут с нашей высоты. Вот тогда пригодится твой диск.

Ровно в одиннадцать в небе вспыхнули условные ракеты и раздались крики «ура!». Лейтенант обрадовался, решив, что это начала атаку 34-я гвардейская. После недолгого огневого боя наступила полная тишина...

«Неужели и атака гвардейцев захлебнулась?» — подумал Морозов. Похоже было на это. Приближался рассвет. Морозов не знал, что ему делать. Отходить без приказа он не имел права. Бойцов с ним было не более отделения. И столько же раненых. Прошло в ожидании еще часа полтора. Вдруг он увидел, как короткими перебежками стремительно приближается к его окопчику солдат.

— Есть ли кто живой из командиров?— вполголоса спросил он.

Морозов отозвался.

— Что же вы прохлаждаетесь? Днем вас здесь с землей смешают. Вам приказано увести отсюда бойцов,— прохрипел он и растаял в темноте.

Морозов передал негромкую команду по цепи: «Всем готовиться к отходу». Кругом стонали раненые:

— Товарищи, не бросайте нас!..

Нельзя было оставлять матчасть, но нельзя бросать и раненых.

Неожиданно в тумане встретили небольшую группу воинов. Среди них оказался заместитель командира батальона Божко с перебинтованной рукой, раненые командир и еще несколько офицеров и солдат соседней роты.

— Ты здесь один целый и невредимый,— обратился к Морозову Божко,— принимай команду над всей группой и выводи в тыл. Наверное, нам лучше всего выйти к тому повороту грейдера, откуда начиналось наступление,—высказался он.

— Ну что ж,— ответил Морозов,— за мной. Только без шума...

Во главе группы пошли Морозов с пожилым сапером из соседнего батальона. Замыкали колонну два солдата, помогая идти раненым. Лейтенант боялся заблудиться, но, к счастью, на снегу он увидел отпечатки гусениц танка. Направление колеи совпадало с направлением обратного азимута. «У танкистов к дорогам особое чутье,— заключил Морозов.— Где бы танк ни блуждал по степи, в конце концов он все равно должен выйти на грейдер. Значит, идем правильно».

После привала Морозов решил: они с сапером пойдут вперед, раненые останутся на месте. Если обнаружится грейдер, вернутся за ними. В противном случае придется окапываться и ждать дня.

Морозов приказал наметить места, по которым лучше будет организовать круговую оборону, сам же с сапером пошел вперед. Дорогой он спросил бойца: «Как тебя зовут?» Услышал ответ: «Андрей Одинцов, ростовский шахтер». Вскоре они поднялись на небольшую возвышенность и увидели внизу, в полукилометре от себя, свет фар и услышали гул проходящих машин. Там пролегал грейдер. Но чьи это машины? Они подползли ближе к грейдеру и, укрывшись в кювете, стали наблюдать. Может быть, про-

тивник перешел в контрнаступление? А может, это трофейные грузовики гвардейской дивизии? Их много захватили в Халхуте. В таком случае почему они идут в обратном направлении?

Машины были крытые, а темнота не позволяла рассмотреть водителей.

Вдруг Одинцов толкнул Морозова локтем и прошептал:

— Наши! Слушай, лейтенант... Слышишь, как что-то тарахтит и дребезжит? Я работал на грузовике и знаю, что это такое. Идет советская полуторка. Немцы берут себе ЗИСы, и никогда полуторки. Значит, это наши. Вставайте, идем на дорогу.

Действительно, мимо промчалась, звеня подвешенным к раме ведром, полуторка, в которой сидели наши солдаты.

Рассвело. Сапер побежал к группе раненых. Морозов же, осмотревшись, увидел справа от себя батарею 76-миллиметровых пушек. От нее устало шел офицер. Божко узнал его: «Неужели это ты, Борис Толстов?» Оказывается, они вместе служили срочную в Средней Азии. Спросили Толстова, не знает ли он, куда идут эти машины. Он объяснил, что это после неудачной ночной атаки увозят раненых. Артиллерист нервничал; он ругал растяп-пехотинцев, которых должен был поддержать огнем, но из батальона никто с ним не связался, и за всю ночь его пушки не сделали ни одного выстрела.

— Я — начальник штаба этого батальона,— ответил Морозов и рассказал ему о ночной атаке, которая как раз и нуждалась в артиллерийской поддержке. Выходит, что и выделенный для поддержки атаки танк тоже, наверное, простоял без дела. Теперь они вдвоем ругали старших своих командиров, которые не смогли организовать взаимодействие.

В это время к дороге подошла группа раненых, которых вел сапер Одинцов. Морозов вышел на грейдер, пытался останавливать проходящие машины. Они катили мимо не задерживаясь. Старший лейтенант-артиллерист вытащил из кобуры пистолет «ТТ» и дал сигнал взмахом руки проходившей крытой машине, указывая на скаты. Машина остановилась, но шофер развел руками: кузов переполнен. Все же заставили его открыть задние дверцы и туда с трудом втиснули трех раненых. Так отправили и других. Последним уехал лейтенант Божко. Здоровой рукой он расстегнул ремень и снял кобуру вместе с парабеллумом. Протянул Морозову.

— Возьми на память. Отличный пистолет! Спасибо тебе!

Борис Толстов отправился на свой наблюдательный пункт, а Морозов остался со своими бойцами у грейдера. Стали окапываться. Поблизости остановилась легковая машина. Из нее вышел моложавый генерал. Он нервно курил, и, пройдя возле машины несколько раз туда и обратно, наконец подошел к Морозову и спросил:

— Что за люди?

Лейтенант доложил, что это остатки усиленного батальона 899-го стрелкового полка, который участвовал ночью в наступлении на Яшкуль.

Генерал немного подумал.

— Вот что, лейтенант,— сказал он.— Видишь вон пушки? Немедленно переходи туда со своими людьми и окопайся впереди батареи. В случае немецкой контратаки стоять по-гвардейски,— ни шагу назад! Своим доложишь, что это был приказ генерала Губаревича.

— Есть, окопаться впереди батареи!

Генерал сел в машину и уехал.

Измученные ночным боем, бойцы едва держались на ногах. С трудом долбили лопатами мерзлую землю. Морозов подошел к командиру батареи, совсем еще молодому старшему лейтенанту. Заметил, что его пушки стоят на совершенно открытой местности.

Тот улыбнулся.

— Танков пугаются только плохие артиллеристы, лейтенант. У меня такие наводчики, что дай бог!

Судьба уже сводила Морозова с артиллеристами под хутором Венцы. Немецкая танковая дивизия прорвала тогда оборону, и батальону пришлось отходить назад. Отход прикрывали батареи противотанкового дивизиона.

Артиллеристы, разгоряченные боем, бились в одних нижних рубашках. На батарее все делалось только «бегом». Сбоку стоял капитан и кричал:

— Пехота, проходи, проходи! Проходи, не задерживайся!

И только когда миновал последний солдат из отступавших, он вызвал из укрытия автомашины и снял батарею с позиций, не оставив немцам ни одной пушки.

Лейтенант помнил имя его и фамилию: Антон Кривощеков.

Встречались такие не раз, и не два.

Когда вели бои под Сиротино, колхозник, старый сол-

дат, с восхищением рассказывал, как на гвардейскую батарею, стоявшую в его огороде, наступали вражеские танки, а сверху пикировали самолеты. После каждой бомбежки казалось, что с батареей все кончено. Но на крыше сарая, стоявшего рядом, неизменно поднимался лейтенант, отдавал команды, и пушки снова и снова стреляли.

Так немцы ничего и не смогли сделать с этой батареей.

И вот такой же храбрец. Лет восемнадцати.

Лейтенанту надолго запомнилось молодое задорное лицо этого паренька. Сдвинув шапку на затылок, он стоял со своими солдатами и пушками на голом поле, ожидая врага.

...Не успели солдаты углубиться в землю и на несколько штыков лопаты, как вдруг послышались крики верблюдов. Из-за поворота дороги показалось несколько повозок и колонна, численностью менее роты. Впереди шел капитан Косяк, а на подводах сидели и лежали раненые. Среди них находилось и несколько офицеров. Комбат остановил свой обоз и, подойдя к Морозову, спросил, как он оказался здесь.

— Выполняю приказ генерала Губаревича.

— Снимай с позиций людей, наш боевой участок в другом месте,— распорядился комбат, поправляя тонкий ремешок, которым он был подпоясан.

Остатки батальона двинулись за бугор, на левый фланг дивизии Губаревича, и начали окапываться.

Когда окопы были выдолблены в мерзлом грунте, несколько солдат спустились в лощину за сухой травой для подстилки. Вдруг снизу послышались выстрелы, и Морозов угадал крик Умарова:

— Лейтенант, спасите!

Вниз быстро кинулись солдаты. Они принесли Умарова, раненного в ногу. Оказалось, что вплотную к позициям подобрались вражеские разведчики и хотели взять «языка». Им это не удалось. Лейтенант расстроился, увидев раненого Умарова. Хакимжан Умаров — один из лучших солдат батальона. Сам он попал в полк из астраханского аула. В начале осени Морозов видел его отца, старого табунщика, приезжавшего в часть, когда они стояли на оборонительных рубежах. Отец, навестив сына, привез в подразделение мешок с гостинцами — в нем были баурсаки, казы и другие лакомства. Старик сказал, прощаясь, что не только Хакимжана, но и весь его взвод он считает

своими сыновьями и приглашал всех в гости, когда кончится война.

Утром немцы, разведав новую линию окопов, открыли по ней артиллерийский огонь. Чувствовалось, что эта местность ими была заблаговременно пристреляна.

III

Начались затяжные бои под селением Яшкуль. Сосредоточив в этом районе немалое количество войск и техники и создав укрепления, противник упорно удерживал позиции. Прорвать оборону врага для полка оказалось не по силам. Очень мало подвозили боеприпасов, горючего, продовольствия. Паромные и автомобильные переправы вблизи Астрахани не действовали.

Не хватало пресной воды. Близлежащие колодцы фашисты взорвали, засыпали песком, либо отравили в них воду. Бойцов Косяка спасал лишь один колодец, который удалось очистить. Фашисты дознались о нем и, установив тяжелый миномет в Яшкуле, трое суток с интервалами в несколько минут обстреливали зону, где находился этот живительный источник. Но солдаты и под огнем пробирались за водой. Каждое ведро воды относили в санчасть, выливали в бачок и по разрешению врача выдавали больным по полфляжки. К исходу третьего дня одна из тяжелых мин все-таки угодила в цель, и колодец был завален. Так бойцы совсем лишились пресной воды. Но без воды нельзя жить, немыслимо воевать... И вот ночами солдаты вылезали из окопов и ползли по степи к дороге, чтобы отыскать ямки, оставленные копытами животных, старые воронки от снарядов и бомб, пробивали тонкую наледь и ложками черпали мутную, наполовину с глиной воду.

С полмесяца назад выпадал небольшой снежок, но его смешало с пылью. Бывало, что в поисках влаги случайно натыкались на более глубокие и «урожайные» балки с нерастаявшим льдом или снегом,— это становилось событием. Особенно страдали от нехватки воды раненые, потерявшие много крови.

Немцы учли опыт боев в Африке, они оказались лучше подготовленными к войне в безводной полупустыне. У них имелись специальные машины с большими цистернами. Они могли подвозить воду с больших расстояний. У нас, к сожалению, никакой специальной техники не име-

лось. Приходилось полагаться на выносливость солдата, на его предприимчивость и смекалку.

Ударили заморозки, в калмыцкой степи гуляли студеные ветры. Согреться было негде, крытых блиндажей не было ни в одной роте. Солдаты и офицеры мерзли в простых окопах. Пробовали согреваться, сжигая толовые шашки. Но что они могли дать, кроме дыма?!

Но ни холод, ни недостаток в питьевой воде, ни скудное питание не порождали у бойцов растерянности. Всякая попытка фашистов продвинуться пресекалась огнем и штыками. Тогда они начинали хитрить, нападали ночами внезапно с флангов или с тыла. Но прошлый горький опыт многому научил бойцов. Наша разведка не дремала, наблюдение велось постоянно, и враг не мог застать наших врасплох.

Понемногу накапливались силы. Батальон Косяка получил чуть ли не целую маршевую роту. Пополнился запас патронов и гранат. Теперь можно было создать подвижной отряд. Отряд совершил рейд в тыл врага.

Двадцать четвертого декабря части и соединения 52-й армии, действовавшей правее 248-й дивизии, перешли в наступление. Эта операция была частью плана боев по уничтожению группировки Паулюса.

Несколько суток спустя и подразделения 248-й стали выходить на рубеж атаки западнее Яшкуля. Косяк и Морозов со своим батальоном сильно замешкались с выходом на рубеж атаки и оказались на нем, когда уже совсем рассвело. Опасались потерь. К счастью, противник обстреливал местность из минометов и артиллерии довольно вяло. Когда вышли на этот рубеж, скрытый от противника длинными невысокими буграми, можно было остановиться и накормить людей. Почти сутки они не ели.

Что-то пошлет служба продснабжения?

Подвода, в которой везли продукты, в какой-то момент оказалась на виду у гитлеровцев, тотчас они обстреляли ее из минометов и почти сразу «накрыли». Лошади были убиты, а контуженый ездовой отброшен в сторону. Подвода же стояла невредимой. К ней, несмотря на продолжающийся минометный обстрел, бесстрашно бросились десяток солдат, схватили ящики и бидон с какой-то жидкостью и притащили в укрытие. В ящиках оказались банки астраханских консервов из судака в томате, а в бидоне — водка. Люди сильно промерзли, и водка должна была, видимо, заменить чай. Василий Морозов знал истинную цену

спиртному. Но выпил полкружки. И пожалел. После недолгого прилива теплой волны в теле наступил озноб...

— Поведешь бойцов в атаку! Прямо сейчас! — сказал комбат... Морозов подал команду и поднялся во весь рост. Редкие выстрелы со стороны немцев торопили. Бежали по широкой долине, отделяющей бойцов от вражеских окопов.

Стоило подняться на возвышенность, как огонь усилился. Стреляли и шрапнелью, и гранатами, и зенитными снарядами, которые разрывались у самой земли огненными клубками. Наши пушки и пулеметы не смогли подавить вражеского огня, и бойцам пришлось залечь и окапываться.

К счастью, Морозову попался небольшой окоп, ранее вырытый, наверное, кем-нибудь из наших наблюдателей. В него он и вскочил с радистом Легкодымовым. К ним присоединился еще невесть откуда свалившийся капитан — комбат соседнего батальона. В окопе они вполне уместились, приникли к земле, прислушивались к визгу мин, невольно шептали: «К нам...» — «Не к нам...» — «Мимо...»

Связной штаба полка и под этим огнем разыскал комбата.

— Немедленно к командиру полка! — передал он.

— Ужас, какой огонь! — невольно вырвалось у комбата.

Выскочил капитан из окопа и побежал. Как Морозов узнал позже, он так и не попал к командиру полка. Был изранен осколками.

Морозов, радист, другие солдаты в окопчиках пролежали до темноты, не имея ни с кем связи и не зная, что делается вокруг них. Рация не работала. Посланный в штаб связной не вернулся. Когда стало темнеть, минометный огонь заметно уменьшился. Налеты поредели. Да и пулеметный огонь стал ослабевать. Женский голос зазвучал поблизости.

— Раненые, отзовитесь!

По снежному крошеву, смешанному с землей, двигалась санитарка в ушанке и полушубке. Она нагибалась над ранеными, осматривала, перевязывала их, а потом или сама или с помощью солдат отводила в окопы. Морозов узнал Надю Деюн из полковой санроты. Надя обычно носила три сумки. Одна из них — медицинская, другая — от противогаза (в ней был хлеб) и третья, поменьше — с табаком. Когда она находила раненого, то, перетащив его в более безопасное место, перевязывала. Если

позволяла обстановка, то и кормила, потом свертывала для него «козью ножку».

Солдаты боготворили бесстрашную девушку. Когда она подошла ближе, Морозов подозвал ее.

— Давно из сапроты?

— Давно.

— Что там делается?

— Не знаю.

— Не видела комбата?

— Нет.

— Много нашла раненых?

— Человек пять. Их я перевязала.

— Как же быть?— сказал Морозов в раздумье, обращаясь к Наде.—Здесь лежать бесполезно. Наверное, забыли про нас, связного моего, должно быть, убили, связной из штаба скорее всего не нашел нас.

Он рискнул поднять людей, чтобы отойти к исходному рубежу. Там глубокие окопы, солдаты хоть обогреются. Приказал командирам отводить людей к окопам, а сам пошел вместе с Надей. Она подсказала лейтенанту, что примерно в полутора километрах от них разбиты палатки медсанбата, там можно обогреться.

«Не понимаю,— думал Морозов.— Атаковать противника без артподготовки среди белого дня, а потом бросить солдат на произвол судьбы!»

Скоро нашли палатки медсанбата, обогрелись в них, и к рассвету вернулись на свои места.

— Морозов!— услышал лейтенант. Поблизости с лошади соскочил полковник. Это был только что назначенный командир полка Жуков. Он приветливо переговорил с лейтенантом, сказал, что противник оставил свои позиции и отступил, так как гвардейские части еще вчера перерезали дорогу на Элисту в двадцати пяти километрах от Яшкуля.

«Теперь дела у нас пойдут,— с радостью подумал Морозов, провожая глазами этого уверенного и спокойного офицера.— Полк без командира — что семья без отца».

Морозов пошел в свой батальон, передвинувшийся вперед по дороге, ему встретился стоящий на обочине грузовик. В кабине в распахнутой шинели сидел незнакомый капитан с привинченным к кителю знаком «Гвардия». Спросил, как идут дела. Морозов ответил, что вчера здесь немцы отчаянно оборонялись, и батальон не смог взять их позиции. Капитан усмехнулся.

— Какие там немцы!— сказал он.— Немцы еще вчера ушли на Элисту. Вас держал здесь батальон, сколоченный фашистами из отщепенцев. Они дерутся не хуже.

На недавнем поле боя лежало множество убитых красноармейцев. Посреди трупов возвышалась, подобно монументу, сожженная тридцатьчетверка. Правее нее среди разбитой минометной батареи словно в прыжке, застыл мертвый лейтенант. Его лицо было искажено — как видно, у него прямо в ногах разорвалась вражеская мина. В окопчике левее на боку лежал солдат с подвязанной ушанкой. Казалось, он спит. Коснись до него рукой — и он проснется. В десяти метрах от вражеского окопа — сраженный офицер. Полевая сумка отброшена в сторону, руки вытянуты вперед, вцепились в сухую степную траву. Смерть каждого настигала по-разному.

Стояла сухая морозная погода, почти без снега, и поле боя имело такой вид, как будто все здесь случилось в одно мгновенье.

А вот и немецкие окопы. В пулеметных гнездах виднелись целые конусы блестящих стреляных гильз. Здесь тоже трупы.

...Вблизи обрушенного миной окопа лежал на боку убитый немец — его поразил большой осколок, разорвал спину. Руки убитого были сложены как бы для молитвы. Раскаленный кусок металла, оборвав жизнь солдата, распорол и его ранец, и оттуда выпала вместе с запасными носками, бельем, записная книжка в черном лидерине «Меркбух».

Морозов до этого никогда и ничего не подбирал из «трофеев»—будь то даже мыло, авторучка, часы, бритвенный прибор или что-нибудь другое. Прежде всего он по опыту знал, что тот, кто не мог удержаться от подобного соблазна, нередко получал увечья и даже рисковал жизнью,— заманчивая находка могла оказаться смертоносным «сюрпризом», ловушкой.

Но даже не это удерживало его. К трофейным вещам Морозов испытывал непреодолимое отвращение и даже брезгливость.

...Морозов наклонился и поднял «Меркбух». Там среди исписанных страничек оказались цветная открытка и фото. На мастерски исполненной открытке запечатлен был цветок розы. На лепестках утренней розы сверкали капельки росы. На фотокарточке были двое — сам владелец записной книжки и девушка. Юноша и его очарователь-

ная подруга сидели за живой изгородью на ступеньках коттеджа, у их ног цвели нарциссы и жонкили. Девушка, одетая в белое с крапинками платье, расположилась выше, а юноша, тоже в летнем костюме, сидел чуть ниже, нежно касаясь руки своей подруги. Они смотрели друг на друга и в их блестящих изумленных глазах отражалось то, что переполняло их сердца.

У Морозова защемило в груди, он вспомнил свою весну, когда за селом в приречных зарослях куковала кукушка, вспомнил, как пахла сирень и ветер разносил вокруг тополиный пух...

Это продолжалось, может быть, несколько секунд. Очнувшись от мыслей, он увидел на земле следы смерти. Она сделала свою ужасную работу. Что принесло сюда юношу-немца из далеких краев? По принуждению или по своей воле. Надеялся на завоеванных землях «получить надел»? Им эти наделы щедро обещали!

Морозов понимал, что тот бы мог избежать своей нынешней участи. Еще в тридцать первом, будучи третьеклассником, на вечере школьной художественной самодеятельности, Вася Морозов, непременный участник концертов, вдохновенно декламировал стихи:

В бою столкнулись двое:
Чужой солдат и наш,
Чужой схватил винтовку,
Сразиться он готов:
«Посмотришь ты, как ловко
Сшибаю я врагов».—
«Постой, постой, товарищ!
Винтовку опусти.
Ты не врага встречаешь,
А друга встретил ты.
Такой же я рабочий,
Как твой отец и брат,
Кто нас поссорить хочет —
На тех оставь заряд.
На тех направь оружие,
Кто сам затеял бой.
И твой сынишка будет
Свободен, как и мой!

Беда в том, что классовое сознание не появляется в головах само собою. Нацисты сеяли обман, лицемерие, посулы... Весь вермахт был отравлен ядом шовинизма и расизма. Коричневая зараза поразила на Шпрее чуть ли не всех поголовно. И они двинулись, одержимые жаждой грабежа и разбоя. О братании на этой войне не было и речи.

Морозов, спрятав в планшет фото и открытку, подозвал оказавшихся поблизости бойцов комендантского взвода, сказал, чтобы похоронили где-нибудь и «этих». Увидев недоуменный взгляд, сурово сказал:

— Из санитарных соображений.

За немецкими окопами начинался лиман, поросший высоким камышом. На берегу было разбросано оружие, боеприпасы. Морозов узнал, что на этом месте оказался окруженным немецкими танками один из гвардейских батальонов и вел с ними жестокий бой.

IV

И снова — тяжелые марши с напряженными боями. Морозов знал, что впереди на пути батальона — Ростов-на-Дону, что выход к этой точке является частью плана по уничтожению 6-й немецкой армии.

Все время находились в движении или в бою; не знали различий между днем и ночью. Враг откатывался, но по пятам наступающих рыскали конные банды, и, если красноармеец отставал от своего подразделения, нередко его поджидала смерть от пули предателя. Борьбу с бандитами комбат поручил Душану Иванову — своему боевому другу еще по гражданской войне, с которым они вместе дрались против атамана Зеленого. Душан, малорослый, не знающий страха болгарин — бывший унтер-офицер, чувствовал приближение бандитов, можно сказать, интуитивно. И стоило только появиться на горизонте верховому лазутчику, как он лихо разворачивал свой «максим», давал несколько очередей, и бандитов сдувало как ветром.

Как-то на марше батальону повстречался взвод тридцатьчетверок. Одна машина остановилась, и танкист-командир спросил у Морозова, не потерял ли он бойца. Танкист показал на броню, где сидел солдат.

— Едем мы,— говорил танкист,— и видим, ползет человек на запад. Остановились, посадили его на борт машины. Спрашиваем — откуда. Боец назвал номер полка. Подбился, мол, сел отдохнуть и переобуться, а встать уж не смог. Вот и пополз вперед.

Вчера еще потерянный боец снова вернулся в строй.

Грязь, тяжелые переходы — все пришлось претерпеть подразделениям! Транспортных средств имели самую малость. Поэтому станковые пулеметы, 82-миллиметровые минометы, ружья ПТР солдаты несли на себе или тащили

на самодельных санях. Когда выпадал снег, то к лоткам с минами привязывали веревки и тоже тащили их за собой волоком. И с такой нагрузкой марши в сорок, а то и в пятьдесят километров в сутки, при очень скудном питании!

В конце декабря вышли к Манычским озерам.

Стоял морозный день. Мела поземка. Комполка Жуков и его начальник штаба Хоменко порядочно продрогли, добираясь до какого-то пункта по дороге на станцию Дивная, куда их вызвал командир дивизии. В избе, занятой комдивом, кроме штабных офицеров, находились незнакомые им люди. В передней на деревянном топчане лежал раненый немецкий летчик. Он со своей эскадрильей участвовал в штурме и обстреле наших боевых порядков и был сбит. Допрашивать пленного было невозможно, так как он находился в обмороке, бредил.

Комдив провел Жукова и Хоменко в другую комнату. Попросил у них карту, вкратце ознакомил с общей обстановкой на участке дивизии, но почему-то ни слова не сказал о положении соседей. Задачу же для полка изложил ясно: действуя на левом фланге, форсировать Маныч, вступить в соприкосновение с противником и обеспечить условия для переправы частей дивизии через водную преграду.

Можно было понять, что другие полки дивизии успеха в наступлении на станцию Дивная не имеют. Они ведут бой за Правый и Левый острова.

— Когда начинать?— спросил Жуков.

— Утром. По своему плану,— ответил комдив.

Сразу же после возвращения от комдива Жуков созвал офицеров, чтобы обсудить план предстоящего боя. Пригласили командиров батальонов, старших адъютантов и начальников служб. Первым выступил начальник разведки. Он доложил, что на левом берегу Маныча, на господствующих высотах у немцев есть оборонительные сооружения, с которых местность просматривается и простреливается. Здесь фашисты сосредоточили артиллерию и танки. Наше положение осложнялось и тем, что разрушены переправы, а лед на Маныче был слабый, с большим количеством полыней.

Затем дали слово полковому врачу. Его слушали особенно внимательно. Всех беспокоило одно: как форсировать реку? Переправ, как уже сказано, не было. Значит, преодолеть Маныч предстояло только вброд. Врач попро-

сил вызвать разведчиков, добывших прошлой ночью «языка». Командир разведвзвода явился со своими ребятами.

— Холодна ли водичка?— спросил несколько фамильярно врач.

Разведчики смущенно молчали. Потом один, что побойчее, заговорил:

— У нас, на Алтае, принято так: из баньки да в снег. Не вода страшна. Надо потом о тепле позаботиться.

Другой добавил:

— Мой папаша являлся активистом деревенской церкви, по праздникам имел доступ к колоколам. В крещенские морозы в «Иордани» купался. Зато после купанья в проруби его тут же в шубу закутывали и горячительное подносили с хорошей закуской. Вчера мы разутыми и раздетыми через Маныч перебежали. Потом вытерлись насухо и дальше двинулись...

— Озябли?

— Что вы! Даже жарко было!

Полковому врачу даже не понадобилось делать разъяснения.

Командир полка поблагодарил отважных разведчиков за их находчивость, потребовал от офицеров, чтобы об их информации было подробно рассказано воинам.

Вернувшись к себе, Косяк и Морозов устроили такой же инструктаж младшему командному составу. Большинство солдат вступили в ледяную воду Маныча раздетыми. Одежду несли на голове. Нашлись и такие, которых артобстрел и холод испугали настолько, что они бежали через реку, не сняв шинелей и сапог.

У Морозова связным был молодой паренек с Украины, Миша Братко. В колхозе он работал пастухом и на привалах любил рассказывать про свои пастушьи приключения. Когда все бросились в атаку, Морозов увидел, что Михаил отделился от цепи и побежал влево. Морозов закричал ему, чтобы он вернулся, но Братко махнул ему рукой и скрылся в балке. Когда же заняли окопы, он появился, ведя перед собой двух пленных немцев. Оба — старые вояки, каждый имел по нескольку нашивок и знаков отличия. На вопрос Морозова, где взяты пленные, связной, улыбаясь, ответил: «Когда все пошли в атаку, я приметил, откуда бьет пулемет. Вижу балочку. Бойцы бегут вперед, а эти пуляют... Я скрыто и тихонечко подбежал к ним сзади с гранатой: «Хенде хох!» Вот они и здесь».

Все восхитились предприимчивостью пастуха. Молодец! Ему в немалой степени батальон обязан был успешной атакой.

В этой дружной атаке батальон потерь почти не понес. Морозов видел только одного бойца, раненного в плечо. Санитар быстро перевязал рану и отправил его в тыл. Заняв немецкие окопы и позавтракав, бойцы пополнили свои запасы курева трофейным табаком. Табак оказался скверным, но, когда смешивали его с махоркой, получалось неплохо. По всей вероятности, батальону следовало бы закрепиться в занятых окопах, подготовить огневые точки и вообще изготовиться для отражения контратаки противника, если бы он ее предпринял.

Со второй половины дня стало видно в бинокль, что в далеких постройках суетились немецкие солдаты и немного погодя от домиков отделилась автомашина, которая пошла в степь.

Около повозки, весело болтая, сидели несколько офицеров и комбат, радуясь успешной утренней атаке. Морозов доложил комбату, что немцы заходят в тыл и, наверное, готовятся к контратаке. Комбату показалось это невероятным, и он беспечно ответил:

— Ерунда!— и приказал ему и командиру роты идти в балку и собрать трофейное оружие.

Морозов с отделением бойцов пошел туда, но их сразу же обстреляли из минометов.

Морозов крикнул солдатам:

— Ложись! Огонь по немцам!

Сам упал на землю, солдаты тоже залегли и открыли ответную стрельбу.

Нужно было уходить из немецких окопов к Манычу, но путь преграждал пулемет, который немцы заранее установили на левом фланге. Выбрав момент, когда пулеметчик перезаряжал пулемет, Морозов и его бойцы бегом бросились к реке, под защиту гряды, с которой утром пошли в атаку. Пулеметчик торопливо открыл огонь, но благодаря сумеркам бойцы благополучно достигли укрытия. Досталось только связному. Пуля на излете попала ему ниже спины и, не причинив вреда, застряла у него в шароварах, откуда он извлек ее сам, без помощи медиков. Бойцов это развеселило: «Вот потеха! Да он же бронированный!»

Мучила жажда. Морозов с Курилкой, зная, что берег Маныча во многих местах минирован, все-таки решили

спуститься к воде и напиться. Нагнувшись, Курилка зачерпнул в котелок воды и подал лейтенанту со словами: «Пейте не отрываясь!» Не переводя дыхания, Морозов сделал несколько глотков. То же сделал и Курилка. Горько-соленая вода уменьшила жажду, но во рту было отвратительно.

Комбат, допустивший оплошность, был сам не свой. Особенно огорчила его весть о том, что из боя не вернулся его друг Душан Иванов.

Среди убитых его не обнаружили. Может быть, он не погиб, а тяжело раненным попал в плен к противнику? А может, среди убитых не опознали его?

Стали выяснять, кто и где видел Душана последним. Он со своим пулеметом находился рядом с батареей противотанковых пушек лейтенанта Михаила Бойко.

Позвали Бойко. Он появился на командном пункте батальона, как обычно, в шинели нараспашку, спокойный, надежный. Любимыми его словами были: «Бейте поэнергичнее! Долбите, не жалея рук!» Это означало, что надо долбить землю, оборудуя позиции, долбить снарядами вражескую технику, особенно танки.

Бойко подтвердил, что и в самом деле левее его наблюдательного пункта находился станковый пулемет. Он отбил атаку фашистов на батарею. На это понадобилось всего пяток коротких очередей. Но там был не только пулемет. В глубокой промоине Бойко во время боя видел скрытую в ней подводу с боеприпасами и верблюда. Точнее, верблюдицу Луизу, ее можно было узнать по голосу. Там же занимали окопы бойцы взвода младшего лейтенанта Володи Жевака. Куда делся Жевак, где его взвод и болгарин-пулеметчик — Бойко не знал.

— Наблюдать за полем мешал снегопад,— пояснил Бойко.— Нас разделяла высотка, или, как ее называют, бархан. После коротких очередей пулемет умолк. Боясь, что гитлеровцы нас обойдут, я послал за высотку разведку — двух солдат и ефрейтора. Разведчики на своем пути обнаружили немцев с пушкой. После рукопашной схватки они овладели пушкой и немалым количеством снарядов. Развернули трофейное немецкое орудие и стали обстреливать фашистов.

Пулеметчик Душан Иванов, младший лейтенант Жевак и его бойцы исчезли бесследно.

Прошло несколько дней. За это время захватили стан-

цию Дивное и стали преследовать врага дальше. Потом были бои за хутора и поселки близ Сальска. И там, как это написано в повести Гоголя, «отыскался след Тарасов».

Батальон сделал привал в хуторе, дня два тому назад освобожденном взаимодействующей гвардейской частью. У крайней хаты Морозова встретил ее хозяин — старик. Он пригласил офицера и его солдат в свою хату.

— Хибара наша маленькая, живем со старухой,— сказал хозяин.— Но заходите все. Покормим.

Когда вошли в теплую хату и хозяйка, сухонькая старушка, поставила на стол большую кастрюлю с горячим борщом, хозяин рассказал, что в сарае у него есть хороший погреб и ему удалось спрятать собранный осенью урожай картофеля и бочку капусты, а коровку с телком фашисты сожрали. Вот теперь и варится борщ без сметаны. Они только вчера накормили бойцов, сопровождавших подводу, а впряжена в эту подводу верблюдица. Солдаты называли ее Луизой.

— Луизой? Так это же наши!— воскликнул один из солдат.

— С ними был невысокий такой, седой солдат. Разговаривал с картавинкой, веселый,— вспомнила старушка.

— Душан! Он никогда не унывал... Мы еще увидим нашего другаря.

Значит, жеваковская команда жива, но, видно, воюет она, прибившись к другой части!

Косяка эта весть обрадовала и возмутила:

— Вот черти! Уж я их найду! Уж я им покажу, разбойникам!

«Разбойники» нашлись довольно скоро. В то время на людей неожиданно обрушилась оттепель. Степные балки, набитые талым снегом, задерживали передвижение. Через них перебирались по колено в воде, перетаскивали на руках пушки, минометы, ящики с боеприпасами. Суточные переходы стали все короче и короче. Шли по воде и грязи в валенках. Мучительнейший переход! Слабые не выдерживали, от усталости валились с ног.

Нелепо и бессмысленно погиб связной Морозова — он вел на поводу обозного коня, споткнулся, упал, и тут же у него треснул сломанный копытом позвоночник. Такое случилось потому, что и трудяги-лошади совсем выбивались из сил. Известно, что крестьянская лошадь, оказавшаяся у лежащего поблизости человека, обычно моментально останавливается.

В одной такой балке, где чуть ли не на час увязли обозы и орудия, Косяка догнал верхом на лошади командир полка. Он сказал ему, что его батальон вскорости получит пополнение... свой же взвод с младшим лейтенантом и верблюдом впридачу, путавшихся под ногами соседей-гвардейцев. Заблудившихся обещают вернуть в полном составе. А за все это, за потерю управления боем, за утерю подразделения капитан Косяк снимается с должности. Комбатом будет другой офицер.

— Но я просил,— добавил командир полка,— вас, капитан, под суд военного трибунала не отдавать. Вы будете работать у меня заместителем по снабжению. Это мы делаем, учитывая ваши прошлые заслуги, возраст, склероз, стенокардию и тому подобное. Вы поняли, Стефан Иванович? От комдива Галая, мой милый, я сам получил выговор.

Косяк стоял невеселый, бессильно опустив руки.

— Вина моя большая, товарищ полковник,— ответил он.— А вам спасибо за доверие. Я сделаю для себя выводы и постараюсь в дальнейшем быть более осмотрительным.

В тот же день Косяк ушел из батальона и принял хозяйство полка. В тот же день пришел к нему и его «другарь» — пулеметчик Душан Иванов. Косяк не расстался с болгарином, взяв его к себе в транспортную роту. Такой человек везде нужен.

В подразделениях царило большое оживление. В полку служило много солдат, уроженцев юга Украины. Каждый рвался к родному краю. К тому же, наконец, кончился страшный поход по безлюдным и безводным степям, когда по нескольку дней приходилось существовать и вести бои без глотка питьевой воды и нормальной пищи. Теперь попадались через небольшие расстояния хуторки и селения. В каждой хатенке бойцы были желанными людьми, можно было обогреться.

Жители, ограбленные фашистами, бедствовали сами, но делились с солдатами последним кусочком хлеба.

Еще в Дивном агитаторы рассказывали бойцам о важном значении боев на этом направлении для судеб Кавказа и Сталинграда.

Теперь всякий понимал, что группировке врага уже никогда не выбраться из Сталинграда.

Она обречена.

«Фашисты узнали, где раки зимуют»,— говорили солдаты.

Глава десятая

СТЕПЬ В ОГНЕ

I

Сталинградская группировка Гитлера оказалась в «котле». Над его кавказскими войсками нависла угроза окружения — им закрывался выход на запад через Ростов. Поэтому, после потери Сальска, фашисты особенно ожесточились. Они стремились удержать за собой батайские мосты через Дон, чтобы по ним могли пройти отступающие войска вермахта.

Командование вермахта поспешно отводило свои корпуса к Ростову, прикрываясь подвижными моторизованными соединениями. Пехота у немцев была усилена танками и самоходной артиллерией, минометными батареями. Около каждого крупного селения шли кровопролитные бои.

Хотя советские части порой и имели некоторое преимущество в живой силе, противник на этом участке фронта значительно превосходил их в танках, самолетах и, что самое главное, его пехота передвигалась на машинах. Наши бойцы шли пешком, пушки везли на конной тяге, боеприпасы к ним — на подводах и во вьюках на верблюдах. Противник имел большую возможность для маневра. И только мастерство советского солдата, его беспредельное мужество и отвага давали нашей армии воз-

можность наступать, рвать вражескую оборону и вынуждать фашистов совершать свой драп-марш.

Там, где было можно, они яростно отбивались.

Контратакуя свежими силами с занимаемых позиций, фашисты иногда прорывались в тылы советских подразделений. В этих случаях они были особенно жестоки, никого в плен не брали, убивали всех, даже раненых бойцов, медсестер и санитаров. Получив отпор, спешно удирали, бросая оружие и награбленное добро.

Как-то вечером на марше Морозов оказался рядом с лейтенантом Андреем Германом.

— Ты читал мне свои вести из дома. Теперь я получил письмо. В стихах. Хочешь прочитать?— спросил Андрей.

Он остановился, вынул из планшета толстый конверт и протянул его лейтенанту. Это было письмо от Кати, девушки, с которой он дружил до призыва в армию. Морозов увидел тетрадные листы, исписанные стихами. В предвечерних сумерках читать нелегко, и Морозов едва разбирал строки любви.

Катя сочинила целую поэму, в которой писала, что гордится своим другом.

— Хорошая, видно, у тебя подруга,— сказал Морозов, возвращая стихи.

— Она замечательная девушка,— ответил Андрей.— Но вот что интересно. Ей кажется, что все мы герои, хотя на самом деле — просто работаем и все.

Морозов согласился. Верно, современная война не цепь героических атак и наступлений, а тяжелый труд сотен тысяч людей. Выживал в ней в основном тот, кто умел и хотел трудиться.

— Я часто думаю,— продолжал Андрей,— вот о чем. Почему я провел свое подразделение через все бои почти в полном составе, да и сам пока цел и невредим. Все дело в том, что основной костяк взводов у меня из колхозников и рабочих. Этих не надо подгонять, сами знают, когда браться за лопаты, и, сколь бы ни была твердой почва, к утру оборудуют окопы полного профиля. Молодые солдаты смотрят на них и делают то же самое. И все в надежных укрытиях. В наступление они тоже идут с умом, учитывают все складки местности, ведут наблюдение за огнем противника и стараются его перехитрить...

Ночью батальон дошел до какого-то отделения совхоза. Некоторые бойцы смогли обсушиться и согреться у

очагов. К утру снова ударил сильный мороз. И когда бойцы пошли дальше, только кое-кто жаловался, что дубеют валенки и шинели.

Надежда была на большие селения, обозначенные на картах в полосе наступления армии.

Чтобы дать возможность основным своим силам отойти за Дон, противник в районе Мечетинская — Зерноград создал мощный оборонительный рубеж. Взломать его должны были гвардейские соединения — стрелковая дивизия и танковая бригада. 248-я дивизия получила приказ наступать левее железной дороги Мечетинская — Зерноград через хутор Каменный и выйти на шоссе Зерноград—Кагальницкая, чтобы отрезать немецким войскам пути к отступлению.

Полк сосредоточился в небольшом хуторе, откуда и начал движение к Каменному. Хутор уже был занят батальонами соседнего стрелкового полка, выбившими оттуда фашистов. Поздно вечером немцы контратаковали их, стараясь вернуть себе хутор, но у них ничего не вышло.

Когда разведрилось утро, на хутор налетела вражеская авиация. Началась бомбежка.

Морозов в это время отогревался в хорошо натопленной хате. Бомбежки его не пугали. Он к ним привык, а перспектива побриться, помыться радовала. Хозяева спрятались от бомб в погребе на дворе, а Морозов налил горячей воды в стакан, намылил лицо и только успел провести по нему несколько раз бритвой, как услышал ружейно-пулеметную стрельбу. Взглянув в окно, он оцепенел — прямо на улицу, спускаясь с пригорка, двигались, угрожающе поводя стволами пушек, немецкие танки.

Морозов смахнул с лица мыльную пену, накинул шинель и, схватив ремни, выскочил в коридор.

По улицам бежали наши бойцы, ища укрытий.

Танки с крестами на бортах били по селу из пулеметов. Лейтенант перелетел через улицу, и со всех ног бросился к ротам батальона.

То там, то здесь группки советских бойцов залегали у заборов, в канавах и рытвинах, на ходу ведя по немцам огонь. По танкам ударили наши пушки, и сразу два из них, брызнув пламенем, задымили...

От хутора почти ничего не осталось. На выжженной черной земле — трупы, обгоревшие фашистские танки, разбитые самоходки...

Немцы поспешно отходили. А дивизия вошла ночью в станицу Мечетинскую, уже очищенную от фашистов.

В Мечетинской Морозов, разместив солдат на ночь в отведенных им домах, попросил свою хозяйку, чтобы она приготовила ему ведро горячей воды. Когда вода наполнила цинковое корыто, лейтенант снял гимнастерку и стал мыться. Женщина долго смотрела на его начавшие белеть ребра, обтянутые кожей, на воду, которая через минуту стала черной, как деготь. Сложив руки на груди, с удивлением сказала:

— Какой же ты, однако, худой! Вчерась в этом корыте мыл голову фельдфебель. Так тот совсем другой — справный, гладкий, вроде кабанчика. Вас плохо кормят? Или хвороба донимает?

Морозов промолчал, а про себя подумал: «Если б ты, ушлая тетка, прошла столько, как я, шагая через трупы, многие сотни верст от Астрахани и до этой станицы, так, наверное, тоже превратилась бы в живые мощи».

Утром атаковали железнодорожную станцию Злодейская. Но не успели перебраться через речку и подняться на возвышенность, как появились немецкие самолеты. Пехоту они обстреливали из пулеметов, а на обозы сбрасывали бомбы и мины. Пришлось принимать боевой порядок «в цепь» и рассредоточиваться. Под пулеметным огнем с воздуха солдаты продолжали наступать — ползком, перебежками. Переждав обстрел, поднимались и снова шли и шли вперед...

Вражеская авиация растрепала обозы, люди же пострадали мало. Скорость самолета огромная, и летчику человек на земле кажется не более карандаша, сразить его из пулемета почти невозможно. Солдаты хорошо поняли это и шли не боясь самолетов, которые, по существу, зря расходовали свои боеприпасы.

Подразделения старались держаться немного в стороне от дороги, чтобы затруднить вражескому летчику ориентировку.

Когда стали подходить к лесополосе, отделявшей от наступающих станцию, где уже вела бой гвардейская дивизия, Морозов увидел, как, обгоняя подразделения, по дороге к лесополосе прошла легковая машина. В тот же момент из-за лесополосы вынырнул «юнкерс». С ревом спикировав на машину, дал по ней длинную очередь. Потом, развернувшись, обстрелял и лесополосу; вдобавок в том месте, где в нее входила дорога, свалил несколько

бомб. Стало темнеть, и стервятники больше не показывались.

Пройдя лесополосу, Морозов с бойцами дошел до крайних построек станции и получил приказ: остановиться и заночевать. Спали в домах, в сараях, на сеновалах. Везде, где было сухо и не проникал ветер. Утром Морозову кто-то рассказал, что вчера машину командира гвардейской дивизии Губаревича обстрелял немецкий самолет и что генерал изрешечен пулями. Морозов вспомнил про лесопосадку и машину. Значит, это произошло у него на глазах...

Весть о смерти генерала вызвала у гвардейцев ярость. Они опрокинули фашистов, освободили Злодейскую и погнали врага к Батайску. В преследовании участвовала и 248-я дивизия.

Полку предстояло наступать на Батайск прямо в лоб, через мост, проходящий над железнодорожными путями. В помощь придавались восемнадцать танков, взятых из других соединений. Танки должны соединиться с ними на подходе к Батайску. Но кто же остался в полку. Какие силы? Командир полка выстроил людей и пересчитал. Всего около ста пятидесяти человек солдат и несколько строевых командиров, не считая штабных работников. В Астрахани в полку насчитывалось около двух тысяч человек.

Морозов молча стоял, вспоминая своих товарищей, погибших в этом тысячекилометровом походе. Вспоминал калмыцкие степи. Осеннюю распутицу. Лютую зимнюю стужу. Ледяные воды Маныча. Он уже давно забыл, что такое тепло. За все время похода в домах спал не более пяти раз, все же остальное время — в открытом окопе или прямо на снегу, где-нибудь в лесополосе или под яром степной балки, завернувшись в плащ-палатку.

И вот снова, после нескольких часов скупого отдыха, многокилометровый марш и на рассвете — бой за Батайск, крупный железнодорожный узел у Ростова-на-Дону.

Все хорошо понимали, что враг не уступит без боя и пяди земли. Будут еще кровопролитные схватки.

Свирепый ветер, жестокий мороз и впереди зарево пожаров — вот все, что осталось в памяти Морозова от этого перехода.

На рассвете подошли к Батайску. Кругом было тихо. Ни выстрела, ни ракеты, ни человеческого голоса. Обещанных танков не встретили. Поэтому, пройдя мост, залегли под тополями. Было ясное морозное утро. Ветер

стих, и дым прямыми столбами поднимался вверх из печных труб. Через пустырь смотрели множеством окон маленькие беленькие домики. Где укрепились фашисты?

Неизвестность настораживала.

Морозов выслал вперед разведку. Поднял затем бойцов и повел их цепью по степи, держа оружие наготове. Как только разведчики подошли к крайним домам, загремели выстрелы. Фашисты проснулись. Оказывается, они не только не выставили боевого охранения, но даже не поставили часовых около домов, в которых спали. И, конечно, жестоко за это поплатились. Кое-кто все-таки выскочил из домов. Завязался уличный бой. Проникшие к железнодорожной станции солдаты сообщили: там тоже кипит бой — его ведут гвардейцы. Вся станция забита эшелонами с танками, обмундированием и продовольствием. У немцев там паника.

Продвигаясь к центру города, Морозов с несколькими солдатами начал преследовать небольшую группу немцев, бежавших по центральной улице. Они тащили за собой мотоцикл с коляской, который никак не могли завести. Когда наши открыли стрельбу, немцы бросили мотоцикл и забежали за большое двухэтажное здание.

Морозов предупредил:

— Не выбегать на середину улицы, прижиматься к домам...

После короткой перестрелки можно было продвигаться дальше. К бойцам Морозова присоединился старший лейтенант, командир соседнего батальона, и лейтенант-артиллерист, который с неделю назад прислан был в полк, но за неимением матчасти, воевал как рядовой. Вдруг они увидели идущего к ним какого-то солдата с противотанковым ружьем на плече. Спросили:

— Откуда?

Солдат ответил, что воюет самостоятельно. Он оказался даже из другого полка. В уличных боях это иногда случается.

Старший лейтенант показал ему на немецкий танк, который вырвался из-за угла и остановился.

— Смотри, танкист открыл люк, осматривается. Наверно, офицерский танк. Обязательно надо подбить.

Они вдвоем стали выбирать огневую позицию, а Морозов пошел к своим солдатам. Не успел сделать и несколько шагов, как услышал выстрел из ружья. Танк за-

горелся. Но откуда-то появились еще два танка с немецкими автоматчиками.

Бойцы стали залповым огнем загонять немецкую пехоту за танки, чтобы замедлить их продвижение. Без пехоты танки боялись идти вперед. Укрываясь за домами, Морозов стал медленно отходить к окраине. С минуты на минуту должны были подойти наши танки. Осталась последняя улица, а за ней простиралась ровная заснеженная степь.

Дальше Морозов помнил только, как его подбросило вверх и словно стегнуло кнутом по боку и чем-то ударило в ступню. Когда пришел в себя, понял, что он лежит на спине у белого бугорка, покрытого чем-то вроде мыльной пены, и около него никого нет. Он тихонько повернулся на бок, подобрал с заснеженной земли свой пистолет и с трудом встал на ноги. Вдалеке увидел своих солдат, перебегающих крайнюю улицу, и среди них помкомвзвода Курилку. Морозов закричал, но его не услышали. Морозов попробовал сделать несколько шагов, однако упал. Из-за угла выскочил незнакомый солдат и поволок его по снегу. Солдат был ранен осколком в горло, из его шеи струилась кровь, он хрипел, но тихо ругался — мог еще... Морозов оперся на его плечо, они прошли с десяток метров, упали в ближайший окоп. В окопе были разбросаны коробки с галетами. Лейтенант подобрал галету и стал жевать. Солдат смотрел на него, ломал галету руками, но есть не мог из-за раненого горла.

Вражеский танк с пехотой уже был почти рядом. Морозов слышал лающие голоса, видел напряженные лица фашистов-автоматчиков. Приказал солдату:

— Иди! У тебя здоровые ноги, ты можешь еще уйти.

Солдат с неодобрением посмотрел на него:

— Вы меня не знаете, но я вас знаю. Мы с вами, товарищ лейтенант, земляки из Казахстана. Я жил в Челкаре. Так что я не брошу вас. У меня есть две гранаты. Будем драться. А там что будет, то и будет...

И они продолжали сидеть в окопе. Когда до немецких танков осталось метров сто, справа вдруг загремело грозное «ура!».

Ударила артиллерия, показался советский танк с надписью на борту: «Смерть фашистам!» Подошло подкрепление.

Немцы развернули свою машину и стали отходить. Морозов с солдатом-казахстанцем кое-как дотащились до

первого попавшегося домика и попросили хозяйку перевязать их. Вид окровавленных людей испугал ее. Она растерянно спросила:

— Вы офицер?

Морозов подтвердил, что он лейтенант.

— О боже! Неужели на войне ранят и командиров?— запричитала она.— У меня сынок-то тоже лейтенант.

Морозов протянул ей индивидуальный пакет, но она не брала его в руки и все причитала. Сын у нее «тоже лейтенант». В прошлом году прислал фотокарточку, и на нем форма, а в петлицах у него тоже два кубика. Руки у нее дрожали, и перевязать раны она не могла. Наконец прибежала дочь хозяйки, девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Она ловко стащила с него одежду, осмотрела на спине и на голове раны, проворно перевязала. Так же ловко управилась и с раной солдата. Оказывается, когда-то ее учили на сандружинницу, и она сдавала нормы на значок «Готов к санитарной обороне». В это время в дом зашел, тяжело дыша, еще один раненый боец. Вскоре и он забелел бинтами. Во время возни с ранеными девушка подшучивала над матерью и советовала ей вместо того, чтобы охать и причитать, заняться делом и приготовить гостям что-нибудь поесть.

Ночь они провели в этом доме.

На другой день подошли санитарные машины, и раненых вывезли в медсанбат дивизии. На операцию Морозов попал одним из последних. Когда его положили на стол, он увидел около себя несколько девушек в белых халатах и среди них Надю Деюн. Держа в руках коптилку, она веселым голосом сказала:

— А, лейтенантика принесли,— и погладила его по голове.

Ее подруга Аня Христенко готовила инструменты, а третья, имени которой Морозов не знал, обтерев рану на спине спиртом, стала делать вокруг нее уколы. Лейтенант лежал лицом вниз, поэтому не видел, что она там делала дальше, но больше от страха, чем от боли, вцепился в руку девушки со светильником, которая его вполголоса подбадривала. Наконец та, которая колдовала над его раной, сказала:

— Сделала разрез, но при таком освещении осколка не нашла. Дальше там врачи разберутся,— и забинтовала той же влажной марлей.

Ночью медико-санитарный батальон отбыл вслед за на-

ступающей дивизией, оставив раненых на попечение местных жителей.

— Теперь нам здесь загорать долго,— заключил лейтенант.— Когда-то приедет сюда эвакогоспиталь!

Морозов с двумя ранеными солдатами попал под присмотр к сестрам-украинкам. Звали их Марина и Галя. У них в доме Морозов и пролежал больше недели.

Ему очень хотелось читать. Но у его сиделок имелась всего одна книга, зачитанный томик «Кобзаря» Тараса Шевченко. Вечерами, когда Марина и Галя освобождались от домашней работы, Морозов, лежа на спине, с увлечением читал вслух на украинском языке певучие стихи украинского поэта и недоумевал, почему его слушательницы время от времени прыскали от смеха. Наконец не выдержал и попросил их объяснить причину такого задорного смеха. Они в свою очередь попросили его не обижаться и объяснили свое поведение так:

— Прямо-таки комедия. Если вас послушать, то не поймешь, о чем писал Шевченко.

Они начали учить его правильному украинскому произношению. Но ничего не получалось.

— Ладно, читайте по-своему,— согласились сиделки, и с того времени, когда они начинали скучать, Морозов предлагал им:

— Давайте, девчата, я вам по-украински почитаю,— и в комнате воцарялось неудержимое веселье.

Однажды прибежала Маринка и с радостью крикнула:

— Наши взяли Ростов-на-Дону, а фашисты в Сталинграде сдались в плен!

Глава одиннадцатая

ЮБЕР СТРАТЕГИЕ...

I

Когда в ночь на двадцать четвертое ноября Паулюс узнал, что советские танково-механизированные клещи сомкнулись в хуторе Советском, он распорядился, чтобы отсеченные части 6-й при отходе не растерялн обозов н солдат арьергарда, чтобы не было потерь от огня собственных войск, которые могли принять отступающих к Волге за своих врагов.

В приемном отсеке блиндажа командующего начальник оперативного отдела армии полковник Эльхлепп топтался недолго. Войдя к Паулюсу н глядя на его землистое и позеленевшее лицо, Эльхлепп поразился перемене в облике генерала. И сама собой завертелась в мозгу полковника мысль: «Мы влипли!»

К утру, после нескольких тщательных попыток восстановить положение, в штабо Паулюса стало понятно, что придется пережить наихудшее. Не успокаивало даже то, что отборные части ускользнули от разгрома, спасли вооружение, артиллерию и танки.

В тесной балке, окруженной высокими меловыми холмами, где находился командный пункт Паулюса, два полковника — Эльхлепп и Адам, осмыслив маневр русских и чувствуя размеры катастрофы, стали вспоминать анало-

гичные примеры из истории войн. В анналах военной истории что-то похожее, кажется, было в прошлую мировую войну, на русско-германском фронте, под Лодзью. В печально-известной Лодзинской операции генерал Шеффер, пытаясь совершить охват, сам со своей группировкой попал в окружение. Далее последовали полные трагизма события. Шеффер при прорыве и отходе потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен почти всю армию: сорок тысяч!

Но масштабы Лодзинского «слоеного пирога», по сравнению с нынешним «пирогом», были куда мельче! Не существовало такой больной проблемы, как горючее для танков и автомашин.

На командном пункте появился изящный генерал фон Зейдлиц. Сбив снег с сапог из собачьих шкур и отвечая на приветствия штабных полковников, он состроил скептическую улыбку. Собрав глубокие морщины у глаз, бросил: «У вас здесь запах французского отеля». Эльхлепп заторопился, вызванный Паулюсом, а полковник Адам, сменив сигарету, сказал, что только что здесь был Шмидт, а он любит духи «Шанель», и тут же спросил Зейдлица, что он думает об уроках Лодзи. Генерал Зейдлиц сел на диван, обнимая толстый портфель. После того как на днях его адъютант застрелился, а денщик сбежал к русским, он обходился без них. Карты и другие бумаги держал при себе.

— Наш незабвенный Шеффер совершил тогда смелый и, скажем прямо, мудрый маневр. Я имею в виду маневр в финале операции. Без такого марш-маневра мы будем сидеть в «котле», пока все не перемерзнем. Русские, заняв теперь господствующее положение, не упустят случая. Они постараются полностью истребить окруженных. Это аксиома.

— А если наша армия ощетинится танками и дождется помощи от частей на реке Аксай? К тому же нам помогут с воздуха. Не так ли?

Зейдлиц с грустью посмотрел на своего более молодого розовощекого собеседника:

— Кто может поручиться, что действия гренадеров на Аксае будут удачными? Да и у русских стало слишком много истребителей, чтобы положиться на люфтваффе, на Геринга.

В разговоре Зейдлица с Паулюсом многократно упоминалось все то же имя — Геринг. И Зейдлиц, не скрывая

раздражения, поносил Геринга и всех тех, кто в этой отчаянной ситуации за пределами «котла» становился в позу Бонапарта. Громкие слова приказа о том, что окруженные войска переименовываются в «войска крепости Сталинград» он назвал обманом. И откровеннее других, утверждал он, обманывает Геринг своими фальшивыми утверждениями, что якобы он с воздуха вдосталь обеспечит «крепость» боеприпасами, напоит ее и накормит. Это ли не плод фантазии? Рассудим здраво. Триста тысяч ртов. Даже если хотя бы по одному килограмму продуктов в сутки — это триста тонн. А еще и патроны нужны, и мины, и снаряды, и медикаменты. Ну, допустим, еще по кило в день на солдата. Шестьсот тонн! Геринг легко может вывалить шестьсот тонн взрывчатки на головы иванов. Но снабжение войск по воздуху — дело другое. Тут надо, чтобы каждый килограмм попал в рот, в патронную сумку. Обман, наглый обман. В «котел» дошли вести, что берлинские стратеги даже стали утверждать, будто запертая в приволжской степи армия заняла самое лучшее место в жизни!

В ходе неудачных боев в «котле» мнения о том, как быть дальше, разделились. Одни считали, что надо строить укрепления и держаться. Другие высказывались за отступление. Паулюсу не хотелось доказывать что-то иное. Он только дал всем понять, что не намерен копировать отчаянные решения Шеффера. Он в течение всего декабря отвергал мысль о необходимости прорываться, не ожидая приказа из Берлина. Отвергал уже потому, что для его армии в одиночку это сделать невозможно. Несанкционированное действие не бывает решительным,— оно породит панику и явится всего лишь актом страха. Даже Наполеона погубило отступление к Березине, хотя оно было решением первого человека империи. А что можно сказать о войсках, подчиненных Паулюсу, которые стали бы действовать вопреки воле высшего командования?

«Стоять здесь — наш добровольный крест!»— эту мысль Паулюс варьировал на совещаниях подчиненных ему командиров. На это, мол, надо использовать всю нашу власть. 6-я армия, непобедимая на поле боя, должна проявлять стойкость. Это повергнет в прах замыслы Кремля и тех из окружения фюрера, кому хотелось бы ловить рыбу в мутной воде. Своеволие недостойно немецкого солдата!

В жестоких схватках прошел декабрь. Кольцо сжима-

лось. Русские стремились как можно быстрее отодвинуть фронт дальше на запад и предотвратить возможности деблокирования окруженной группировки. Паулюс распорядился перенести командный пункт в руины чуть ли не на берегу Волги. Перебрались в подвал универмага. Не лучшим оказалось это место — склад для товаров, пахнущий аммиаком и пылью. Генерал Шмидт пальцами, унизанными перстнями, в первый день яростно тыкал в стены.

— Вы что, полковник, ничего поприличнее не нашли?— спрашивал он полковника Эльхлеппа и его писарей.

Насупленный и нахохленный, он потом постоянно изливал свою злость в разговорах с денщиком. Довел его до истерики и вышвырнул в штрафную роту. Последнюю неделю Шмидт сидел в закутке, где некогда находилось рабочее место кладовщика, ему даже приглянулись деревянные полки — они сгодились для шмидтовского походного добра. Но не доберутся ли сюда русские? Нет, не доберутся, если в проломе установить противотанковую пушку. Боеприпасы можно свалить взамен одежды и обуви, которыми русские торговали. Говорят, что товаров лежало много даже тогда, когда сюда проникли немецкие солдаты. И они немало поживились...

Паулюс выбрался во двор универмага. Попал под артиллерийский обстрел. Ходил по траншеям полчаса — огонь не ослабевал. Он принадлежал к числу сухих, суровых натур. Но при виде угрюмых, подавленных пехотинцев, сидящих среди развалин и в ямах, для которых не осталось ни одного укромного уголка, нет защиты, нет даже временной безопасности, потому что не осталось ни одной не простреливаемой противником точки,— у него что-то надломилось внутри.

Вот уже превзойдено все мыслимое, сознание и чувства отказывались воспринимать происходящее. Он видел людей, которые всем существом ощущали лишь ужас. Им казалось, что приближается конец мира. Вот-вот все рухнет...

Генерал отправился на артиллерийские батареи. И там повсюду серые испитые лица с водянистыми глазами глядели на него с тупым безнадежным отчаянием. Люди у орудий. Их движения связывала какая-то мертвая апатия. В существах под этими ветхими рваными шинелями чувствовалось чисто армейское отчаянье, безразличие к своей судьбе. И в то же время Паулюс здесь, на позициях, чув-

ствовал какое-то величие приказа о запрещении капитуляции. В разговорах с офицерами он призывал держаться до последнего, принести счастье немецкой земле, рейху. иначе рейх потерпит крушение и все похоронит под своими обломками.

Оказавшись в корпусе Зейдлица, Паулюс посоветовал ему сколотить резерв на случай ликвидации прорывов. Сколоченный резерв сразу же и понадобился. Его бросили в контратаку. Паулюс долго провожал глазами этих обреченных, уходивших на верную смерть.

— Что же можно сделать для этих людей?— спросил оп Зейдлица.

Тот не ответил и сам спросил, не следует ли готовиться к капитуляции.

Паулюса передернуло. Он стал говорить Зейдлицу о том, что, возможно, фюрер сам поймет наконец, что дальше упорствовать нельзя. На стороне его, Паулюса, многие. Тот же Манштейн. Кто только не инспектировал войска в «котле»! Вот и Шмидт просится вылететь, чтобы раскрыть глаза другим на истинное положение окруженных. Если Зейдлиц согласеп, может лично лететь в ставку и убедить там стратегов...

Зейдлиц брезгливо махнул рукой. Никогда, никогда он не пойдет на поклон к этим типам.

— Нас превратили в баранов. Что такое, скажем, командир корпуса? Это унтер с генеральским окладом. Ему не разрешают поступать разумно.

Высказавшись, Зейдлиц умолк, отошел к окну.

— Почему нам не разрешают оставить позиции?— задумчиво произнес Паулюс.— Да потому, что это никак не вяжется с целями, преследуя которые, части вермахта оказались на Волге. Думать, что фюрер начнет сокращать фронт,— значит плохо знать его. Чем закончил Браухич? Он обращался к фюреру с жалобами и мольбами и был убран. Гитлера заботит престиж, а для этого ему нужна Волга.

— Волга?— не удержался Зейдлиц.— Ее уже нет.

Зейдлиц минуту смотрел на карту, разложенную на столе.

— Понимаете ли, даже сейчас не поздно. Мы можем поднять солдат, с ними еще будут танки, орудия и сколько-то снарядов. Позже все это пропадет. Нужен ваш приказ как командующего. Или сделайте одолжение — приказы дадут командиры корпусов и дивизий.

— Это отказ от естественных целей и принципов?

— Да! Это будет отказ от преступного бездействия. Какие уж в нашем положении принципы? Даже капитуляция не так страшна, господин генерал. Я видел тяжело больного полковника Гроскурта. Его хотели вывезти в Харьков. Но он отказался. Он мне сказал, что предпочитает лечение в лагере военнопленных. И, кажется, он уже в плену. Я встретил его фамилию в русской листовке.

Разговор прервал снаряд, ударивший в перекрытие генеральского блиндажа. Посыпались земля и гравий. Говорят, что убитый человек в своих глазах, вплоть до разложения, уносит отпечаток образа того, кто его погубил. Уносит образ виновника смерти. Здесь глаза мертвого ничего не унесут. Только гравий, пыль, снег.

«Неужели шестой армии суждён Магдебург?» — с этими мыслями вернулся Паулюс на свой командный пункт.

«Нет,— думал он.— Что общего между Сталинградом и Магдебургом?»

Он вспомнил Париж, Сен Сир, где французский генерал рассказывал ему эпизод из истории франко-прусской войны. Это произошло в 1806 году. Небольшая группа наполеоновских войск, под командованием маршала Нея, после ряда побед подошла к одной из крупнейших крепостей — Магдебургу. В Магдебурге стоял большой гарнизон. Это была первоклассная крепость, прекрасно вооруженная, всего вдосталь — артиллерии, продовольствия и боеприпасов. Во главе крепости стоял генерал Клейст.

У маршала Нея же не было ничего для осады крепости. Он приказал дать залп из имевшихся четырех легких мортир. Залпы испугали Клейста, и он без боя капитулировал. Защитники Магдебурга просто переоценили силы неприятеля.

Позор Клейста пугал Паулюса. Он опасался, что сдача окруженных войск будет преждевременной. Эту мысль втолковывало и берлинское радио. Голосом генерала от пропаганды Дитмара оно вещало:

— Держитесь, к вам идет поддержка. Мы выведем вас из окружения.

Слушая радиопередачу, Шмидт беспокойно ерзал на стуле; Адам и Эльхлепп молча курили. Паулюс горбился, двигался медленно, так же медленно, с трудом говорил. Ему казалось, что положение облегчится, если командиры корпусов, дивизий перегруппируют части, сократят фронт.

Вернутся немного назад. Создадут оборонительный район. Вернут румын в окопы. Научат их воевать. Солдаты смеются над итальянскими фашистами: «У них танки имеют одну скорость вперед и три скорости назад». Штаб группы должен дать о себе знать. Без энергии штаба, без распорядительного центра, каким является теперь уже подвал универмага, куда стащили ковры и мягкую мебель и откуда теперь будут отдаваться приказы, вся армия будет бесформенным скопищем людей.

Шмидт согласился: «Да, правильно!»

Штабная машина заработала. Мысль о беспощадной обороне, зафиксированная на картах и в документах и получившая таким образом зримую форму, не замедлила привести в движение полки и дивизии, толкала их на отпор советским войскам, и на многих позициях останавливала их...

Красноармейцы близко. Приказы приходилось выполнять под огнем. Сдвинув людей, немецкие штабы породили хаос. На новом месте надо обживать позиции! А топлива нет, все сожжено. Попавшие в ловушку немцы забывали, куда им приказано идти. Но шли. Лишь бы был какой-то приказ, какое-то движение. Неважно, чья команда — генерала или унтер-офицера.

Воинская команда для немца всегда хороша. Они считают, что уметь подчиняться, значит, быть господином.

Отдавая приказы оборонительному району, Паулюс и Шмидт понимали, что к тому времени его, пожалуй, и не существовало. Точнее — оборона существовала только на бумаге. Еще вчера ее прорвали советские танки. Тогда что же? Шмидт метался и кричал. Заткнуть брешь! Собрать тыловиков, погнать их на позиции! Произойдет второе рождение обороны. Вдоль Волги тянутся руины домов. Улицы. Может быть, сотня кварталов. И каждый дом — огневая точка... В глубине тоже много улиц. «Крепость Сталинград», как ее именовала берлинская директива, еще покажет себя. Но... крепости нет, есть руины, пепелища; даже ползать можно только меж развалин, по пепелищам.

Конечно, можно еще кое-что предпринять, сидя в Берлине, можно пускаться в рассуждения о чем угодно. А надо иметь дело не с фантазией, а с военными реальностями. Реальность же такова: смерть или плен!

Офицеры штаба увидели вдруг, как крючковатые пальцы Шмидта сгребли бумаги. Он не очень оптимистичен, генерал Шмидт. Он пришел к мысли, что незачем сохра-

нять на бумаге то, о чем говорилось в подвале универмага. Жертвуя бумагами, он хочет остаться чистым. Бумаги полетели в костер. Но огонь потух, он не может осилить плотную бумагу, виднелось только тление. Директивы и бумаги не горели. Паулюс сделал Шмидту замечание: утрата бумаг повлечет за собой идиотизм, распад. Это уже видно по лицам, измазанным сажей.

Полковник Эльхлепп набил консервами и патронами рюкзак, перекинул через плечо автомат. Бросил на ходу:

— Прощайте, я иду в окопы.

Слова полковника вызвали у кого-то из обитателей подвала истерику. И у начальника штаба армии.

— Мы не смертники, нет! — закричал генерал с глазами камбалы, Артур Шмидт. — У нас есть еще солдаты. Есть провиант и фураж. Пусть дивизии обороняются. До последнего. Это преступно, — оставить то, что взято такой дорогой ценой. А ты,Эльхлепп! Вернись!

Но тот, кому адресовались слова, исчез в снежной мгле.

Воцарилась тишина. Глядя на костер, полковник Адам думал о предках, живших миллион лет назад. Они взяли два куска дерева. Изобрели трут и огниво. Сжигали лес, расчищали землю. Огонь давал жизнь. Теперь огонь несет людям смерть. Наступит весна. Оттает земля. Весна ослепительна. Но для 6-й армии весны не будет. 6-я армия не увидит сверкания майского солнца, весеннего тепла. Не будет солнечного мая, это видно по поведению Шмидта.

По сходству характеров рядом со Шмидтом можно поставить туповатого с виду генерала Штреккера.

От Паулюса скрыли, что командир корпуса Штреккер расстрелял сотню солдат, узнав, что они готовы сложить оружие. Он подумывал и об аресте начальника штаба Гельмута Гроскурта[1] — тот имел неосторожность заметить: «Мы будем спасены, если кто-то свернет шею Адольфу».

Любимое развлечение Штреккера — читать на досуге приговоры военно-полевого суда. Он когда-то славился как любитель собак. Но даже собак надо кормить, а здесь голодны люди, солдаты. И все-таки Штреккер, встречая Паулюса, льстил с присущим ему бесстыдством. Восхвалял фатерланд. Паулюс давно убедился, что подлецы всегда любят выставлять себя верноподданными.

[1] Гельмут Гроскурт, являясь участником антигитлеровского заговора, посылал в Берлин своего сообщника-офицера с просьбой ускорить ликвидацию фюрера. Сам Гроскурт умер от тифа.

Паулюсу хотелось подняться с дивана. Сведенные судорогой ноги не поддавались. Нужен массаж. Вызвал Ринольди, главного лекаря армии. Тот тронул рукой лоб, мокрый от пота. Назначил массаж, растирания. Но все напрасно. С тупой безнадежностью ждал генерал, что принесет следующий день. Приходили генералы, докладывали о потерях, об ужасах рукопашных боев. И ни одного слова, которое могло бы успокоить командующего! Боялись сказать ложь.

Паулюс не встревожился за немецкий народ, за его будущее, за существование его как нации. Что общего у истории Германии с тем, что происходит в этой степи? Как это назовут в будущем? Мысль эта была ему чужда.

Вспомнился разговор с парижским гауляйтером Штюльпнагелем. Вспомнились тезисы его трактата «Какое значение будет иметь для нас временное поражение?» Паулюс тогда спросил гитлеровского наместника:

«Вы говорите о поражении, которое нас ожидает. В чем причина?»

Ответ был таким:

«Это только кретины ищут причины поражений. Искать причины поражения — это то же самое, что искать причины раковых болезней. Совершенно бесполезно!»

«А что искать?»

«Можно и необходимо искать наилучший вариант развязывания новой войны.. Когда наступает мирное время, люди расслабляются, мельчают, они трусливо прячутся, боясь войны. Вот здесь и нужна наша работа, обман, науськивание. Нужны для того, чтобы сделать идею войны привлекательной. Этим искусством надо овладевать...».

Новая война! А как же быть со старой?

Еще в те времена, когда на берегу моря, в Штральзунде и в Грейфсвальде, формировалась 6-я армия, Паулюс и его сослуживцы размышляли о роли подчиненных им войск на континенте. С полной ясностью видели, что армии предопределена выдающаяся, хотя и нелегкая судьба. Когда войска идут вперед, их не всегда ожидает победа. Но курс менять нельзя. Маневрировать могут только политиканы.

Армия безупречно выполняла свой долг. Казалось бы, она могла взять для своих знамен со щита француза Баярда девиз: «Без страха и упрека». Храбрейший из храбрых, рыцарь Баярд Пьер де Терайль сложил голову в

бою в 1524 году. Паулюс, побывав в Гренобле, посетил когда-то церковь святого Андрея, где погребен этот рыцарь и где поставлен ему мраморный бюст. Чем хуже рыцаря любой солдат шестой армии? Солдаты Паулюса воевали, шли в огонь и воду. А нужны ли были жертвы?

Паулюс засомневался. Прав ли он? А кто убивал и вешал мирных советских жителей?

Вправе ли он, немецкий генерал, закрывать глаза на действительность? Вправе ли убаюкивать совесть пустыми отговорками — что на войне, как на войне, где можно, дескать, отбросить все нравственные нормы? Кто простит Германии вторжение, концлагеря, виселицы? Кто простит Кейтеля за приказ об истреблении комиссаров? Приказ этот выполнялся и в 6-й армии. А Хорти, Муссолини и другие головорезы? Все преступления прикрываются немецким флагом! Сателлиты, объединенные под згидой Германии, сейчас дрожат. Ведь весь этот союз превратился в некое образование, ставшее загоном для скота, где хозяйничают немцы. Они скоро предадут. Удивляться нечему. Стадо не будет тихо-мирно есть из кормушки, куда что-то подкладывают скотники! Предстоящее возмездие привело в ужас вояк Антонеску и Муссолини, и они бросили оружие и побежали!

Паулюс набросил на плечи свою черную шубу. Встал. Болела спина. Не от холода. В начале осени шли дожди со снегом, бушевали холодные бури и тоже было холодно. Тогда и позже Паулюс постоянно находился на передовых командных пунктах, но спина не болела. Болит спина от этого....

Он взглянул на запись текста советского предложения о капитуляции. Они пишут, что 6-я армия пришла туда, откуда возврата нет. Ну и что же? Паулюсу, по крайней мере, хотелось, чтобы осталось то, что остается после крушений и неудач— сознание, что он действительно сделал все, что мог. Но разве это утешение? Он перестарался, работая, и теперь переживает то проклятие, которое тяготеет над побежденным.

Гибель армии... Этого история никогда не прощает и не простит. А где она, история Германии, была раньше? Или у нее, истории, не было памяти, глаз и ушей, чтобы отнестись спокойно к тому, что сотни тысяч одурачепных немецких солдат брошены в мясорубку?

Кто бросил?

Наверное, при расследовании история вспомнит и его,

Паулюса? Он разрабатывал план «Барбаросса», план Восточного «похода».

Но мог ли он поступить иначе? Он ревностно служил рейху, выполнял приказ. Поймут ли это? Поймут ли, что он был всегда только солдатом?

Сменятся поколения, и потомки, возможно, будут считать его солдатом.

А вот русские, те, что идут на штурм? Будут ли они сортировать генералов, кого отнести к палачам, кого к солдатам? Сомнительно. Их всех будут считать подручными Гитлера. Паулюс был в этом уверен, и он не мог мыслить иначе.

Паулюс вздрогнул, вспомнив виселицы, воздвигнутые немецкой комендатурой в Харькове.

Он, Гитлер, открыл какую-то новую эпоху. Но не для армии. Это первый понял генерал фон Сект, назвавший «господина с усиками» уголовником. По воле этих бонз армия стала выполнять карательные функции. Разве, взяв остатки армии в плен, русские не вспомнят о расправах комендатур над цивильным населением? Будут они по-христиански или хотя бы мало-мальски по-человечески обращаться с теми, кто вешал, убивал и грабил? Кто поверит в такую идиллию?! Он, Паулюс, не верил.

Не остается другого выхода, кроме как держаться. Построить новые и новые цепи оборонительных сооружений в городе, в степи и населенных пунктах. Не может быть, чтобы и русские не выдохлись. Они, русские, ведь тоже... люди. Впервые задумался. Люди? Смешно.

Войска русских идут на штурм. Гусеницы, колеса пушек рушат последние окопы.

В стеклах стереотрубы видно, как мелькают люди и машины, перевертываясь в огне, смешиваются с дымом.

Вот и финал.

Все слышат треск пулеметов, разрывы бомб, от которых дрожат стены подвала.

Паулюс пытался думать, что совесть у него чиста. Слава богу, армия развалилась не по его воле. Значит, он просто солдат, и в памяти народа он останется тем же солдатом. Каждый должен гордиться тем, что находился в этот час в этом аду. В ритме адского бытия бушевал определенный настрой; взрывы следовали с математической точностью, и все это нельзя назвать какофонией. Безразлично, кто действует у панорам и буссолей. Работали

русские и немецкие солдаты. Чтобы добиться такой четкости, нужна была большая подготовка, маневры, учения. Русские генералы управляли войсками со знанием дела, их солдаты, пушки и танки не хуже немецких — они уже вырисовываются на фоне пожарищ, руин, вдавливают в грунт тела павших. Что теперь могут сделать обреченные солдаты вермахта? Они стали всего лишь понятием, тенями. Уже очистились они от всего земного. Их вины перед фатерландом нет.

27 января 1943 года.

«Никакая сила не может сломить сопротивление германских войск, и над самым высоким зданием Сталинграда продолжает развеваться знамя с фашистской свастикой».

Это слова Геббельса. Он сочинил сводку между двумя чашками кофе. Но, чтобы отправлять ее в студию, надо показать Ему... Неслышными шагами направился, прихрамывая, к кабинету Гитлера. Фюрер стоял возле стены в военной форме, с солдатским крестом на груди. Холодная улыбка бродила по его лицу.

Он ждал...

Ждал донесения о самоубийстве нового фельдмаршала. Есть еще возможность вывезти труп Паулюса на самолете. Он будет похоронен рядом с Гинденбургом, его прах будут везти на пушечном лафете. Как представителя высшей расы.

Об этом ожидании Паулюс не только догадывался — знал твердо.

В немецкой армии специальные офицеры отвечали за планирование и устройство военных могильников. Фельдмаршалу Паулюсу, по сценарию, скомпанованному в рейхсканцелярии, предстояло стать предметом заботы похоронной команды. Обычное явление. Смерть является частицей солдатского существования. Почему же делать исключение генерал-фельдмаршалу, который, как и все, носил солдатскую книжку? Паулюс это осознавал и воспринимал как должное.

В Берлине надеялись на самоубийство. И вдруг потенциальную жертву осенило странное сомнение. Вороненый «Вальтер» к виску? Зачем? Какой в этом смысл? Во имя

чего? Может быть, это сомнение, эти вопросы порождены помешательством? Там, в гауптштадте, этих сомнений не предвидели и уже явственно представляли, как солдаты похоронной команды завертывают в брезент задубевший труп фельдмаршала, укладывают его осторожно в бронеавтомобиль и увозят на аэродром к самолету. Потом совершается печальная церемония, полагающаяся по уставу. Фельдмаршалу вдруг показалось это подлостью, предательством, если не хуже. В Берлине совершался бы торжественный погребальный обряд, а здесь, на поле боя, непохороненными останутся тысячи и тысячи.

Выстрелы раздавались рядом.

Паулюс оставался сидеть на стуле.

С набухшими подглазными мешками, он сосредоточенно рассматривал свой чемодан. Там остатки его генеральских вещей, погоны, которые носил раньше. Старый чемодан, который сопровождал генерала по полям битв.

Паулюс думал о себе во втором лице: «Ты пришел к берегу далекой реки, русской реки Волги, которую обозначила твоя рука еще перед этой войной на картах. В то время у тебя была упругая походка и ты, только-только поднимаясь по генеральской лестнице, встал на вторую ее ступеньку.

Минуло всего два года. Все исчезло. Осталось совсем немного сил, нервов. Да еще сердце, противящееся старости. Да, собственно, не осталось у тебя ничего стоящего, кроме последнего чина генерал-фельдмаршала,— дара, упавшего из берлинского безумия, который обычно бывает в цирке.

Ты запретил в армии самоубийства. Тебя за это осуждают. Почему? Если бы смерть что-либо изменила, на смерть следовало бы идти. Но смерть ничего не изменит. Так зачем же бессмысленные, совсем ненужные жертвы? Закончить жизненное поприще можно и без пули...»

Трижды над степью взошло и трижды закатилось зимнее солнце.

Последний январский день.

Сухой и холодный день, рожденный для краха всех планов вермахта, плана Барбароссы. Солнце освещало кладбище немецкой техники, развалины волжской цитадели. Лишь бесчисленные тела убитых покрылись снегом,— святое покрывало нанес степной ветер. Закрыл трупы — отходы разыгравшейся трагедии. Произошло то, о чем писал в своем трактате... Штюльпнагель, генерал с

лицом вульгарного бюргера. Поражение. Но уцелеет ли сам сочинитель?[1].

Во дворе универмага умолкли стальные жерла, изрыгавшие огонь. Паулюс улегся на кровать и впал в полузабытье, ему слышны были за перегородкой разговоры Шмидта со штабными офицерами.

Шмидт-торгаш продолжал обсуждать ситуацию. Он кричал, что большевикам не надо верить. Только начнутся переговоры о капитуляции, они дернут удочку. И заморят голодом. Капитан Дормейер! Идите и привезите контейнер, там продукты. Провиант нам понадобится.

Узнав, что Дормейер уже привез в подвал достаточно консервов и галет, Шмидт задумался. Капитуляция? А что дальше? Русские, по-видимому, потребуют, чтобы генералы и офицеры сняли погоны и ордена. Придется протестовать, требовать, чтобы соблюдалась Женевская конвенция. Он не пойдет на Голгофу без знаков отличия!

Шмидт, обращаясь к полковнику Адаму, первому адъютанту армии, спросил, закрепят ли русские письменно то, что обещали, посылая парламентера.

— Не знаю. Мы же прогнали парламентеров,— ответил Адам.

— Мы должны проявлять твердость,— петушился Шмидт.— Должны поставить им условия. Обмен оружия и боевых припасов на право иметь крышу и питание, ждать конца войны в привилегированном лагере. Напомнить о Женевской конвенции. О чем мы еще можем договориться? О медикаментах. О теплой одежде. При этом не попадать в полную зависимость. Раскрывать подоплеку, обман. Искренность и честность, я думаю, присущи только немцу. А эти — азиаты! Если что узнаешь, Адам, шепнешь мне на ухо.

Адам молчал.

До слуха Паулюса доносились незнакомые голоса. Кто-то предлагал просить русских, чтобы позаботились о немецких солдатах. В ответ послышался нервный смех, но смех сразу же оборвало суровое:

— «Что же тогда останется от германца, подданного самого сильного государства в мире?»

Адам советовал подготовиться к расставанию со Сталинградом. Он немцев угнетает, им нужен другой климат.

[1] Штюльпнагеля пощадила партизанская пуля; и не бомба стала причиной его гибели. Он был повешен по приказу Гитлера за причастность к генеральскому путчу 20 июля 1944 года.

А беседу можно продолжить в лагере военнопленных. Для начала не мешало бы подучиться должным образом именовать советских полковников и майоров. И даже лейтенантов. Теперь немцы будут получать из их рук все — от пуговицы до кирки и лопаты.

Его перебил Шмидт:

— Вы разве не знаете, что нельзя ничего принимать от советских войск?

Гудели развалины универмага. На стенах проступали трещины. Могила. Склеп. Едкий дым, въедаясь в ноздри, перебивал запах аммиака. Шмидт облил себя французскими духами. Истратил весь флакон, но ничего не помогло. Он выругался, увидев мечущегося румына-генерала. Тот плакал, слезы сбегали по его грязным, небритым щекам.

—Кто должен занять кресло Антонеску? Кто в Бухаресте выдвинется на первое место?— хрипел он на исковерканном немецком языке.

Шмидт набросился и на него, назвав подлецом за то, что у румын никогда не было веры в победу вермахта. Трусы и негодяи, за счет советских земель мечтают создать какую-то Транснистрию, а проливать кровь не хотят.

Паулюс пришел в себя. У него усталый вид. Глаза воспалены. Ему почудились звук мотора и скрип снега под обувью.

По ступенькам подвала кто-то стукнул сапогами, рядом кто-то крикнул, кто-то застонал. По ступенькам спускались перетянутые ремнями, в полушубках вооруженные люди.

Когда Паулюс увидел светло-серые папахи, белые овчинные полушубки, амуницию, советское оружие, когда услышал русскую речь, он почувствовал себя как бы бестелым. Внутри все закостенело. Теперь это был уже другой человек, вымерзло, испарилось в сизом морозном воздухе его армейское положение и совершился уход из вермахта.

Он как бы выпадал из рутинной истории вермахта. Разорвалась биография, разорвалась катастрофически. Он осознавал, что от неизбежности, неотвратимости судьбы, от приближения всего этого день ото дня усиливалось его физическое и нервное переутомление, наваливалась неприязнь ко всему окружающему. Исподволь подкрался физический надлом, породивший безразличие и апатию.

Различая предметы и людей, он чувствовал свое полное одиночество, отрешенность от мира.

Так чувствует себя тот, кто потерял все, что было смыслом бытия, целью. Так чувствуют себя люди на кладбище, потерявшие последнюю опору.

Плененный фельдмаршал последний раз взглянул на стены опостылевшего подвала. В бетонном убежище, засыпанном штукатуркой и обломками, оставались груды полусожженных бумаг, тряпье, каски, оружие. Какие-то ящики. Из этой преисподней со скользкими ступенями фельдмаршал поднимался вверх, к зимнему свету. Скорей бы глотнуть свежего воздуха.

Перед Паулюсом развернулась придавившая все панорама разрушений. Когда-то он видел развалины городов в Польше, во Франции. Но разве можно сравнить с теми руинами то, что было сейчас перед его взором! Мертвый город. Вздыбленное пространство, казалось, находится по ту сторону реальности. Развалины выглядели тем более зловеще, что всюду лежали убитые и замерзшие. Крестов нигде не было. Бескрайняя покойницкая, где саваном служил снег. Так они и истлеют.

Сколько раз подписывал он донесения и сводки, в которых назывались многозначные цифры — число убитых, растерзанных артиллерией. Эти цифры для генерала означали лишь определенную потерю боеспособности частей — полков и дивизий.

Теперь при виде трупов и пленных у него захватило дыхание. Перед ним текли толпы призраков — то, что некогда было его боевой силой. Ему трудно признать их своими. Чужими для него стали даже самые ближайшие соратники. И прежде всего тот, что мельтешит поблизости — Артур Шмидт, бывший генерал с рыбьими глазами. На Шмидте натянут мундир со слегка выцветшим ворсом, тщательно вычищенный. Форма с регалиями, не имеющая ничего общего с его теперешним положением. Он, видно, еще не вполне осознает, что та жизнь, которую он вел до этого, рассеялась, как пороховой дым.

Нет, фельдмаршалу, пожалуй, ближе и понятнее толпа призраков, нежели те, что с ним рядом. Его связывает с этими призраками-людьми, в похожих на речную тину лохмотьях, язык и привитые им в вермахте какие-то привычки. Внезапно обнищавший фельдмаршал в поношенном генеральском мундире тоже превратился в призрак. Теперь для него все вокруг ненужное...

В степи разыгрывался буран. В закоулках ветер ворошил пепел, смешивал его со снежной пылью, с мусором.

II

В рейхсканцелярии, узнав о кончине 6-й армии, никто из бонз не упал на колени, не возблагодарил бога за то, что германские генералы с такой доблестью и рвением бросали в бой солдат, защищая порожденный фюрером новый порядок.

Но даже бюргеры третьего рейха с ужасом слушали сводку немецкого верховного командования, транслируемую по радио. Она была преисполнена бодрости:

«Битва за Сталинград окончена,— деловито бубнил диктор.— 6-я армия под образцовым руководством генерал-фельдмаршала Паулюса была подавлена превосходством врага и силою обстоятельств. Ее судьбу разделили дивизии противовоздушной обороны, германской авиации, две румынских дивизии, итальянские части и один хорватский полк. Еще не настало время для оценки хода боевых действий, которые привели к таким событиям. 6-я армия продолжала держаться в условиях полного окружения. Авиация, испытывая огромное напряжение и тяжелые потери, оказалась не в состоянии обеспечить достаточное снабжение по воздуху. Возможность снятия осады постепенно совершенно отпала».

Очевидцы по-разному передают состояние фюрера в тот час, когда он услышал о капитуляции остатков паулюсовских войск и пленении самого фельдмаршала. Одни утверждают, что при этой вести голова фюрера содрогнулась, брови сошлись на переносице и рот искривился. Другие говорят, что вначале он был деловито спокоен, как гробовщик. Только воскликнул: «Какой позор! Почему он не застрелился?» Но шоковое состояние продолжалось недолго.

Какое-то время спустя в нем закипела жажда мщения. Владыка нацистского рейха распорядился вызвать адмирала Канариса — шефа разведки, начальника всемогущего абвера. Адмирал услышал глухой прерывающийся голос Гитлера. Слова звучали словно горячечный бред:

— Как можно быстрее... Паулюса. Живого или мертвого. Доставить сюда.

— Но он уже давно у русских!

— Ничего не значит. Вы слышите: живого или мерт-

вого! Не жалейте ничего. Ни жизней, ни денег. У вас всего хватает. Живого или мертвого Паулюса ко мне. Поставить на ноги всю агентуру. Если надо — бросить десант. Еще не поздно! Вы это умеете. Не вас учить.

— Да, мой фюрер!

— Вы это умеете. Возьмите десять, сто, двести самолетов. Ничего не жалейте. Бросьте туда самых сильных, здоровых псов. Тысячу-другую перебьют, но пусть останется один и привезет мне Паулюса, это будет оправданно. Отвечаете за все вы лично! Говорю вам — еще не поздно!

— Да, мой фюрер!

В Берлине был объявлен трехдневный траур. Звучали мощные мелодии из опер Рихарда Вагнера, сотрясая февральскую сырость. Под аккорды «Гибели богов» Берлин прощался с погибшей на фронте некогда могущественной 6-й армией....

Фюрер болезненно, с симптомами припадка воспринял пленение фельдмаршала не только и не столько из престижных побуждений. Дело в том, что Паулюса он считал своим ближайшим сотрудником. Паулюс слишком много знал из того, как готовилось нападение на Советскую страну. Мозг фельдмаршала хранил это. Паулюс был главным автором стратегических директив и планов. Такую голову отдавать противнику нельзя. Но адмирал Канарис мог бросить своих верных «псов» на захват военнопленного Паулюса только в том случае, если б он имел достоверную информацию о его местопребывании. Информации такой не было.

Лихорадочно заметалась агентура, самые важные пружины немецкой разведки пришли в действие. И, кажется, кое-кому из агентов Канариса из самых изощренных специалистов, сотрудников разведшкол удалось перемахнуть через линию фронта, проникнуть во многие заповедные пункты сосредоточения немецких пленных.

Но немецкие агенты один за другим попадали в ловушки, расставляемые «смершем»[1], их усилия тихо, без шума и треска проваливались. Имя Паулюса они нигде так и не нашли, в немецких шпионских центрах ничего о его судьбе тогда не узнали.

А находился фельдмаршал Паулюс в первые дни после пленения совсем близко от линии фронта, в деревушке Зворыгино. Совсем рядом.

[1] Советская контрразведка периода Великой Отечественной войны.

В Берлине делать ему было нечего. Прошлое оборвалось. Паулюса теперь одолевали другие заботы. В Бекетовке, а потом в Красногорске перед Паулюсом протянулся длинный ряд воспоминаний тех времен, когда он вместе с Браухачем и Гальдером готовил генеральный план восточной кампании, как старался исполнить волю верховного командования и все в то время даваемые ему поручения.

Лето и осень 1940 года. Время бумаг — расчетов и меморандумов. Цвет немецкого генералитета, самые выдающиеся умы вермахта взялись за составление плана уничтожения огромного государства на Востоке. Этот план именовался на официальном языке сначала «Ост», затем «Отто» и, наконец,—«Барбаросса». Разработкой последнего варианта руководил он, Паулюс.

...Однажды Паулюса вызвали в рейхсканцелярию. Кроме него туда же прибыли еще трое — фон Браухич, Кейтель и Гальдер. Встретив их стоя на коврах кабинета, фюрер поместился затем в конце своего стола, близ которого красовался огромный глобус. Заметно сгорбившийся, Гитлер несколько раз пытался скрестить руки на груди. Но они никак не держались, расплетались, и тогда он клал их на стол. Паулюс чувствовал себя спокойно. Знал, как первый обер-квартирмейстер[1], что он сможет ответить на любой вопрос, находящийся в его компетенции. Так тщательно все было взвешено.

Произнеся ничего не значащие фразы, фюрер пристально глянул на каждого, точно угадывая в них что-то значительное. Ну как же! Здесь же собрались признанные германские стратеги. Мыслители вермахта в одном ряду с Мольтке и Шлиффеном!

Он стал говорить в дружеском доверительном тоне. Начал издалека:

— Один наш генерал-майор, я имею в виду известного вам Эриха Маркса из восемнадцатой армии, старательно поработал, готовя тот самый план, который всем нам необходим. План меня разочаровал своими серьезными дефектами. Много прожектерства. Бесформенность замысла. Распыление сил.

«Еще бы»,— подумал Паулюс. Он во Франции не раз встречался и разговаривал с тупоголовым стратегом из

[1] Заместитель начальника генерального штаба.

18-й армии и удивился, что кто-то надоумил фюрера привлечь эту крысу к столь важному делу.

Гитлер вздохнул и продолжал свое сообщение, из которого явствовало, что другой генерал, Зоденштерн, с его, гитлеровского благословения, тоже трудился над планом кампании. Его план, по словам Гитлера, был бы хорош, если б не предоставлял большевистским силам слишком большую свободу действий. Сопоставляя эти проекты, фюрер вдруг понял их подспудные погрешности и пороки, вспомнив свою родную мать, потешавшуюся над некоей Гретхен, портнихой из местной общины. У всех ее платьев было что-то общее. Они были похожи одно на другое, хотя и различались размером и цветом. Для Гретхен это было простительно. Но нельзя, чтобы печать убогости отмечала стратегические планы исторических операций. Побед по таким планам не бывает.

Присутствующие так и не узнали, сменила ли фасоны фрау Гретхен — фюрера отвлекла муха.

Отогнав ее, Гитлер стал говорить о том, что после окончания первой мировой войны по Версальскому миру Германии было определено место в Европе. Это пичтожное место совсем не соответствовало ее столь великому историческому прошлому. С разгромом Польши и Франции справедливость частично восстановлена. На очереди Англия. С китайцами нет смысла предпринимать что-либо. Чанкайши и другие лидеры «Поднебесной» — прохвосты. Надо идти на Восток. Крестовый поход против большевистской России. Этот грандиозный политический план нужно дополнить стратегическим планом. Планом крестового похода против большевизма.

Ознакомив генералов с документами, фюрер смотрел в упор в их беспристрастные лица.

— Итак, считаю, что эта проблема вам известна,— сказал он, повернувшись к Паулюсу.

— Готов служить, мой фюрер!

Гитлер был доволен. Стал говорить не слишком резко. Продолжил беседу в форме предложения. Он предложил генералу Паулюсу обобщить имеющиеся разработки. Сделать один план. Фюрер, не замечая Браухича, Гальдера и Паулюса, разговаривал сам с собою, называя кого-то старой, отупевшей клячей, грозя упрятать другого за решетку.

— Только работать!— подчеркнул он.

Фюрер наконец сообщил, что возлагает на Паулюса

основные обязанности по разработке военно-стратегического плана будущей восточной кампании. Документ должен дать недвусмысленный ответ на два вопроса: «Сколько потребуется времени, чтобы выйти к Москве?» и «Сколько времени приблизительно займет разгром Советов?» Он попросил вспомнить, что сказано в трудах Мольтке.

Паулюс доложил, что он сторонник того, чтобы использовать некоторые идеи Мольтке-старшего. Например, относительно столиц государств. Ставя ближайшим объектом плана — нанесение удара по живой силе врага, Мольтке видит конечную цель в захвате жизненного, умственного, культурного центра, то есть выбирает объектом действий такой географический пункт, который стратегия допускает.

Это означало бить в самую чувствительную точку страны. Этот пункт невольно должен был притянуть для своего спасения и живую силу, с которой немецкая армия справится без труда, так как наилучше организованные силы неприятеля уже ранее этого должны быть смяты и отброшены. Мольтке основывал свой успех на более быстрой мобилизации, на превосходстве в силах, на уверенности застать противника врасплох в минуты его приготовления к войне, на вероятности встретить у противника крайнюю нерешительность в предположении и планах действий, а следовательно, на возможности сразу же нанести ряд сильных ударов.

В расчетах своих Мольтке принимает в соображение и невыгодные для себя условия, учитывает возможные случайности и способы противодействия. Он учитывает также необходимые средства для осады вражеской столицы. Гитлер кивнул.

— Господа, Мольтке, как и Шлиффен, по справедливости может быть признан великим стратегом подготовки войны,— заметил фюрер.

Теперь надо было слушать только фюрера нации:

— Первое. Высокая техника современной войны побивает время и пространство. Быстрота становится лозунгом дня. Операции, раньше требовавшие многих месяцев, теперь выполняются в несколько дней. Расстояния, которые раньше считались непреодолимыми, теперь покрываются в несколько часов. Огромные перемены. Их надо использовать. Смелее использовать германскую мощь.

Второе. Арифметика превосходства служит нам. Территория, естественные ресурсы. Промышленные возмож-

ности — вся Европа работает на нас. Это важно, но это не все. Хорошо мобилизованные ресурсы. Это у нас есть. Россия... Не должны пугать нас грандиозные цифры ее населения, индустриального развития, естественных богатств ископаемых. Их они не успеют мобилизовать.

Третье. Инициатива. Она у нас.

Четвертое. Время. Расширить сырьевую базу, вовлекать весь потенциал Италии, Балкан, может быть, Испании и Португалии. Кто кого обгонит? Конечно, мы. Кратко доложите оперативные вопросы.

— Мой фюрер,— начал было Браухич,— поражение войск кайзера...

Но Гитлер перебил его:

— Германская армия в войне 1914—1918 годов не потерпела ни одного поражения. Капитуляция Германии объясняется только событиями в тылу! Но для предотвращения этого у нас сейчас есть гестапо и формируются части СС. Части быстрого развертывания. Что вы об этом скажете?

Вопрос был задан не только Паулюсу. Но Паулюс чувствовал, что ответа на вопрос фюрера он не находит. При всей своей необыкновенной способности к хладнокровию или вернее — холодно-расчетливой работе в кабинете, Паулюс в присутствии других иногда терял спокойствие духа и сам портил то, что великолепно обдумывал наедине. Разумеется, у Мольтке насчет эсэсовских формирований ничего не было сказано.

На свой вопрос дал назидательный ответ сам фюрер.

Части СС были любимым детищем Гитлера. Он сказал, что в оперативных планах должно предусматриваться их широкое использование для разведывательной службы, охраны тыла и организации военной администрации в ходе оккупации. Но не только это.

— Части СС,— заключил Гитлер,— будут решать самостоятельные задачи и выполнять совместные действия с другими соединениями. Их мы используем в качестве высокомобильного резерва командования группы армий или армейского корпуса. Они должны действовать в полном составе для быстрого нанесения глубоких ударов, ведения высокоманевренных действий на большом пространстве, сковывать русские силы в обширном районе. Они будут также действовать полками и побатальонно для последующего нанесения и наращивания ударов по русским, непрерывно воздействуя на их объекты...

Гитлер остановился, мокрая челка прилипла ко лбу. Ему подали минеральной воды.

— Мир может управляться только страхом,— изрек фюрер.— Жестокость, жестокость, жестокость. И физическая сила! Кто может оспаривать мое право уничтожать людей низшей породы? Естественный инстинкт приказывает всякому живому существу не только побить своего врага, но и уничтожить его.

Аудиенция закончилась. Генералы вышли во двор рейхсканцелярии.

Было 8 сентября 1940 года.

III

Паулюс еще раз подумал о том, что убитый человек уносит в глазах образ того, кто его убил. Когда умрет он, генерал-фельдмаршал, он унесет в своих глазах...Цоссен!

Цоссен недалеко от Берлина. Полчаса езды на «оппеле». Попасть в него легко, надо лишь пересечь кольцевую автостраду. В Цоссене жили богатые семьи. Виллы и дома в Цоссене выглядят как крепости,— настоящие, с башенками и эркерами, с черными металлическими оградами. И ограды, и строения утопают в зелени и цветниках. В восемнадцатом, во время развала империи, здесь собирались силы для ударов по берлинским бунтовщикам. Здесь бывали, и не раз, столпы тогдашнего режима — Эберт, Носке, инспектируя добровольческие отряды Frei-korps, навербованные для расправ с жителями городских окраин... После Берлина, затемненного, молчаливого, Цоссен выглядел раем, где господствовали уют и тишина...

Совсем рядом, в сосновом лесочке, расположился лагерь «Цепеллин» с подземными железобетонными казематами за бетонными стенами. Там тоже царили уют и тишина. Почти такие же, как и здесь, в Красногорске. Только тут уют и тишина... лагерные.

Паулюс попросил красногорского коменданта дать ему возможность работать в библиотеке, чтобы изложить свои размышления.

Пленного фельдмаршала снабдили толстой тетрадью большого формата в черном переплете. Тетрадь ему понравилась. Он развернул ее и в левом углу написал от руки:

«Паулюс.

Генерал-фельдмаршал бывших германских вооруженных сил.

Размышления о событиях с 8 сентября 1940 года по 20 января 1942 года».

На первом листе фельдмаршал начал свои воспоминания словами:

«При постановке вопроса о том, как планировались операции на востоке, надо рассмотреть итоги военной игры, которая проводилась под моим руководством в декабре 1940 года, 2-го числа в Цоссене...»

Фельдмаршал отложил перо, задумался. Может быть, надо начинать не с описания штабной игры, а с событий, ей предшествовавших? Да, пожалуй, лучше начать с самого плана, с показа сконструированных им стратегических идей, того, что позже проигрывалось...

Итак, получив ясное и определенное задание, Паулюс занял в Цоссене кабинет, куда приказы поступали только от Браухича, Гальдера и иногда — от самого фюрера. Свою работу с группой планирования, состоящей из начальников штабов групп армий, начал с того, что детально ознакомился с плодами творчества своих предшественников — Эриха Маркса и Зоденштерна. Убедился, что их планы и в самом деле напоминали два платья, сработанные одной и той же портнихой, только одно из них оказалось несколько суженным книзу, другое — расклешено. Но оба не доходили до колен, еле-еле прикрывая формы повыше. Но, как известно, кроить и шить платье надо с умом. Оно не должно быть слишком коротким и слишком длинным, чтобы служить своему назначению.

Этим подсознательно фактически и руководствовался Паулюс. Для самого Паулюса и для каждого стратега из группы планирования наступило время надежд, веры в свою звезду. В разговорах зазвучали громкие названия европейских городов, поверженных и раздавленных. Варшава, Копенгаген, Осло, Роттердам, Амстердам, Брюссель, Дюнкерк, Париж, Белград, Афины...

Установки фюрера облекались в форму проектов директив, приказов, распоряжений, диаграмм и подобных им документов. Подменялись условными знаками прозвучавшие из уст фюрера изречения. Паулюс навсегда запомнил содержание этих бумаг, многочисленных статистических данных, содержание таблиц и карт. Сказанное может быть забыто. Документы, а особенно карты,— нет. Они отпечатываются в мозгу, говорят сами за себя. Они становятся

частью мозгового вещества в черепной коробке планировщика.

Вот почему в Красногорске Паулюс почти по одной только памяти мог все восстановить и изложить вновь на бумаге. Проект Паулюса предлагал идти традиционным путем. Нанести основные удары на трех направлениях — Ленинград, Москва, Киев. Если для овладения Францией потребовалось полтора месяца, то для захвата советской России нужны два-три месяца.

Оперативно-стратегическая схема «блицкрига» представлялась им в виде быстрого прорыва советской обороны механизированными и танковыми войсками при поддержке тактической и армейской авиации; парирования контратак и контрударов броневых сил большевиков «юнкерсами»; стремительных и глубоких рейдов воздушно-штурмовых соединений и частей с целью нанесения разящих ударов; деморализации красноармейских частей и разгрома их в кратчайшие сроки. Было принято во внимание, что благодаря направлению железнодорожных линий для сосредоточения сил, советские войска окажутся разбросанными на обширных пространствах.

План строился на расчете отсутствия у русских организованных резервов, стратегического интеллекта, на недостатке серьезного военного образования у офицерского состава, особенно на высших командных должностях, на большом недокомплекте материальной части — словом, на полном отсутствии должной подготовки к войне и обеспеченности. Исходили из того, что все наличные советские силы к моменту дня «Д» находятся на границе.

План кампании составляли в несколько этапов. В результате получилась документация, обросшая многими таблицами, расчетами, выкладками, обоснованиями, дополнениями и пояснениями. Она сама, документация, стала чем-то таинственным и очень важным. В бумаге появилось что-то мифическое...

Еще встреча с Гитлером.

Кабинет фюрера.

Гитлер поднял голову. Паулюс увидел немигающие уставленные на него глаза. Выделялось длинное лицо, покрытое пятнами. Ко лбу, так же, как и во время первой аудиенции, прилипли пряди черных волос. Он выдвинул ящик письменного стола.

— Вы не отказываетесь от этих бумаг?

Взглянув на свой план, Паулюс ответил:

— Нет, мой фюрер.

Паулюс чувствовал себя вполне уверенно. «Ум отважный и здравый». Такое заключение о нем сделал Гитлер.

Паулюс услышал его голос:

— Конечной целью операции является выход на рубеж Архангельск — Волга... Выход к Волге будет означать разгром противника, конечный результат. Победа определяется Волгой. Ею мы отгородимся от азиатской России, которой займется Япония. Волга—это конец войны. Чисто военное решение—Москва. Экономическое решение—Волга. Мольтке учил, что ошибка, допущенная при первоначальной расстановке сил, едва ли может быть исправлена в ходе войны. Чтобы избежать ошибок, надо проверить проект на оперативно-стратегических играх, на картах.

Генералы вернулись в Цоссен. Игры необходимо провести в Германии — в Цоссене и во Франции — в Сен-Жермене.

Браухич считал, что основным содержанием учений на картах должна быть отработка вопросов организации безостановочных глубоких операций и широкого пространственного размаха, но необходимо помнить и об оборонительных действиях. Но никому не хотелось думать об обороне. О ней никто не говорил. Имелись лишь цифровые выкладки.

— Помните Мольтке? Он работал так, что, когда началась война, с полным правом сказал: «Я могу наконец отдохнуть».

Перед учениями все было разработано в деталях. Войска мобилизованы и ждут лишь приказа. Система ведения войны, примененная Мольтке, основана прежде всего на подготовке войны до такой степени, чтобы войска перед ударом напоминали туго сжатую пружину, сила которой, как рок, неотвратима.

Цели наступления: «Первая цель — Украина, включая Донбасс, Ленинград. Главное направление — Москва. Конечная цель — Волга, Архангельск... Следует ожидать, что русские, даже если они захотят использовать свои обширные пространства и первоначально отступят, позднее вынуждены будут остановиться для борьбы за эти районы».

«Голубые» готовы броситься на врага — на «красных», обладая полным знанием того, что и как нужно делать. Первый опыт — война с Польшей и разгром Франции — Паулюсу был нужен для того, чтобы увидеть на деле вер-

махт, изучить его плюсы и минусы. Когда Франция была раздавлена, генштаб извлекал выгоду из ожидавшихся медлительности и малоподвижности «красных», молодости и неопытности их генералов и поставил залогом успеха блиц — быстрое наступление с целью захватить противника врасплох.

На первой штабной игре на картах воспроизводился план наступления на Польшу, форсирование Вислы. Пункты рассредоточения там находились в лесистой местности. Польские земли покрыты лесом. Эта комбинация вызвала у некоторых участников «игры» сомнение. Везде ли леса на границах России?

Лес... В нем надо видеть залог внезапности и безопасности, так как сама функция советских пограничных войск обеспечивала вермахту своевременное сосредоточение сил перед прыжком.

Пока генералы ломали голову, как решить лесную проблему, поступили данные о новой обстановке.

«Голубые» вторгаются на Украину и Белоруссию, их мощные танковые клинья входят между собою в связь. «Красные» все еще сосредоточиваются у Винницы и Минска. Захваченные врасплох, они теряют управление, не могут принять всех необходимых мер противодействия и совершают много ошибок во время самого хода кампании.

Что из этого вытекает?

Громить Россию следует в ходе быстротечной кампании... На стороне «голубых» быстрота! У них — никаких задержек, они обходятся без железных дорог! Достигают всего, используя мотор! Безостановочное проведение операции зависит от снабжения, базирующегося на моторе. Почему необходима безостановочная операция? Нужно стремиться теснить русскую армию, не позволив ей задержаться на рубеже Днепр — Двина; 500 км — до целей в северной части России и еще 500 километров — до других целей; в итоге 1000 километров.

Разработчики плана и те, кто его репетировал, проявляли проницательность и широту взглядов. Они все взвешивали, все предусматривали. Так и должно быть у немецких стратегов!

Паулюс поставил задачу: что надо сделать, чтобы не допустить организованного отхода «красных» от границ. Один из стратегов нащупал слабое место русских и ударил танковыми клиньями, всеми силами продвигая эти клинья как можно дальше в глубину. На Украине: Бро-

ды — Ровно — Житомир. Брешь пробита, соотношение сил быстро изменилось в пользу «голубых», и они получили полную свободу действий.

«Общий отход противника!» — это безусловно. Основной клин — двумя танковыми группами на Минск, и танковый таран двух группировок до тысячи танков — на Смоленск. Здесь надо повторить прыжок сорокового года к Марне. Потеря времени! Это самое опасное.

— Противник, видимо, тоже будет бороться за выигрыш времени.

Это была бумажная война, разыгрываемая на картах. схемах, диаграммах. Разыгрывался сценарий возможных операций отборных германских сил на полях и в лесах восточноевропейского региона. В этой бумажной войне участвовали не войсковые подразделения, а только командный состав, его высшие звенья. Здесь участвовали и те, кто знал настоящую войну, войну на просторах России. Они вспоминали иногда даже имя русского генерала Самсонова, потерпевшего поражение в Восточной Пруссии в 1914 году.

Для того времени это были не очень давние события. Могли бы они вспомнить и прорыв генерала Брусилова. Но не вспоминали. Почему-то казалось, что Красная Армия не имеет ничего общего с тем, что имело место в первую мировую войну. Все-все должно рассыпаться! Другая техника. Другое поколение солдат. Другие идеи. Да и фюрер, разве он сродни кайзеру!

Да, конечно, в Цоссене и Сен-Жермене бушевала «бумажная война» на географических картах от Балтики до Черного моря. Но отнюдь не бумажные армады «юнкерсов», «хейнкелей» и «мессершмиттов» были готовы к немедленному вылету. Не бумажные кораблики бороздили моря. Не картонные танки гремели моторами на полигонах...

Более ста семидесяти гитлеровских дивизий подготовились по первому сигналу двинуться в путь. «Дранг нах Остен!»

Встал вопрос:

— Сколько дивизий у русских?

Во время учения немцы считали, что их двести девять. Сто семь стрелковых дивизий — первая волна, семьдесят семь — вторая волна, двадцать пять — третья волна.

ОКХ считало критерием успеха всего похода — на-

правление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы большевиков.

Гитлер требовал, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала повернула бы часть своих сильных подвижных группировок на север, имея в виду, что во взаимодействии с северной группировкой она должна уничтожить войска противника, сражающегося в Прибалтике, и далее, после овладения Ленинградом и Кронштадтом, наступала бы на Москву.

Дискуссию вызывали юг России и Кавказ.

Область южнее устья Дона и Волги имеет особое значение как для обороняющихся, так и для наступающих. Она поставляет восемьдесят девять процентов всей нефти и шестьдесят процентов всей марганцевой руды Советского Союза.

Вот в чем собака зарыта!

В трудах Мольтке о нефти и марганцевой руде ничего не говорилось.

Зато Крупп, Шахт и другие видели эти районы во сне. Тут было о чем порассуждать.

Вывод из учений:

«Мы владеем достаточными силами, обеспечивающими нам быструю победу».

Был разработан итоговый документ. В нем отмечался определенный недостаток сил, особенно резервов. Тем не менее на всех дальнейших этапах подготовки игнорировалось это обстоятельство. Слабость резервов предполагалось компенсировать внезапностью вторжения. «Восточный поход» предстояло выиграть единственным эшелоном войск.

12 декабря 1940 года был утвержден план «Барбаросса». Под этой директивой № 21 стояли слова: «Подписал А. Гитлер».

Груз забот свалился с плеч генерала Паулюса. Наступил январь сорок первого.

«Было бы слишком,— думал Паулюс в ту январскую ночь, когда в германской столице только что отзвучали праздничные колокола,— признавать всю работу ОКВ весьма и весьма безупречной. Но мне кажется, что обращение войны в документ, в котором все так глубоко предусмотрено,— это уже нечто, приближающееся к гениальности».

Уже в своей домашней библиотеке, чтобы трезво собраться с мыслями, Паулюс взялся — в который раз!— за мемуары Наполеона. Ему хотелось, чтобы его мысли были подтверждены императором. Но в наполеоновских сочинениях ничего подходящего не находилось. На одной из страниц попалась на глаза фраза: «Военачальник не должен делать себе картину». Она содержала совет — не подчиняться воображению. Нет, какая уж там картина! При всех обстоятельствах уже западнее Днепра будет одержана полная победа над Красной Армией.

В другом месте Паулюс прочел: «Военное искусство входит в область психологии».

Император явно преувеличил, но доля истины в его идее есть. Психологию участников операции учитывают Геббельс и Кейтель. Геббельс считал, что Красная Армия сможет проявить некоторое упорство в боях потому, что она имеет комиссаров. Но это уже забота других ведомств. Например, эсэсовцев. У их фюреров есть проект об истреблении комиссаров. Так что с красноармейской психологией все обойдется простым и эффективным способом.

Глава двенадцатая

ЭРЛИКОНЫ И МУЛЫ

I

О том, что противоборство войск в большой излучине Дона в конце концов закончилось не в пользу вермахта, вначале узнали только те из завоевателей, на чьи головы обрушился ноябрьский вал советского наступления. Кольцо окружения сомкнулось быстро и со временем стало затягиваться все туже и туже. Свое отчаянное положение лучше всего осознавали штабные чины, прежде всего те, кто пользовался узлами связи, получал донесения и следил по картам за ходом боев. Что касается унтер-офицера Франца Нивега и подчиненных ему камрадов-зенитчиков, то они в это время в своем блиндаже до одурения резались в скат[1], и их не так уж волновало, какую конфигурацию принимает линия фронта. Пусть об этом болят головы офицеров и генералов. Лишь бы их зенитную пушку-эрликон пореже навещали русские самолеты! В гудении авиационных моторов там, вверху, чудилась популярная немецкая песенка:

Спрячься, Францель, затаись,
Пусть буря пройдет.
Наступят хорошие дни.

Зенитная артиллерия — это такой род войск, где жизнь

[1] Популярная немецкая карточная игра.

солдата не так уж часто подвергалась серьезной опасности. Во всяком случае, реже, чем в других местах,— о рукопашной, например, зенитчики имели представление только по рассказам пехотинцев. На зенитчиков возлагалась охрана военных объектов и позиций от ударов с воздуха. В группе армий вермахта на волжском направлении действовали специальные части, оснащенные зенитным оружием разного калибра, начиная от пулеметов и кончая 88-миллиметровыми пушками.

Франц Нивег считал, что ему повезло больше, чем его сверстникам, с которыми он до мобилизации учился в школе св. Фомы, а затем работал чертежником на заводе «Котлы и трубы»,— один он был взят в зенитную артиллерию. В Мурмелоне в военном лагере его приставили к матчасти, создаваемой фирмой «Рейнметалл», «пушечным Мюллером» — этими заботливыми опекунами вермахта.

В лагере Франц кроме казармы видел только парк со стройными стальными стволами эрликонов, плац и полигон, где его и других солдат учебной батареи учили стрелять, маршировать, колоть и всяким другим премудростям.

Орудие эрликон он изучил до последней заклепки и сделался тем особо исполнительным существом, которому и дали унтер-офицерские нашивки на мундир.

Пройдя недолгую, но основательную выучку, Франц Нивег и внешне стал иным. Взгляд замундиренного чертежника приобрел то напряженное выражение, которое имеют все зенитчики. От отца — портного — он унаследовал довольно длинные руки, они вылезали далеко из рукавов. От матери передался существенный дефект: Франц имел совсем не арийское лицо! Круглолицый, курносый, он в цивильной одежде вполне мог бы сойти за славянина— украинца или русского. Надо же—не удалась физиономия. А ведь мать — самая настоящая немка, с немецкими светлыми глазами. Но глаза не спасали Франца.

Зондерфюрер Мюллер из отряда пропаганды, повстречав на плацу Франца, сказал командиру батареи:

— Капитан, ты имеешь сокровище. Из Нивега вышел бы первосортный шпион. Если его послать к иванам — там его вряд ли быстро опознают.

Командиру жалко было расставаться с усердным унтером, он, взглянув на горбатый нос зондерфюрера, пожал плечами:

— По-вашему, он расово неполноценный?

Зондерфюрер расхохотался:

— Ха-ха! Разве я сказал о неполноценности? В Саксонии таких сколько угодно. Они наши, наши! Но эти экземпляры с короткими носами нам могут быть полезными в будущем. На востоке нам еще воевать да воевать!

В тот день зондерфюрер был, как видно, в ударе. Он — в который раз — стал распространяться об исторической миссии немецкой нации. Кто может оспорить право немцев уничтожать евреев, поляков, цыган, французов и других людей низшей породы? Никто! Хороши все средства — массовое уничтожение с воздуха, индивидуальные убийства. Естественный инстинкт приказывает всякому живому существу не только побить своего врага, но и уничтожить его.

— Могут спросить: в какой книге все это изложено обстоятельно и досконально? Отвечаю. В книге профессора Вальтера Дарре. Это редкостный ум, теперь он — министр продовольствия. Его книга — подлинная Библия. Называется она: «Задача разведения породы германского народа». Там сказано, что человек есть тот же зверь. Это основа основ. Все остальное — только выводы из этой посылки.

Книга Дарре издавалась много раз и большими тиражами, но ее не найти. Так велик спрос! Не имеет ее сейчас и сам зондерфюрер, ему приходится пользоваться журналом «Дойче вер», где помещены извлечения из труда почтенного профессора.

Сунув номер журнала в руки Нивега, зондерфюрер приказал ему занести извлечения в записные книжки каждому солдату. И там появились такие записи, сделанные под диктовку унтер-офицера:

«История разведения скота имеет за собой тысячелетия. Но, разводя животных, человек забыл о себе. Настало время улучшать породу самого человека. Допустимы те же методы. Разведение одних, беспощадное истребление других. Семья не нужна. Брак лучше заменить скрещиванием. Отвергнуть разум в том виде, в котором это понятие развивали евреи. На его место должны прийти дрессировка людей, духовная маршировка».

Зондерфюрер цветным карандашом подчеркнул главную мысль профессора: «Победа третьего рейха будет куплена не более полным применением бензина, а потоками крови и слез. Оставшийся в живых деморализован-

ный сброд человеческих существ, лишенный своих руководителей, будет так сильно раздавлен и сломлен несказанными ужасами, страданиями и террором, что он будет стоять беззащитным и лишенным воли перед лицом своего победителя.

Побежденные будут превращены в рабов. Их число не имеет значения. Сто миллионов трепещущих феллахов не труднее привести в покорность, чем десять миллионов, ибо много миллионов людей дают в сумме нуль».

Дарре видит преимущество немецкого народа в том, что он организован. Поэтому победить ему легко, тем более каждую страну в отдельности. Фюрер дает приказ генералам, генералы полковникам, полковники — майорам, майоры — капитанам и лейтенантам, лейтенанты — унтерофицерам, те — рядовым. Все приходит в движение, завоевывается жизненное пространство, и начинается тысячелетнее царство...

В Мурмелоне, где Нивег обучался зенитному искусству, собралось много солдат. Не все они отличались послушанием, не до всех доходили «ценные» идеи Дарре. Постепенно поблизости командование создало даже специальный концентрационный лагерь для германских чинов, заполненный в основном рядовыми, отказавшимися ехать на советско-германский фронт. Там, за колючей проволокой, перевоспитывали кого угодно — симулянтов, членовредителей. В лагере не было, кажется, зенитчиков — они не особенно боялись войны. Франц Нивег и его камрады беспрекословно подчинились приказу — погрузить эрликоны на железнодорожные платформы и вместе с ними отправиться на восток. Стук вагонных колес, казалось, торопил — быстрей, быстрей! Рейх ждет победных реляций.

Летом в украинских степях зенитная батарея Франца Нивега не раз меняла позиции. Потерь почти не имелось. Отделывались легким испугом. Как-то летом его, задремавшего под кустом, разбудило стрекотание. Он увидел приближающийся маленький русский самолетик, предназначенный для разведки и связи, «ПО-2», или, как его называли солдаты, «швейная машинка». Пока Нивег размышлял, стрелять ли по такой цели, самолет исчез, опустившись в ближайшую лощинку. Но, видно, заметил орудия, нагрузился ночью небольшими бомбочками, вроде гранат, состоящих на вооружении пехоты, вернулся на батарею ночью. Раздались взрывы, но никто не пострадал.

Командир батареи сказал, что при очередном появлении таких самолетов команду орудиям подавать не следует, но надо открывать стрельбу из винтовок и автоматов. Они ведь из фанеры!

«Швейная машинка» больше не появлялась, тревога исчезла, но из предосторожности солдаты предпочитали все же спать не на траве, а в специально отрытых щелях. Так что из всех артиллеристов, пробившихся сюда, зенитчики оказались наиболее долговечными. К ним не долетали снаряды, они не знали взрывов мин, настоящие боевые самолеты обходили их стороной.

Дай бог, чтобы всегда так было!

Но украинские степи остались позади, и до бога не стали доходить молитвы солдат вермахта, напоровшихся под Сталинградом на прочную оборону. Стала гореть степь под их ногами. Тот, кто распределял места для полков в этом аду, указал зенитчикам на Голубиновку. В этом секторе они оборудовали огневые позиции, эрликоны должны были служить защитой пехоте и танкам на тот случай, если нагрянут сюда русские бомбардировщики и истребители. При любых обстоятельствах запрещалось сходить с места. Хотя бы на метр! Русские, напротив, хотели стереть эрликоны с лица земли. Дошло до того, что они както утром с воздуха накрыли батарею эрэсами.

Унтер-офицер Нивег уцелел — его перед этим послали за снарядами, снаряды он благополучно доставил, но число пушек «катюши» сократили, и это оказалось благом для оставшихся — каждая пушка получила боеприпасы по паре ящиков дополнительно. Да и продуктовые пайки в тот день не соответствовали наличию едоков — некоторых из них пришлось предать земле.

Настала осень.

Нивег видел, как молодые и свежие лица солдат с сияющими глазами, участвовавших в летнем наступлении, покрылись морщинами. В глазах застыло отчаяние. Даже те, кого не тронули пули и осколки, уже пережили смерть в ее тысячах видах. Эти степи и воздух дышали смертью. И днем и ночью она ходила за людьми по пятам.

Солдатам внушили: «Верь, повинуйся, борись!» Сам девиз заставляет задуматься. Верить — во что? В словесную эквилибристику зондерфюрера? Повиноваться? Во имя чего? Ради надежды на безнаказанный грабеж? Бороться? Они борются, не зная передышки; бьются сутки за сутками, без смены и отдыха, все еще полагая, что

приближающиеся зимние месяцы позволят перейти на позиционную войну. Из речи были исключены слова «русская зима». Но природе не было до этого никакого дела. Уже в начале ноября ударили морозы и появился снег — мелкий, сыпучий. Вопреки запрещению употреблять ненавистное слово «зима», она все-таки пришла. Фашисты заговорили о необходимости создавать окопы-укрытия, «отапливаемые опорные пункты». Рекомендовалось проявлять инициативу и запасаться теплой одеждой, не надеясь, не уповая на интендантов.

Окружив фашистские военные части, прорвавшиеся к Волге, советские войска взялись за методическое их истребление. Парализованные оккупанты оказались принужденными подчиниться буйству стихии. Зенитная батарея Франца Нивега была, видимо, засечена, потому что однажды на рассвете черные тени ИЛов обрушили на позиции эрликонов бомбы и снаряды. После налета, сбросив шинели и куртки, вся прислуга энергично зарывалась в землю, затаскивала туда боеприпасы. Выражение чрезмерного усердия, с которым люди работали, показывало, что они уже не верят, что при следующем налете выживут.

Нивег тоже долбил грунт и что-то таскал. За этим занятием его застал советский самолет-штурмовик, обстрелявший копошившихся зенитчиков из пулеметов и пушек. Глядя на раздирающую душу картину разгрома позиции, Нивег подумал, что отвратительные эрликоны, эти «железные девы», созданы для его погибели. Но куда деваться унтер-офицеру?

Командир батареи не раз ему говорил:

«Орудие без унтер-офицера — это все равно, что святая дева Мария без младенца».

Орудие и унтер-офицер навеки неразлучны.

Вскоре зенитчики совсем осиротели — заболел дизентерией и был вывезен в дальний лазарет командир батареи. Таял личный состав, таяли боеприпасы. Дюжина снарядов, оставшихся на батарее, была быстро израсходована — стреляли по прорвавшимся советским танкам. Ефрейтор-наводчик так старался, что последнюю ночь жаловался на озноб, оказалось, что у него воспаление легких. Унтер-офицер Нивег пытался обогреть больного, разведя в землянке костер, но не помогло, ефрейтор скончался. Пришлось стащить его труп в окоп, где покоились останки заряжающего.

Унтер напряженно прислушивался к грохоту, доносившемуся со всех сторон. По-видимому, это проходили танки и бронетранспортеры, Будь снаряды, он бы с ними справился. Орудие калибра 88 миллиметров вполне надежно, в этом он был абсолютно уверен. А что делать без снарядов?

Декабрьским утром Нивег выбрался из блиндажа и увидел в сотне метров от него танк «Т-34». Унтер быстро юркнул в какую-то яму. Он слышал, как зачастила выстрелами расположенная неподалеку малокалиберная зенитная пушка. Танк в ответ чесанул из пулемета.

Услышав перестрелку по соседству, Нивег понял, что он со своим орудием остался в тылу у русских. Советская сила покатила дальше. Не исключено, что они вернутся. Но надо ли их ждать?

Нивег пошел по следам танка и увидел раздавленную батарею МЗА, убитого командира батареи. С этим офицером они немного были знакомы. Мертвый лейтенант слыл снайпером зенитного огня, он наверняка владел какой-то «тайной» прямого попадания. С лета лейтенант носил Железный крест первой степени и надеялся, что к зиме получит к нему и серебряную пряжку. Теперь он мертв, тайну прямого попадания унес на тот свет, не дождавшись пряжки.

Тайны ни к чему, если нет орудий, снарядов. И у лейтенанта снарядов не оказалось. Везде валяются футляры от снарядов, но самих снарядов нет. Стрелять больше нечем. Уже не стало многих батарей, рот, дивизий, батальонов — их взял господь в свое небесное царство. Там уже и лейтенант и друзья Нивега из его орудийной прислуги. На том свете, наверное, за грехи свои они будут отбывать наказание у своих эрликонов. Вот втоптан в снег томик стихов нацистского поэта Пауля Эрнеста, воспевшего свастику.

Пауль Эрнест писал: «Убей в себе разум, верь и подчиняйся...»

Теперь подчиняться некому.

Артиллерийские залпы, доносившиеся издали, торопили Нивега, ему надо было на что-то решиться. Он вернулся к своему орудию, чтобы взять свой мешок. Пушка ему теперь ни к чему. Осталось разбить панораму и вынуть замок. На какой-то миг у Нивега голова пошла кругом, и он задумался над своими дальнейшими поступками. Выход из положения напрашивался сам собой. Он снова пой-

дет по следам танка, которые вели его к штабу зенитно-артиллерийского полка. Его, наверное, там ждут, чтобы вывести из окружения и отправить на новое формирование. А перед формированием отдельным счастливцам выпадают отпуска, поездки домой, к своим родным. Хотя бы на неделю сбросить длиннополую шинель, сменить белье, пойти со знакомой девушкой в кафе!

Но Нивег не был ранен, в тыл ему не попасть. Ему самому полагалось охранять аэродромы и мосты, чтобы улетали самолеты и уезжали поезда, вывозя в тыл других. Немыслимо уехать из этой степи в то время, когда всюду такие большие потери. Можно только бежать. От одной мысли о бегстве он стал озираться вокруг, чувствуя себя виноватым, как будто в штабе полка могли узнать, о чем мечтает унтер. Это было хуже всего. По выражению лица никто и никогда не должен ничего узнавать.

При свете окопного фонаря Нивег собрал в заплечный мешок свои вещи, завел часы, зашагал по снегу, изрытому гусеницами боевых машин. Он дошел до хутора, который различался в серой дымке изморози на пригорке. Там в аппарелях располагались артмастерские. Там тоже все было опустошено — остались металл и трупы солдат. В блиндажах валялось только тряпье и солома, крестьянские хаты тоже стояли пустыми с провалами вместо окон. От растерянности у Нивега что-то сжалось внутри. Теперь у него не было командиров, он получил свободу, которой никогда раньше не располагал. Он мог идти куда угодно, но к этому он не привык. Может быть, ему следует остаться здесь, пока кто-либо вернется? Или выбраться туда, дальше вдоль колеи, к самой реке, найти другую часть, где ему отведут место в окопе. Он почувствовал возбуждение и закричал,— ему никто не ответил. Кругом возвышались бугорки снега — это мертвые солдаты, а он стоял один в декабрьских сумерках и смотрел на обезлюдевшую степь, прислушиваясь к раскатам далекой орудийной канонады.

Различались даже отдельные выстрелы, пулеметный перестук. «Где же это?» Там какой-то пункт. Прочел надпись на указателе: «Басаргино». Глухо рвали воздух залпы дальнобойных. Прикидывая расстояние, он определил, что дальнобойные стоят где-то километрах в двадцати пяти. Прошагал через степное солдатское кладбище между ровными рядами новеньких березовых крестов. На каждом прибита дощечка с выжженной фамилией, чином, да-

той. А остальные? Сюда можно было бы добавить не одну тысячу березовых крестов. Расчет строился на то, что гробы перевезут на родину. Но уже летом, как и теперь, было не до похорон. Убитые валялись там, где их поразил металл. Лежали всюду под палящим солнцем, фантастически раздувшись.

Мертвые солдаты — свои и чужие, не пугали унтера— они не опасны и не претендуют на удобства. За минувшие осень и половину декабря земля приняла столько убитых и замерзших, что здешняя трава всегда будет расти на костях. Смерти и разрушению подвержены не только люди, лошади, мулы и другой скот, но и машины, боеприпасы. Степь их тоже похоронит. Степь позаботится об этом...

Если всего несколько часов тому назад унтер стремился найти себе место в окопах среди подобных, то теперь его мозгом овладели мысли другого порядка. Жилье отпугивало Нивега. Отпугивали его тянущиеся неподалеку колонны и обозы. Он сполз в дубняк, в яму, и спрятался там.

II

Гитлеровское командование следило за поведением своих солдат, предохраняя их от «психологической ущербности». В этом отношении оно напоминало ревностную мамашу, которая стремится уберечь свою повзрослевшую дочь от всяких соблазнов. Такими соблазнами для солдата были дезертирство, членовредительство, симуляция, да и еще мало ли что! Ничего другого солдат не должен знать, кроме как: «ответственность» + «приказ» + «послушание». Слово офицера свято, никаких рассуждений и мнений. Солдат обязан с ожесточенной энергией оборонять то место, где он находится. Даже появляющиеся разговоры об «эластичной» обороне вредны. Надо выбрасывать из обихода вредные слова и понятия. Это должны внушать солдатам все чины, бывая в окопах, на боевых позициях. Укреплять у солдат веру в себя.

Офицеры обязаны были наблюдать за порядком в зоне боевых действий, собирать солдат, отколовшихся от своих подразделений и отправлять их на передний край. С дезертирами расправляться. Нивега страшило то, что при задержании его могли принять и за отколовшегося, и за дезертира.

Нивега погнало к людям, которых он увидел плетущимися по заметенной снегом дороге. Трое тащили на веревке мотоцикл. Офицер и солдаты из разных частей, отколовшиеся, даже не обратили внимания на появившегося невесть откуда унтер-офицера. Им было не до него. Офицер загнал их в развалины хлева, а сам пошел искать связь. И солдаты стали что-то варить, уставшие и обессиленные. Вот они, парни из Силезии, Восточной Пруссии, Померании, Гессена, Бранденбурга... Нивег отодвинулся от костра к сухой навозной куче. Перед его глазами по стенам бродили уродливые тени, черные, пугающие. Сначала он о чем-то размышлял, собрать же мысли в нечто связное не удавалось. И он стал тихо разговаривать сам с собою, боясь впасть в безумие. Потом все вокруг расплылось, и ему показалось, что он все идет и идет. А вокруг степь, степь, степь. Надо идти и не оглядываться. Он стал шептать про себя какие-то слова. Это были слова песни. Он пел ее в школе святого Фомы и в лагере Мурмелон:

Несется клич, как грома гул,
Как звон мечей и волн прибой:
На Рейн, на Рейн, на Рейн родной.
Мы встанем крепкою стеной,
Отчизна, сохрани покой,
Отчизна, сохрани покой,
Мы стережем наш Рейн родной,
Мы стережем наш Рейн родной!

Нивег пришел в себя то ли от собственного хрипа, то ли от какой-то возни. Двое внесли в помещение третьего, обессиленного и не способного передвигаться. Кричали, но унтер не понимал, чего они хотят. О, это итальянцы! Им хотелось загнать сюда, в сарай, и свою фуру со впряженной в нее четверкой мулов. Не надо итальянцев, не надо мулов! — кричал кто-то. Но с солдатами оказался старший итальянский офицер. Итальянцы втолковывали немцам, что офицер болен, они везут его на аэродром, чтобы отправить в Рим. Спорящие умолкли, договорившись, что мулы останутся во дворе, а офицеру уступят место у костра.

Откуда-то привели санитара, и тот костлявыми руками, покрытыми бородавками и волосами, начал расстегивать мундир больного. Но отшатнулся, заметив, что по одежде густо ползли насекомые. Их везде хватало, но у итальянцев до сих пор обстояло лучше. Итальянские хи-

мики, выполняя задание своего дуче, Муссолини, изобрели сильно действующий порошок, снабдив им воюющую армию. Желтый такой, с приятным запахом. Человека вроде только что надушили лавандой. Хорошее средство против насекомых, они сразу же подыхали. Пушки и танки у итальянцев — дерьмо, а порошок — превосходный. У немцев такого не было. Хороша еще у итальянцев тягловая сила — мулы. Славились большой выносливостью.

Офицер пришел в себя. Стал озираться, что-то ища глазами. В глазах его затаилась тоска. Заволновался:

— Мулы, мулы где? Пусть будут мулы со мной.

Нивег вмешался:

— Глупейший разговор. Мулов еще здесь не хватало! Они брыкаются.

— Они брыкались в Сицилии. Боялись мафии,— пошутил санитар.

Итальянцу стали втолковывать, что в здешней степи нет сицилийской мафии, мулы во дворе, не потеряются. Но итальянец вскочил и стал что-то провозглашать. Понятны были только обрывки фраз:

— Нас обманывают! У нас крадут тепло!

— Что с ним?

— Сошел с ума. Или бред. Сейчас везде тиф,— пояснил санитар.

Итальянец свалился и в ту же секунду затих. Губы стали неподвижными, сомкнутыми. Ждали, что он зашевелится. Но он лежал пластом, санитар взял его руку и сказал, что его пациент не уснул. Он мертв...

Умершего вытащили из сарая, зарыли в сугроб. Нивег помогал хоронить итальянца, а закончив работу, осмотрелся. И в самом деле итальянец не зря беспокоился. Фура стоит, мотоцикл «цундапп» на месте, а мулов нет. Где они? Наверное, их увели на гуляш? Мясо у них жесткое, даже собаки не едят, но солдаты, попавшие в «котел», непривередливы, приспособились, в пищу у них идет все. Каждый готовит свой «айнтопф»[1].

Мороз все крепчал. В сарае стало холоднее; пропадал труд по его утеплению.

«Тут долго не просидишь,— думал Нивег.—Что угодно, только не сидеть на месте!»

[1] В переводе: «все в одном горшке»— немецкое национальное блюдо, готовится из картофеля, мяса, гороха и пр.

В щель проникал солнечный луч. Луч, посланный провидением. Краткое озарение толкало унтера из сарая наружу. Стремясь утолить голод, он выпил приготовленную на завтрак бурду, вылил остатки во флягу. Если б она подольше осталась теплой! Никто не окликнул его, не позвал, когда он стал уходить. За околицей унтер сказал сам себе:

— Что поделаешь? Пойду по рельсам. Они приведут меня к теплу, к своим. Или... в плен!

У него появилась надежда на спасение. Верно: поддерживая эту надежду, можно притупить чувство обреченности. Тем более, что жизнь не остановилась, вверху слышался шум двигателя. Хорошо советским летчикам. Они летают, видят белый снег и свою степь только с высоты. Позавидуешь им. Когда-то они боялись пушки Нивега. Они кувыркались в хлопьях разрывов, в перекрестиях прожекторов. Они загорались от огня эрликона. Тогда он им не завидовал.

Степь, степь, степь...

Это что-то страшное. Ничего похожего в Германии нет. Там, скажем, идет поезд из города в город. Пассажир видит сплошные строения. Иногда ему встретятся пашни, огороды, сады. Потом опять селения.

Здесь же поражают чудовищные незаселенные просторы. Кое-где их пересекают железные дороги. Нивег шел по насыпи. Идти было легче, чем по степи. Но мешали груды изломанных шпал и рельсов. Отступая, немцы пустили по рельсам специальный паровоз, оборудованный приспособлением, ломающим рельсы и шпалы. Пусть русские все делают заново!

Насыпь предохраняла Нивега от блужданий. Из разговоров в сарае он узнал, что внешнее кольцо блокирующих советских войск доходит до Тормосина. Туда подошли свежие немецкие войска; командует ими фельдмаршал Манштейн. Там спасение. Это километрах в восьмидесяти. В Тормосине и в Морозовской — базы снабжения, унтеру доводилось бывать там. Но тогда в его распоряжении имелся грузовик.. А сейчас? Черт с ним, с грузовиком!...

Последний раз из Тормосина он доставил ящики с галетами. Итальянское изделие, в форме плитки из очень белой муки, твердое, как камень. Но если отколоть кусочек и чем-либо увлажнить, галета разбухала, и ее можно было проглотить.

Попавшие в окружение войска, а вместе с ними и унтер-офицер Нивег, долго верили в успех Манштейна.

Они бы сильно разочаровались, если бы знали истину. Армия Манштейна двигалась на выручку, но в его частях не было воодушевления. Шли возмущенные разговоры о том, что операция по деблокированию оказавшейся в Сталинградском «котле» армии Паулюса напоминает движение косяка рыбы в сеть. Даже если они и прорвутся к окопам обороняющихся в «котле», то кого они там застанут? Сонмище больных, обмороженных. Рейху от них проку будет мало. Пусть лучше там замерзают. Война требует жертв.

Манштейн наверняка улыбнулся бы, если б узнал, что находящиеся в «котле» войска долго не теряли присутствия духа и надеялись еще на чудо. На то, что они еще смогут повидаться со своими камрадами. Эти их надежды не сбылись. Правда, в войсках Паулюса имелись и такие отчаянные головы, которые думали об отступлении. Они хотели риска, хотели пойти навстречу наступавшим.

Всех их заметет снегом. Никто пока не вышел!

Имел шанс выйти только один.

Франц Нивег, унтер-офицер, бросивший свои эрликоны на произвол судьбы.

Разрывая сеть окружения, он надеялся добраться до своих.

Он шел и шел. Порой он сбивался с пути, но снова находил дорогу. В одном месте на переезде через узкоколейку его испугал двигавшийся к нему локомотив. Он различил в кабине машиниста промасленную шапку-ушанку и скуластую физиономию механика. Пришлось зарыться в снег на кукурузной стерне. Паровозик дал свисток и побежал дальше. Тронулся в путь и Нивег.

В светлое время Нивег часто смотрел на западный край неба. Заснеженные поля терялись у горизонта. Иногда в вышине различались звуки работающего двигателя. Он часто смотрел вслед транспортным самолетам. Смотрел, как советские самолеты идут бомбить немецкие позиции. По ним он и ориентировался. Это был его компас.

Он понимал, что такой путь опасен. Но что опаснее свирепого мороза, который сковал и парализовал все? Унтер радовался тому, что еще мог двигаться. Движение — жизнь.

Нивег вспомнил офицера-итальянца, который на мулах хотел найти аэродром и улететь к своим теплым морям. Он мог бы там встретиться со своим любимым Маринетти, вместе с ним лакомиться лягушками, вылавливая их из старых бочажков. Маринетти Томазо Филиппо, поэт-фашист, основатель футуризма. Это он выступил с манифестом, приглашающим молодых людей на войну.

«Война,— писал Маринетти,— утонченнейшее усиление всех людских наслаждений. Война — самый современный спорт, прекраснейшая человеческая динамика, единственное подлинное сентиментальное приключение. Наконец, война — самый мощный источник вдохновения для создателей всех видов искусства».

Маринетти утверждал, что источником вдохновения всех итальянских, немецких, румынских, венгерских, японских молодых людей является война, как и связанные с жизнью беспечных солдат-завоевателей радости — карты, вино, тройки, автомобили, женщины. Такая эстетическая приправа, соус ко всем мелочам жизни,— обрисованы в этом манифесте метко и веско, как соблазн, не без иронии и усмешки. С этой стороны нельзя отказать Маринетти в остроумии. Он знал, для кого писал. И знал, на чем играл. Апеллируя к спорту, к динамике, к сентиментальным приключениям, к творческому вдохновению во всех видах искусства, он нащупал самое уязвимое место молодых своих современников.

Такое можно сочинить только под сенью олив или в приморском отеле, любуясь лазурными водами теплого моря (Маринетти не обращался к справедливости, к человеческому достоинству, к этике, даже к патриотизму. Современный человек, по его мнению, не склонен рисковать своей головой ради подобного рода вещей. Но вот рисковать головой ради того только, чтобы потешить самолюбие, удовлетворить каприз,— на это, по его мнению, способны, если не все, то многие).

Нивег остановился, спросил себя вслух: «Танцы тоже искусство?» В Германии танцы теперь запрещены. Учитывая настроения жителей рейха, потерявших отцов и сыновей на фронте, начальник полиции Гиммлер сначала наложил запрет на танцы в ресторанах. Затем распространил запрещение, касающееся танцев вообще, и на танцевальные кружки, даже не имеющие общественного характера.

Нивег, выбравшись на бугорок, почувствовал под нога-

ми твердую землю. Решил немного потанцевать, чтобы взбодриться. Здесь—можно, сюда не доходили гиммлеровские «эдикты». Но колени не сгибались, унтер сел на землю, забыв о Гиммлере и Маринетти. На ум ему пришло имя Толстого.

Ниверг в школе святого Фомы читал его книгу «Война и мир». У русских был такой писатель. Он, вроде Мартина Лютера, пытался реформировать русскую прославленную религию, в его книгах осуждались война, убийства. Был еще у русских писатель-провидец Достоевский, написавший книгу «Преступление и наказание». Она тоже ходила по рукам у мальчишек школы святого Фомы. Нивег задумался о загадочной стране, где он оказался. Стране смерти для чужеземных пришельцев.

Глубоко проваливаясь в снег, Нивег двинулся дальше. Физически это делать уже невозможно. Но идея, идея о том, что кое-кто из немецкой окруженной армии все же останется в живых, вела его.

Маринетти — идиот! Людям нужны не войны, а труд, дающий им хлеб и жизнь.

Хлеб, зерно. Он увидел среди поваленных плетней, возле землянки с обрушенной крышей, не до конца сгоревшую кучу зерна. Опухшими и посиневшими от холода пальцами разжег в яме костер, бросил в каску несколько горстей зерна. Снова осмотрелся вокруг. Нет никого — ни солдат вермахта, ни иванов. Ни одной живой души. Он стал ломать плетень, чтобы поддержать огонь. Сел, прислонившись к камню, врытому там, где когда-то стояла кухня. Ему послышался стон, но не людской, а стон земли. Потом почудился треск. Трещали кожа и кости. «У меня, видно, кости промерзли»,— подумал унтер.

Поев разварившуюся в каске пшеницу, унтер почувствовал теплоту и уют. Попытался найти ориентиры.

Видел признаки того, что где-то недалеко село. Слышались лай собаки и гудение автомобиля. «БМВ-250»,— определил марку машины Нивег. Он побоялся этих звуков. Может быть, это БМВ уже оказалось русским трофеем. И все же вышел на дорогу.

Машина остановилась возле него лишь на минуту. Потом, буксуя, поехала дальше.

В ней какие-то люди. Объяснились с ним только жестами.

Он улыбнулся им, ему тоже ответили улыбками.

Двинулся к хутору. Поднялся по крутому склону, опустился с обратной стороны и оказался на улочке, вдоль которой стояло несколько хат, крытых соломой. Люди его уже не пугали, и он вошел в сарай. Увидел спящих на соломе людей, места среди них не оказалось, и он забрался на чердак. Здесь была навалена куча кукурузных початков. Он устроил себе ложе и уснул. Проснулся на рассвете и ушел в степь. Надо побриться. Он научился сдирать щетину без зеркала и воды. Хотя и побрился, но лицо не изменило пепельного цвета.

Он хорошо выспался на кукурузе, и его больше не угнетала сонливость. О русских он стал думать с сочувствием. «Это такие же люди, как и мы. Сделанные из глины и соломы их жилища, конечно, уступают по внешнему виду тем западным домам — кирпичным, с антресолями. Но в них куда легче переносить холод!»

Плетни, почерневшие от времени, не то что каменные, бетонные и железные заборы. Но плетни тоже хранят тепло.

Бороны у русских без единого гвоздя. Даже зубья их дубовые. Борона «зиг-заг» — редкость. Грабли полностью деревянные, деревянные лопаты. У них, наверное, мало железа. Мало? А сколько танков и пушек!

Унтер шел весь день.

Утреннее солнце разогнало мрак. После блужданий в туманной дымке заметил сани. Лошадь шла медленно. В санях — покрытая платком фигура... Женщина? Она казалась давно знакомым призраком, не вызывавшим никакого страха. Эти сани приближались к нему. Женщина могла быть партизанкой и ехать с оружием. Поэтому Франц предусмотрительно поднял руки, чтобы показать свое миролюбие и безоружность...

Он увидел ее плоское лицо, сухое и потрескавшееся. Некрасивое, суровое лицо крестьянки, не похожее на сухие профили немецких фрау.

За время службы в вермахте — хотя думы об оставленных родителях, о своем доме, где он рос, учился, имел друзей и подруг, ни на день не оставляли его,— Нивегу никогда в голову не приходило пускаться в размышления о целях похода и о том населении, которое его встретит под чужим небом. Он знал, что где-то существуют люди, но имеют ли они свое мнение о вооруженных пришельцах,

нагрянувших невесть откуда,— для него было безразлично. Но тяжелые бои, жизнь в зимних окопах в русской степи неотвратимо навели его на эти размышления.

Русские в своих листовках советовали немецким солдатам сдаваться в плен. Почему он, Нивег, пренебрегал этими советами?

Наверное, боялся.

Да, боялся. Сама мысль о плене искоренялась. В полку Нивега от всех взяли расписку, в которой было сказано: «Я поставлен своим командованием в известность, что в случае моего перехода на сторону русских весь мой род — отец, мать, жена, дети и внуки будут расстреляны». Жены, детей и внуков у него не было. Германию сейчас бомбят англичане и американцы, так что отец и мать, возможно, уже покоятся в могиле.

Он упал на сани, крестьянка хлестнула лошадь. Он стал молиться. И она поняла это.

Она отодвинулась, немного испуганная не то его видом, не то резким запахом помойки, который исходил от унтера. Потом он умолк, уселся съежившись.

— Нечистая сила. Падаль...— поморщилась женщина. Голос был хриплый и далекий.

— Was[1]?— ему приятно услышать свой голос.

— Да, у вас.

Он из ее слов ничего не понял.

Нивег стал думать, что теперь он в плену. И лучше, если б на шинели были пришиты солдатские погоны. Его за самовольную реквизицию домашней птицы у населения еще весной разжаловал в рядовые командующий армией, и он зря тогда не сменил знаков различия. Но теперь раскаиваться поздно. Не расстреляют. Он взят без оружия. Нивег не мерз в санях, но единственное ощущение — холод — оставалось.

Остановились среди построек у мазанки с облупленными стенами. Подошли люди.

— Отведи его, кум,— сказала женщина.

— Где ты его подобрала, кума?

Что за слово «кум». Что оно означает?

Лицо унтера окаменело. Его бросило в жар, заболели суставы. Словно он высунулся из окопа, и его вот-вот изрешетят пулями.

В комнате, куда ввела его крестьянка, сидели одни

[1] Что! *(нем.)*.

лишь девчонки — работницы свинофермы, где не осталось ни одной свиньи. Выглядел унтер жалко, и в шинели и без нее. Его брюки нависали на короткие тяжелые сапоги подобно мехам гармошки, из-под мундира вылезла и вздулась грязная рубашка, на затылке встал торчком клок волос. Одна из работниц постарше распорядилась:

— В баню его! Воды полно.

Она объяснила, что при этой антисанитарии разносится тиф. Поэтому все надо дезинфицировать.

Ему дали одеться во что-то больничное.

— А его одежду, чтобы заразы не было, надо пропарить.

Унтер видел эту суету и понял, что никто ничего плохого ему не причинит.

Изумление его было столь велико, что он, не зная, как выразить свои чувства, заплакал. Крупные слезы катились по ранним морщинкам.

Одежду немца, вернув из парилки, развесили на голландке. Потом, набросав углей в паровой утюг, прогладили ее. От одежды распространилось сухое тепло. Потом ему дали поесть.

Ему показали широкую скамью, где он может выспаться. Он быстро уснул. Время исчезло.

Его разбудили свет и звуки.

С улицы доносились голоса, ясные и полные жизни. В дом вошел мальчик в больших валенках, на которых были прикручены «снегурочки». Щеки его пылали.

— Покажите мне немца! — крикнул паренек.— Его в сельсовет требуют.

Унтер из всей фразы уловил слово «немец».

Он стал собираться, ему помогли. Смертельно напуганный, он пошел туда, куда его вели...

Его провели мимо нескольких дворов. Ввели в дом повыше других, с коньком на дранковой крыше, над которой полоскался красный флаг. Унтер оказался в большой комнате. В ней стояли табуретки вдоль стен, квадратный стол на трех ножках, на нем возвышалась кипа газет и старых журналов. В стены въелся запах табака. Висела карта района с обозначением севооборотов и землепользования. Взглянув на чертеж, унтер различил Нижне-Чирскую и Тормосин. Совсем недалеко. Там немецкие войска, много войск. Там узел....

Унтер подумал, что его сдадут в ГПУ, там глупым не прикинешься, придется выкладывать всю подноготную.

И от этого он сердился на свое благодушие. Исчезла надежда. Но его в село привезли безоружным — пистолет, гранату, кинжал, бинокль, компас выброшены им давно. Поэтому рассчитывал, что в ГПУ его оставят живым. Там он скажет, что он всего лишь солдат, за неподчинение его давно разжаловали. Сам генерал велел сорвать с него погоны.

Допроса не было, унтера передали однорукому старику — сторожу фермы. Он увел его в хозяйственную комнату при скотном дворе. Разрешил раздеться, сесть на диван. Увидев отставшую подошву на обувке немца, предложил сапожный инструмент. Немец обрадовался, взялся чинить свой сапог, дед наблюдал его работу, свертывая иногда цигарку и поминутно сплевывая.

Старик произнес несколько немецких слов, объясняя, что война «никс гут», что руку он потерял в германскую. В том бою, в пятнадцатом году, их отделение накрыло шрапнелью. Сустав раздробило, и руку ампутировали.

— Хенде хох?— спросил старик и, не дожидаясь ответа, продолжил:— Гут, зер гут...[1]

Нивег понимающе кивал, ему хотелось курить, но его мутило от дыма, который валил от самокрутки. Он не попросил табака и заснул в горьком дыму.

В полночь старик пил чай, сдерживая ладонью кашель. Потом читал газету. А пленный дремал на диване. Проснувшись, унтер все же попросил курить. Самосад после нескольких затяжек одурманил. Нивег сидел неподвижно, тупо уставясь в стену, сонный, безразличный, и думал, что же с ним будет дальше? Отдаленная канонада напоминала, что выход есть. Надо только выбраться из деревни. От этой мысли он окончательно пришел в себя. Снова лег, сделал вид, что засыпает.

Нивег, выспавшийся днем, увидел, что старика сморил сон.

Боязливо оглядываясь, унтер поднялся, сделал шаг, боясь, что сторож проснется. Но тот спал. Немец постоял немного, согнулся и шмыгнул в дверь. В критические минуты унтера отличало хладнокровие. Случалось, что на батарее возникала паника. Но он оставался спокойным. Спокойным был и сейчас.

Заскочил за плетень, оглянулся в темное пространство, не гонится ли кто за ним? Нет, не гонится. Ветер бросал

---

[1] Руки вверх? Хорошо, очень хорошо *(нем.)*.

хлопьями снег, крутил его в воздухе. Скоро Нивег исчез во мраке... Бежал, спотыкался, падал, вставал. Опасался, что останутся следы. Оглядываясь, видел, что через минуту их заметала пурга. Порой он останавливался, оглядывался, прислушивался. Его никто не преследовал.

Нивег сначала даже пропустил не читая стрелку с надписью. Но затем понял ошибку. Надо знать, куда идешь. Он шел целый день и встретил несколько стрелок, указывающих на Термосин, а к ночи — когда мороз стал обжигать, зарылся в попавшийся на пути стожок.

...Он лежал в гнилой соломе, но уже не чесался так неистово, как до бани. Не слышал писка мышей, боязливо выглядывая из своей берлоги. Не видал ничего, кроме кустика и очертаний покосившегося телеграфного столба во мгле. Вспомнил, что уже седьмой день в пути. Сегодня 25 декабря, пятница, рождество, и подумал о ритуале богослужения. Ему чудились голоса — церковный хор. В тот же час он решил съесть оставшийся кусочек сала и хлеба, хотя до этого думал сохранить их до понедельника.

Слышалась перестрелка справа и слева. Нивег определил, что бои идут возле дорог, возле станиц и хуторов. Но как попасть к своим? Порой закрадывалась мысль: а надо ли к своим? Сидеть долго в соломе невозможно.

Все чаще и чаще выглядывал он из своего убежища через оставленное в соломе отверстие. Что-то вдруг вызвало у него страх и беспокойство.

Он пошевелил головой, глянул, и глаза его округлились от неожиданности. Вблизи различался немецкий бронетранспортер с летней окраской. Машина двигалась прямо к копне. Не призрак ли это, порожденный переутомлением и голодом? Нет, не призрак. Нивег вздрогнул, зашевелился и стал на четвереньках выбираться из своего убежища. Его тоже заметили. Солдаты в наушниках подходили к нему со всех сторон, направив в его сторону дула автоматов. Блестевшие вороненой сталью автоматы опустились, когда в выползшем странном существе солдаты опознали своего, немца, унтера, испуганного и одичалого.

Его подняли. Фельдфебель, крепко свинченный, подтянутый, сняв перчатки, быстро и ловко обыскал, извлек из кармана онемевшего унтера солдатскую книжку. Брезгливо развернул ее.

— Девятая зенитно-артиллерийская дивизия? Из «котла»?— удивился он.

— Яволь, господин фельдфебель,— прохрипел унтер. Фельдфебель крикнул солдату, сидевшему за рулем: — Поворачивай! В штаб дивизии!

Пережив все ужасы многодневных блужданий по степи, по ужасной русской снежной пустыне, он, Нивег, по существу, пришел туда же, откуда бежал. Да, его везли танкисты одиннадцатой панцирной дивизии. Они воевали, отражая удары советских войск. Свои, немцы. Но что же из того?

III

Из донесения штаба 11-й танковой дивизии в штаб Манштейна — в город Новочеркасск:

«...Третий день после рождества, 11-я дивизия, сознавая свою высокую и важную задачу, делая попытку облегчить тяжелую участь солдат, находившихся в «котле», отбила несколько атак русских. В занятой зоне найден был немецкий унтер-офицер, в живом состоянии, который при выяснении личности, оказался командиром орудия 9-й зенитно-артиллерийской дивизии, сражающейся в составе группы войск Паулюса.

Унтер-офицер по фамилии Нивег утверждает, что его дивизия разбита, он знает, что командир генерал-майор Пикерт из «котла» улетел в неизвестном направлении.

Унтер-офицер, по-видимому, в начале шел по маршруту: Питомник — Басаргино — Трубной. Здесь он пересек линию фронта, видимо, в инженерном отношении совершенно необорудованную, и дальше следовал по занятой советскими войсками территории, имея справа приток Карповку, затем Дон. Часть пути он двигался по насыпи железнодорожного полотна, достиг х. Ляпичево. Переправился через Дон по льду и вступил в Рычаковский, както образом избежав угрожающей ему встречи с советскими полевыми дозорами и постами, обошел их выше Верхне-Чирского. Авангардами 11-й танковой дивизии вермахта унтер-офицер был обнаружен на правом берегу реки Чир в зоне хутора Островского.

По физическому состоянию Нивега можно определить, что он прошел пешком 110—120 километров. По прямой это расстояние значительно меньше, но унтер-офицер, не располагая азимутом, часто петлял по степи, терял ориентиры. Компаса и карты у него не обнаружено.

Унтер-офицер на опросе показал, что из «котла» мно-

гие солдаты и офицеры могли бы свободно выбраться при наличии соответствующего приказа. Он встречал по пути мирных жителей, которые принимали его за военнопленного, так как он был без вооружения и запаса продовольствия. Его вело лишь отчаяние, храбрости и чудес находчивости не требовалось.

Унтер-офицер на опросе показал: на этом участке линия узкоколейной дороги оставлена неповрежденной и русские разыскали локомотив и перевозят грузы...»

Командир дивизии приказал отправить унтер-офицера Нивега в штаб группы армий «Дон». Но приказ этот был исполнен не полностью. Доставленный в Тормосин унтерофицер и сопровождавший его фельдфебель были погребены под развалинами дома в результате прямого попадания 50-килограммовой авиационной бомбы, сброшенной советским самолетом.

IV

Наступление продолжалось. Морозов, выписавшись из госпиталя, догнал свою часть уже на Миусе. Там он случайно подобрал на поле советскую листовку, предназначенную для немецких солдат и офицеров. В ней толково и ясно разъяснялись суть и исход Сталинградского сражения. На первой ее странице был изображен черный круг с белой цифрой «330 000», перечеркнутый крестом из жирных красных линий.

Морозов прочел:

«Lesen und Kameraden weitergeben!

Was ist vor Stalingrad geschehen?

Deutsche Offiziere und Soldaten!

Am 2 Februar d. s. hat die Rote Armee die Vernichtung der bereits am 23 November 1942 bei Stalingrad eingekesselten 330 000 Mann...»[1]

Далее рассказывалось о том, что к 8 января 1943 года положение окруженных немецких войск стало безнадежным, и советское командование предъявило верховному главнокомандующему немецких войск генерал-фельдмар-

[1] «Прочти и передай товарищу. Что произошло под Сталинградом? Немецкие солдаты и офицеры! 2 февраля сего года Красная Армия завершила начатое еще 23 ноября 1942 года окружение под Сталинградом сильной группировки немецких войск численностью 330 000 человек...» *(нем.)*.

шалу Паулюсу ультиматум: во избежание дальнейшего напрасного кровопролития сдать оружие и тем самым сохранить жизнь десяткам тысяч немецких солдат. Командование советских войск гарантировало военнопленным полную безопасность, медицинскую помощь раненым и больным, а по окончании войны возвращение в Германию или любую другую страну по желанию пленного.

«Но,— говорилось в листовке,— генерал-фельдмаршал Паулюс отклонил это предложение советского командования.

Тогда войска Красной Армии 10 января перешли в решительное наступление. В результате этого со 2 февраля окруженных 6-й армии и 4-й танковой армии немцев больше не существует.

Окончательно были уничтожены: 11-й армейский корпус, 8-й армейский корпус, 14-й танковый корпус, 48-й танковый корпус, всего ликвидированы 22 дивизии, в том числе—44-я, 76-я, 94-я, 100-я (легкая), 113-я, 276-я, 295-я, 297-я, 305-я, 371-я, 384-я, 309-я пехотные дивизии, 8-я итальянская и 3-я румынская армии, входившие в группировку.

Из 330 000 окруженных под Сталинградом немецких солдат и офицеров более чем 240 000 погибло.

Огромное количество оружия и военного снаряжения стало трофеями, среди них только 750 самолетов, 1550 танков и 6700 орудий.

Солдаты, подумайте над тем, кому Гитлер и его клика посвятили смерть 240 000 ваших товарищей под Сталинградом.

Но 91 000 солдат и офицеров спаслись, сдаваясь в плен. Среди них 24 генерала, 100 полковников и более чем 2500 офицеров других рангов».

В листовке перечислялись имена генералов, захваченных в плен. Вслед за генерал-фельдмаршалом Паулюсом были названы: генерал-лейтенант Шмидт — начальник штаба группы войск, генерал-полковник Штреккер, генерал-полковник Вальтер Гейтц, генерал-лейтенант Шлеммер, генерал-лейтенант Зейдлиц, генерал-лейтенант Пфеффер — командиры армейских и танковых корпусов. Названы были и командиры пехотных дивизий, а также бригадный генерал Димитриу и генерал Братеску—их послал в поход на восток бухарестский грошовый маршал Антонеску.

Далее в листовке говорилось:

«Солдаты!

Наступление советских войск успешно продолжается, Северный Кавказ освобожден от немецких и румынских войск. Советские войска заняли все восточное побережье Азовского моря, взяты города Ростов-на-Дону, Шахты, Новочеркасск. Красная Армия вступила на земли Украины и заняла особенно важные города и промышленные центры Донецкого бассейна: Красный Лиман, Лисичанск, Краматорск, Изюм, Барвенково, Лозовая, Красноармейская, Ворошиловск и Ворошиловград. Советскими войсками освобождены областные центры Харьков и Курск, которые были заняты немцами с 1941 года. Красная Армия прорвала блокаду Ленинграда.

Немецкие солдаты и офицеры, которые сдались в плен под Сталинградом, пришли к убеждению, что война Гитлером проиграна. Сложив оружие, они нашли выход. У вас еще больше оснований сделать то же самое.

Оставьте Гитлера и его клику! Гитлер — это не Германия. Гитлеры приходят и уходят, а Германия остается.

Переходите к русским в плен, и вы останетесь в живых. Ради ваших семей, ради вашей немецкой отчизны!»

Прочел, перевернул листок. Там слова, набранные крупным шрифтом: «24 немецких генерала в русском плену». В центре — в овальном оформлении — портрет взятого в плен генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса. Фоном ему служат двадцать три маленьких портретика — это генералы из его группировки войск.

Они бессмысленно сопротивлялись до самого февраля. Никак не хотели принять почетную капитуляцию, которую им не раз предлагали. Или хотя бы дали приказ: «Спасайся, кто может!» Такого приказа не было, и даже те, немногие, которые хотели вырваться из окружения, не сдавались в плен, а надеялись соединиться со своими.

Но бушевал огонь войны, в нем все сгорало...

Но не все.

Земля и жизнь на ней — вечны. Испепелить их невозможно.

После пожаров и долгой, очень долгой зимы, пришла весна. Растаял окровавленный снег. И опять заблестели ручьи. И разноцветные камешки, как всегда, стали тепло просвечиваться сквозь прозрачные слои воды.

Окопы обвалились.

Проросли семена на возделанной пашне.

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ

(Вместо послесловия)

I

Обычно, после того как читатель познакомится с новой книгой, ему интересно получить некоторые сведения об авторе. Зная об этом, я хочу вкратце рассказать о себе.

С самого начала, очевидно, следует коснуться главного. Я непосредственно причастен почти ко всем событиям, о которых повествуется на страницах моей книги. Как выпускник военного училища, отправился на фронт и дрался под Серафимовичем, вместе со своими однополчанами оборонял Сиротинский плацдарм, неоднократно упоминавшийся в сводках нашего верховного командования, где фашистская сила была в августе сорок второго года остановлена, а в ноябре опрокинута. Затем, на месяц выбыв из строя по ранению, попал в воинскую часть, которая гнала немецко-фашистские войска по степям Калмыкии до Ростова-на-Дону.

О том, как разрабатывались операции различных масштабов, как рождались стратегические и оперативные замыслы и планы в ставке, в фронтовых и армейских инстанциях, знаю из опубликованных документов и материалов, а также по рассказам тех воинов-сталинградцев, которые стали героями моего повествования.

Мне не было необходимости прибегать к вымыслу.

О Сталинградской битве создана к нашему времени обширная литература — научная, художественная, мему-

арная. В ней обстоятельно, достоверно и часто с большой убедительностью освещены различные аспекты сражения. И если на какую-то тему написано, скажем, десять книг, то нетрудно написать и одиннадцатую. И я не стал бы браться за перо, если бы не одно странное явление. Полагаясь на неосведомленность какого-то слоя читателей, за рубежом находятся авторы, пытающиеся завести наивных в заблуждение относительно причин наших побед. Таким автором, к сожалению, оказался американский публицист У. Кэрр, выпустивший в 1978 году книгу «Секрет Сталинграда». Она приглянулась кое-кому в ФРГ, и там ее перевели на немецкий язык и издали с подзаголовком «Закулисная сторона одной решающей битвы».

О теме дает представление уже само название книги. И надо отметить, написана она на богатой фактической основе. У. Кэрр отдает должное героизму защитников города на Волге. Он сам видел это собственными глазами. Будучи корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» на советско-германском фронте, он в то время объективно информировал свою газету. Его газета, пользуясь этой информацией, 27 сентября 1942 года писала: «Сталинградцы отстаивают город со страшной решимостью». Что правда, то правда!

Это видели и другие иностранные журналисты.

Во время битвы на Волге многим аккредитованным в нашей стране заморским репортерам по их просьбе разрешено было посмотреть все на месте. Я помню одну такую группу журналистов из двадцати человек, тепло одетых, закутанных в шарфы. Они с блокнотами в руках осматривали окопы, блиндажи, трофейное оружие, беседовали с вояками бывшей 6-й армии.

— Фюрер — великий человек, и, если у вас есть на этот счет сомнения, их придется отбросить,— прорычал тип в натянутой на уши суконной пилотке.

Английский журналист — Александр Верт, подышав па закоченевшие пальцы, внес эту фразу генерал-лейтенанта фон Арнима в свою записную книжку.

Позже Александр Верт, смеясь над чванливым битым генералом, с восхищением писал о необыкновенном личном мужестве советских бойцов. «Мы поднялись,—писал он,— на страшные склоны Мамаева кургана... Сколько тысяч снарядов рвало эту землю, на которой каких-нибудь полгода назад зрели арбузы? Но советский солдат устоял...»

Поднимался на Мамаев курган и мистер Кэрр. Он тоже мог кое-что увидеть и запомнить.

Но память подводит американского журналиста. По мнению нынешнего У. Кэрра, секрет советской победы на Волге совсем не в героизме воинов. Он вообще сомневается теперь в закономерном характере их победы. Разглядывая все сквозь черные очки, сей господин вдруг каким-то чудом обнаружил, что якобы советские историки «умалчивают о Сталинграде». По его мнению, не показывают, например, с помощью каких резервов достигнут успех в операциях «Уран» и «Малый Сатурн». Его озаряет мысль: советское командование имело «таинственные резервы».

Рассуждая о советском «коварстве», американский автор взялся раскрыть секреты победы. И сделал такие «открытия», которые обрадовали бы любого геббельсовского брехуна. Вот что пишет У. Кэрр:

«Таким образом, Советскому Союзу удалось победить в Сталинградской битве не с помощью чуда, как долго считалось раньше, а с помощью более чем 1,5 миллионной армии стратегического резерва, существование которой для Гитлера и немецкого верховного командования оставалось неизвестным. Об этой армии ничего не знали также президент США и Черчилль».

Основываясь на этом и манипулируя цифрами и датами, мистер Кэрр делает вывод, что, если бы верховное командование нацистской Германии знало о наличии у Советского Союза значительных резервов, оно бы не предприняло летом 1942 года наступления и не было бы Сталинградской битвы. Имея данные о советских резервах, западные союзники не стали бы высаживаться в Северной Африке и затем в Италии, а сразу бы направили свои усилия против Германии, на европейский театр военных действий.

Всякому, кто мало-мальски знаком с историей второй мировой войны, ясна нелепость измышлений мистера У. Кэрра о «таинственных» резервах. Как будто ему не известно, что проблема резервов — одна из важнейших проблем любой крупной войны! Каждое воюющее государство их создает, использует. У. Кэрр хотел бы, вероятно, чтобы советское командование регулярно информировало вермахт о своих людских и материальных ресурсах. Тогда бы германский генеральный штаб вынужден был упразднить свою разведку.

Да, наша страна имела резервы. Это был весь совет-

ский народ, вставший — от мала до велика — на защиту социалистического Отечества.

Да, гитлеровский «рейх», развязывая агрессивную войну, допустил просчет, переоценил свои силы и возможности и, напротив, недооценил силы и возможности Советской страны.

У. Черчилль и Ф. Рузвельт получали о советской стране все необходимые им данные для их стран. Союзники по антигитлеровской коалиции в этом отношении к нам претензий не имели.

У. Кэрр их имеет.

И наводит, как говорится, тень на плетень.

Разоблачать фальсификаторов, показывать всесторонне ход событий, вскрывать истоки победы, преимуществ советской военной организации — дело историков. Я же, как человек, относящийся к тому поколению людей, которое знает войну не понаслышке, а наяву, отдавший ей годы жизни, посчитал необходимым поведать об этом же в доступной мне форме беллетризованного свидетельства.

Я обязан был сделать это. Видел в этом долг старших перед молодым поколением. По-моему хорошо написал об этом в своем стихотворении, посвященном маршалу Александру Михайловичу Василевскому, неустрашимый командир взвода артиллерийской батареи Николай Борисов,[1] мой друг, участник боев на Дону и Волге:

Мы к черте роковой
подходили в сражениях
близко,
Не жалея себя,
хоронили друзей и родных:
На дорогах войны
возвышается строй
обелисков.
Мы остались в живых,
чтоб дышать и трудиться
за них.
Много лет миновало
со светлого мая Победы,
Но и в мирные дни
боевая нужна высота.

[1] Ныне Борисов Н. А. — заслуженный учитель РСФСР, директор ордена Трудового Красного Знамени 201-й московской средней школы имени Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских.

Край передний пролег
через сердце
немеркнущим следом.
И у нас, ветеранов,
бессонная совесть чиста.
Сколько в памяти нашей
картин незабвенных осталось!
Не забыть эшелонов в ночи
И солдатскую нашу семью.
Тяжесть лет отшумевших,
Окопную нашу усталость.
Комсомольскую юность
И раннюю зрелость в бою...
Мы не отдали дань
пенсионным уютным
квартирам:
Не к покою — к трудам
и тревогам зовет седина.
Коль народ наш гордится
в боях завоеванным миром,
То в его торжестве
Нашей крови частица видна.

II

Как журналисту, мне посчастливилось взять у маршала А. М. Василевского интервью в 1977 году. По поручению редакции казахстанского журнала «Простор» я передал маршалу вопросы, которые он счел заслуживающими внимания и подробно ответил на них. Отвечая на вопросы, маршал вспоминал Казахстан, о чем помнят читатели журнала[1].

Рассказывая о ходе войны, о стойкости, мужестве нашего народа на фронте и в тылу, о вкладе в великое дело победы трудящихся восточных районов страны, в своем интервью маршал отмечал:

«Промышленность Урала, Сибири, Алтая, Дальнего Востока, Казахстана служила надежной кузницей всех видов современного оружия. Армию требовалось одеть, обуть, вооружить, накормить — все это армия наша имела. Советские люди, самоотверженно работая в тылу, проявляли величайшую заботу о защитниках Родины, порой отказывая себе в самом необходимом. Ко времени Сталинградского сражения страна переживала значительные экономические трудности в связи с потерей восточной части Донбасса, угрозой работе нефтепромыслов на Северном Кавказе, потерей сельскохозяйственных районов юга стра-

[1] «Простор», № 5 за 1979 год.

ны, а также выводом из строя сталинградского промышленного центра. Не случайно летом 1942 года было сформулировано требование: «Ни шагу назад»!

В восточных районах создавались новые формирования, необходимые для фронта. Великий подвиг героев-панфиловцев под Москвой нашел отклик в сердцах воинов-сталинградцев. На дальних подступах к Сталинграду было немало образцов большого героизма солдат и офицеров, выполнявших приказ «Ни шагу назад».

Маршалу был задан вопрос:

«Какой период войны был для вас самым напряженным?»

Он ответил:

«Война требовала от всех ее участников максимума отдачи физических и моральных сил. Так что моя личная судьба в этом отношении не является исключением. Но скажу, что дни и ночи, когда происходили Московская и Сталинградская битвы, были для меня, пожалуй, наиболее трудными. Эти трудности осложнялись той огромной ответственностью, которая возлагалась на тех, кто руководил операциями. Я был в числе этих лиц».

Весной 1977 года у нас еще была переписка с маршалом. Его интересовало многое. Но главное, что волновало его — мир на земле.

Здоровье маршала, подорванное лишениями, пережитыми на фронтах, ухудшалось.

Маршал писал:

«Уважаемый Василий Ефимович!

Простите, что из-за моей болезни врачи лишили меня встречи с Вами... За последние дни, после очередного воспаления легких, я хотя и в спальне, но уже за столом, смог не только закончить, но и сдать издателям свою небольшую книжку «О советском патриотизме».

Благодарю Вас за Ваше внимание ко мне...

С сердечным приветом

А. Василевский.

6 марта 1977 г.»[1]

Помня совет маршала фронтовикам-сталинградцам — делать все для патриотического воспитания советской молодежи, я написал эту книгу...

Волгоград — Москва — Алма-Ата.

[1] Архив автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ СКОРОБОГАТОВ

СЕКРЕТ СТАЛИНГРАДА

Роман

Редактор *А. Загородний.*
Художник *Л. Тетенко.*
Худож. редактор *К. Зульпикаров.*
Техн. редактор *М. Злобин.* Корректор *Е. Шкловская.*

ИБ 1717

Сдано в набор 22.04.82. Подписано в печать 3.10.82. УГ 15227. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 9,25. Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 16,3. Тираж 100 000 экз. Заказ 1587.
Цена 1 руб. 30 коп.

Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480046, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.